

Анна Вислоух (Людмила Петровна Шилина) родилась в Челябинске. Окончила Воронежский инженерно-строительный институт. Публиковалась в сборниках издательств «Эксмо», АСТ, «Вече». Автор рассказов, книг в жанре докуфикши. Дипломант Германского конкурса «Писатель года», лауреат премии «Кольцовский край», победитель конкурса «Подросток N» издательств «Лабиринт» и «КомпасГид». Член Союза журналистов и Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Анна Вислоух

«ЗОРКА ВЕНЕРА ЎЗЫШЛА...»

Повесть

ОТ АВТОРА

Эту повесть я посвящаю памяти моих родителей, Петра Андреевича и Наталии Семеновны Костенко, которые познакомились в городе Дрогобыче Львовской области в 1946 году. Написана она по реальным событиям, как сегодняшним, так и происходившим много лет назад.

Я родилась уже после Великой Отечественной войны, и я не участвовала в специальной военной операции на Украине, которая началась в феврале 2022 года. И этот вопрос — а могу ли я вообще писать на такие темы — в голове, конечно, застревал и болезненно напоминал о себе своими острыми углами, когда я сначала обдумывала идею повести, а потом начала писать ее. После того как рассказ, из которого книга потом и получилась, победил в конкурсе одного из издательств, я окончательно поняла: все, что я делаю, как русский писатель, как патриотка России, я делаю правильно. И никто меня в этом не переубедит.

У меня есть личные причины обратиться к этой теме, теме нацизма, украинского национализма и бандеровщины. Это не эксклюзивная тема авторов, участвовавших в тех событиях, как не эксклюзивна тема холокоста, о котором я тоже написала книгу, как не эксклюзивна тема Великой Отечественной войны. Скорее всего, мы потеряем что-то важное, если в книгах о нацизме ее персонажи будут показаны только с точки зрения свидетелей или преступников.

«Литература не может передать вызывающих оцепенение цифр, но она может стать свидетельством, стать памятью», — писала Джейн Йолен, автор современной книги для подростков «Дьявольская арифметика» о нацистском лагере смерти Аушвиц.

«Зорка Венера...» — это художественное произведение со всеми допущениями и выдуманными ситуациями, присущими беллетристике, хотя здесь есть реальные действующие лица. Я по-прежнему остаюсь верна документально-художественному жанру, в котором работаю. Имена очень известных в прошлом персонажей я оставила без изменений, как и имена моих родителей. Но имена выдуманных героев выбрала сама, так что любые совпадения будут случайны.

«Никто, — говорил Константин Симонов, — не может сказать: я знаю о войне все! Все о войне знает народ. Так давайте записывать народ».

И я записывала, прослушивая километры свидетельств реальных людей, прочитывая тома документальных источников. В тексте приведены подлинные документы, хранящиеся в архивах и изданные в сборниках. Их, повторю, было много, но основные назову: сборник документов и материалов о сотрудничестве украинских националистов со спецслужбами нацистской Германии «Документы изобличают», изданный в Киеве в 2004 году, «Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В 2-х томах», «Черная книга. Зверства бандеровцев» и «Черная книга. Зверства современных бандеровцев — украинских неонацистов», изданные в Москве в 2022–2023 годах, книги Ярослава Галана.

И моя задача как писателя состояла в том, чтобы выбрать из своей и чужой памяти самое значимое, бьющее прямоком в цель, как винтовка снайпера. Я тоже считала себя мобилизованной, когда писала эту книгу. Мобилизованной на тот фронт, который сегодня проходит не только по линии боевого соприкосновения, но и по сердцу всех неравнодушных людей.

Я благодарна всем, кто помогал мне в этой очень непростой работе.

*Не говори печальными глазами
То, что не могут вымолвить уста.
Так возникает нежность между нами.
Так возникает суть. И неспроста
Я вижу сон, в его мерцанье снова
Ты ждешь и веришь в магию чела.
А я в звезду, что падает. И в слово.
В то слово, что сказать я не могла.
Я не скажу и в памяти: «Любимый...»
И все же вспомни, просто глядя ввысь.
Шли две судьбы, разлукою гонимы.
И на развилке судьбы обнялись.*

Лина Костенко
(перевод с укр. автора)

КИРА

Если еще немного поднажмут сзади, этот толстый дядька совсем на нее уляжется. Ну неужели нельзя хоть чуть-чуть соблюдать дистанцию! Кира раздраженно уперлась плечом в живот толстяка. Ни с места. Да это не пузо, а бронезилет какой-то! Сказать ему, что ли?

— Мужчина... Мужчина! — Кира побарабанила мужичка по крутому животу, обтянутому застиранной майкой. — Вы не могли бы так на меня э-э-э... не напирать. А то я просто свалюсь на свою соседку!

Мужик бросил вниз взгляд и хмыкнул.

— Ты сидишь, голубушка, а я стою. Как и большинство в этом дерьмовом автобусе! Видали ее! Расселась, еще и недовольна! Такси заказывай или личное авто с шофером! Принцесса, вишь!

Кто-то сзади громко заржал, автобус дернулся на светофоре, мужик совсем упал на Киру, она отпихнула его, скользнула под рукой, в нос шарахнуло потом. Кира отчаянно пробиралась к выходу в давке, толпа выдавила ее из автобусного нутра, и Кира облегченно вздохнула. Ну и пусть не доехала пары остановок до дома, прогуляется. Ей это нужно: просто пройтись по знакомым с детства улицам, успокоиться.

Ужасный был сегодня день. Во-первых, поссорилась с Машкой, лучшей подругой. Из-за ерунды какой-то. Кира стала возмущаться, что из-за этой, как ее... специальной военной операции, что так внезапно началась, ушли с российского рынка брендовые магазины, и во что мы теперь будем одеваться?! На страну и русских обрушились будто тонны грязи, нас все ненавидят, началась паника, вчера узнала, что ее одноклассник Мишка, талантливый программист, рванул в Латвию, там у него бабушка жила... Не будет работать «Макдональдс», закрывают границы, перестают выдавать визы... Это что, опять железный занавес?! Предположим, при нем Кира не жила, но много слышала от родителей. Толком никуда не могли пойти, в смысле, в ночной клуб или арт-пространство, не было их вовсе, не могли поехать за границу, только в так называемые соцстраны, и обязательный сопровождающий в группе от этих самых... От органов. Папа рассказывал, как дедушка ездил таким сопровождающим. Типа руководитель группы. Да какой сопровождающий, соглядатай это, шпион самый настоящий! Шпионил за людьми, подслушивал, подсматривал. Ну, и отвечал за то, чтобы никто не сбегал, наверное.

И вот когда она стала все это Машке говорить, та на нее как-то странно посмотрела. Тебе что, говорит, эти поездки важнее того, что людей на Донбассе уже восемь лет убивают?! Детей, стариков? Важней жизни той малышки и ее мамы из Луганска, которую разорвало снарядом?! Нет, она в своем уме, ну как можно сравнивать! Ах, да, забыла же, у них в Луганске родственники, Маша рассказывала, что там какие-то ужасы происходят, а люди не уезжают, ополчение даже собрали. Еще восемь лет назад. Но что бомбить их будут, не ожидали. И правда, гадство это. На своих же жителей бомбы! В голове не укладывается. Но ведь это другое государство уже. Получается, мы с соседями теперь воюем?! Со славянами, со своими, значит... с братьями, получается, как бы они ни открещивались.

Кира все эти аргументы представляла, втолковывала подруге. Нет, ну разве она неправа?! Конечно, Машка никуда не ездила, ни по России, ни за границу тем более, у нее мама очень больна, не до того им. А Кире было жалко все путешествия, накрывшиеся медным тазом. Вон Испанию планировали, Грецию... А теперь только Турция и осталась. Слово за слово, Машка надулась, выхватила свою сумку из стола и выбежала из аудитории. Понятно, нервы у нее сейчас на пределе. Но так ведь тоже нельзя. Только о себе думать!

Кира досадливо поморщилась и пнула камешек, попавшийся на дорожке. Нет, с Машкой нужно помириться, ясен пень. И Артема сегодня не было на парах, а Кира так хотела его увидеть. Артем, Тема, Темыч... да понятно, про слишком красивых мужчин она сто раз слышала от девчонок: зачем нам такие красавцы, мучайся потом с ними, от ревности загнешься раньше времени. Но Кира ничего не могла с собой поделать, ее как молния ударила, когда она увидела его в первый раз на общем собрании первокурсников. И красота здесь ни при чем, так она себя уговаривала. А если это любовь?! Да, с первого взгляда. Ну, а разве она дурнушка? Нет, вполне себе симпатичная стройная девица, и ухажеры у нее были, в шко-

тетельно забывала уже пару лет. Забыла, считай.

Ну и, во-вторых... Утром мама чуть ли не ультиматум поставила. Мол, теперь, дорогая доченька, придется слегка пересмотреть свои хотелки. В сторону уменьшения. У ее отчима Степана обнаружилось не сильно тяжелое, но довольно неприятное заболевание, нужна операция. Он основной кормилец в семье. И вообще... Надо так надо. Но стоит операция дорого, и новый айфон, который ей обещали на день рождения, теперь будет ехидно ухмыляться с витрины магазина. Короче, не видать ей его как своих ушей без зеркала. Намекнула бабушке: можешь? Но та даже разговаривать на эту тему не стала. «Ты же знаешь, Кириуш, у нас в приюте беженцы. Я и так туда почти всю пенсию отдаю...» Только и слышно вокруг: СВО, беженцы, фонды, сборы!.. Почему это все должны люди оплачивать?!

Да, во время той, Отечественной войны, люди тоже все свои сбережения отдавали, танки даже были именные. Но ведь сейчас совсем другое время! Бабушка несколько раз намекала, чтобы Кира помогла им в приюте. Но обида жгла Киру, и она никак не могла отделаться от мысли, что все вокруг против нее, что все так и норовят лишний раз сообщить, какая она бесчувственная и ей нет дела до чужих страданий.

Но как-то быстро они забыли, что Кира все время подрабатывает санитаркой в гнойном отделении, а в прошлые каникулы вместо того, чтобы укатить с друзьями на море, осталась с Машиной мамой в городе, а Машку отпустила отдохнуть. Так еще и с псом их Пряником возилась, когда он что-то на улице сожрал и его всю ночь тошнило.

Вот так всегда и бывает. Правильно в мультике пела старуха Шапокляк: «Кто людям помогает, тот тратит время зря, ха-ха!» А тут еще этот автобус и противный потный мужик! Все одно к одному. Настроение совсем испортилось. Она зашла в свой подъезд, нашарила в сумке ключи. Хотя бы никого не было дома, сейчас пристанут с расспросами: что да как, чего ты такая грустная — и т.п. и т.д.

Кира открыла дверь и увидела на вешалке пальто бабушки Ани. Ну да, сегодня она хотела зайти: что-то маме передать. Или забрать. Неважно. Она здесь, на кухне, похоже, и сейчас начнутся расспросы. Кира вздохнула, стала ожесточенно стаскивать ботинки — запутались шнурки, она стянула их кое-как, отшвырнула и попала прямо в кота Мартина, не вовремя высунувшегося из-под вешалки, где он облюбовал себе место. Кот заполошно мявкнул и метнулся на кухню жаловаться.

Из кухни выглянула бабушка.

— Что-то случилось? Ты что такая... взбудораженная? — Анна Петровна сделала паузу, словно искала слово помягче. Но Кире было все равно. Она не собиралась ни перед кем отчитываться. Молча прошла в свою комнату, хлопнула дверью. Да, некрасиво. Тогда нечего лезть к ней с расспросами, видно же, что человеку плохо!

Кира упала на кровать и накрыла голову подушкой. Но бабушка не заходила, больше вопросов не задавала, и Кира понемногу успокоилась. Она стала перебирать в памяти сегодняшние происшествия, взвешивая их значимость, и уже совсем было решила позвонить Машке, как дверь приоткрылась и бабушка все же заглянула к ней в комнату.

— Я просто сказать, что ухожу. — Она помолчала. — Работы много, беженцы снова приехали, большая партия...

Вот этого ей говорить было не нужно. Кира почувствовала, как ее затапливает волна негодования и еще чего-то нехорошего, некрасивого, за что в обычной жизни ей стало бы стыдно. Буквально через минуту стало бы. Но она больше не могла сдерживаться. Не хотела.

— Беженцы, беженцы... только и разговоры про них! Кругом только и слышно: война, фронт, СВО еще какое-то выдумали! — Киру словно что-то толкнуло, будто это слово «беженцы», недавно снова вошедшее в обиход обывателей, произнесенное вслух, включило в ней сигнал протеста, оголенные провода от которого внезапно заискрились. — Зачем нам это все, ты можешь мне ответить? Это не наша война! Вот зачем мы в нее влезли, а?! Жили себе, никого не трогали бы, и нас бы никто не трогал! А теперь все нас ненавидят, одни угрозы, границы закрыли, визы не выдают! Все шмоточные магазины от нас отказались, все бренды, все закрылись! Был туризм — и где он сейчас? Мы с детства знали: весь мир открыт. Теперь все закрыли. Ага, Турция осталась, только туда как-то не хочется после сообщений в СМИ о драках с украинцами. Новые иностранные фильмы... ну, вся надежда на «пиратов», но как-то это... гадко. Зарубежные звезды вообще больше не придут. Знаю, ты скажешь сейчас: пустяки. Хорошо, с трудом, но соглашусь. Смотрим российский спорт, одеваемся на рынке, да и старина Хэм с Ремарком остались. Про «наше все» молчу... Но главное-то не это! Нас всех поставили на краю... Помнишь, крепость Нарын-Кале в Дербенте, там еще такая площадка обрывается вниз, с нее, нам гид говорила, пленных сбрасывали. Так вот, мы все на такой площадке стоим, с завязанными глазами. Что будет, если сделать шаг? А можно просто умереть, в двадцать лет. Представить сейчас хоть какое-то приличное будущее нереально, надо серьезно включить фантазию. И то вряд ли получится увидеть свет в конце тоннеля. Все мы, русские, теперь виноваты. Ах, не мы убиваем? А это никому неинтересно! Теперь, типа, друзья и партнеры бывшие, поухавшие в том числе, нам повсюду обещают и клянут что есть сил! — Кира это выпалила на одном дыхании. — Так еще и «Макдоналдс» — все! Закрывается. Сегодня последний день!

— О господи, — с облегчением выдохнула бабушка. — Я уж подумала, что труп в прозекторской вскочил во время занятия и откусил у тебя кусок беляша, который, я знаю, ты жуешь втихаря от препода.

Кира не собиралась сдаваться.

— Да, конечно, тебе смешно! Вам все время весело. Только и можете повторять: нам бы ваши проблемы! А они есть, проблемы эти! Вам на них плевать. И на нас вам плевать! Вы все за нас решаете. А нас кто-нибудь спросил: нафига мы на эту Украину поперлись, что мы там забыли?! Мы же тоже граждане... этой страны! Как голосовать, так обязательная явка, как на митинг какой официальный — обеспечьте явку от факультета, на «Бессмертный полк» чтобы была колонна...

Кира махнула рукой и отвернулась, мол, что тебе объяснять, ты сейчас мне снова мораль читать начнешь, про родителей своих, да про войну. Уже сто лет назад эта война была, все забыть никак не можете. Она театрально всхлипнула. Но ответом ей было молчание. Кира подняла голову от подушки.

Бабушка стояла у стола, зачем-то подравнивала беспорядочно сваленные в стопку Кирины тетради, сложила ручки, вставила их к карандашницу, смахнула невидимую пыль. Кира только хотела что-то съязвить, как бабушка вдруг заговорила.

— Тут на днях такой случай произошел. Есть у нас повариха Оля, ворчит все время, ругается, мол, еще на нашу голову привезли, корми их тут всех, а наши дети чем хуже. Мы ее успокаиваем, пытаемся объяснить, просто муж у нее пьющий, она одна детей тянет, вот и сдают нервы. А вчера...

Бабушка повернулась к Кире и посмотрела ей прямо в глаза. Кира отвела взгляд: такого выражения лица бабушки она не помнила.

— А вчера... Оля что-то совсем разбушевалась и как швырнет половник, тот об кастрюлю пустую, а кастрюля — на пол кафельный. С грохотом. И вдруг дети, что были в столовой, молча упали на пол, старшие прикрыли младших. И так лежали, пока не подбежали воспитатели и родители... Первое время, как они при-

ехали, если где-то какой-то шум или выстрел, заходишь, они уже с пакетами стоят. Если поблизости что-то грохнет, они в доме под стенкой сидят...

Бабушка замолчала, еще раз поправила уже аккуратную стопку и вышла из комнаты. Обиделась, наверное. Ну так что ж, Кира тоже имеет право на свое мнение. И ее друзья имеют. Они взрослые люди. Нечего всех под одну гребенку грести, уже проходили. Она достала телефон. Быстро набрала в мессенджере: «Тем, поехали в Мак ночью, типа прощаться, он седня последний день работает. Машке напиши. Она на меня надулась, может не ответить».

Звякнул ответ: «А твой отчим отвезет нас? А то потом как назад?» Кира: «Ну, щас буду уговаривать, он любит, когда я подлизываюсь». Маша на ее сообщения и послания Артема так и не ответила.

Кира зашла на кухню, пошарила в холодильнике, нашла холодную курицу, поставила в микроволновку разогревать. Ей снова вспомнилось бабушкино перевернутое, что ли, лицо. Вот и она туда же, не хочет воспринимать ее переживания всерьез! Кира поежилась. Смотрела на нее как на предателя какого-то. Но это неправда, Кира не была уж совсем бесчувственной дурочкой. И бабушка Аня немало в ее голову вложила информации по истории войн на русской земле. И книг много читала о войне, о нацизме, и фильмы смотрела. Они еще до эпидемии ковида успели съездить в Польшу и Беларусь, бабушка очень хотела показать ей те места, откуда пошел их род. В Бресте, где жила бабушкина подруга тетя Зоя, были в Брестской крепости, ездили в Хатынь. Там ей вдруг стало плохо, она почувствовала, что на нее словно наползает какой-то синий туман, зазвенело в ушах...

Бабушка тогда испугалась. Они с тетей Зоей ее несли на руках, а она не могла даже ничего сказать, словно забыла все слова. А когда они домой вернулись, бабушка с подружкой уложили ее на диване в комнате, а сами сидели на кухне чуть не до рассвета, все говорили, говорили. Выпили, но уже не коньяка, а белорусской водки. И пели. Кира запомнила очень красивую песню: «Зорка Венера ўзышла над зямлею, / светлыя згадкі з сабой прывяла. / Помніш, калі я спаткаўся з табою, / зорка Венера ўзышла...» Она тогда не все поняла, песня была на белорусском, но тетя Зоя ей пересказала смысл. Двое влюбленных расстаются, но он просит ее смотреть на звезду Венеру и вспоминать его. И он будет в это же время смотреть и вспоминать ее. Почему-то эта история Кире запомнилась и очень понравилась. Романтичная, наверное, поэтому.

В Польше, в Кракове, они с бабушкой были в музее Шиндлера, в Освенциме — в музее нацистского лагеря Аушвиц-Биркенау.

Но что происходило сейчас, она, хоть убейте, не понимала. Да, они привыкли к такой спокойной комфортной жизни. Ну так что здесь плохого? Не за это разве боролись те, кто...

Нет, она, конечно, очень хочет понять. Но никак не может взять в толк: ну почему на этой прекрасной планете нельзя всем просто жить, работать, растить детей, ездить друг к другу в гости! Почему нужно убивать друг друга? Чего же вам, люди, не хватает?! Эти вопросы она задавала уже несколько лет назад, когда они с бабушкой были приглашены на образовательный семинар в музей лагеря смерти Аушвиц в польском городе Освенциме. Вернее, пригласили бабушку как журналиста, а Киру она взяла с собой. И уж точно она никогда не забудет, как они побывали в архиве музея. После того, как прошли по его территории, как послушали все, что рассказывала пани Мария, бывшая учительница, прекрасно владевшая русским. Как ее правильно назвать? Гид, экскурсовод? Но сотрудники музея несколько раз повторили, что этот путь по лагерям не экскурсия, это слово сюда не просто не подходит, оно кощунственно. Это именно Путь. Кира так про себя и назвала это путешествие во времени.

Бабushка договорилаcь c архивиcтaми Аушвицa, что придет в архив еще раз, ей нужны были какие-то документы. Их пообещали найти. Анна Петровна до пенсии работала в областных и федеральных газетах и скрупулезно собирала все сведения о преступлениях нацистов. На вопросы Киры отвечала туманно: книгу хотела написать.

Архив размещался в одном из бывших блоков лагеря, которые выглядели как и в годы Второй мировой. И показывали теперь эти на первый взгляд вполне обычные здания из красного кирпича и то, что было внутри, группам из всех стран мира. Из России их, правда, было не очень много, а немцы, израильяне везли сюда своих детей целыми автобусами. Кира видела несколько таких групп.

Вообще они часто слышали немецкую речь, когда шли по улицам лагеря. И в связке с лагерным антуражем этот резкий, на генетическом уровне нелюбимый язык производил жуткое впечатление: будто время остановилось или вернулось назад. Кира поразилаcь мужеству, с которым немцы приезжают в Аушвиц-Биркенау, самый большой нацистский лагерь Европы. Они возвращаются сюда снова и снова, приезжают с детьми и внуками... Что ими движет, ради чего они тут? Чувство вины, желание рассказать всем об этом, чтобы знали, чтобы не забывали... И это, видимо, тоже.

Сегодня их привели к памятнику недалеко от места захоронения останков советских военнопленных, с надписями на польском и русском языках: «Памяти советских военнопленных — жертв нацизма. Здесь покоится их прах. Светлая память погибшим». Рассказали, что за могилой ухаживают волонтеры, молодые поляки и немцы.

Когда они с пани Марией подошли к этой могиле, как раз и встретили там юношей и девушек в синих одинаковых куртках. Молодые люди красили ворота ограды. Поздоровались, ребята спросили, откуда группа. «Из России, — сказала Кира. — А вы?» — «А мы немцы», — ответил один из них. Все молчали. Кира почувствовала, как по лицу текут слезы, отвернулась. Кто-то из российской группы произнес: «Данке, ауфвидерзеен». И они молча пошли дальше. Долго шли, не произнося ни слова. Потом Анна Петровна сказала: «Ну вот... за могилой советских военнопленных ухаживают представители нации, развязавшей одну из самых страшных войн на планете. Хотелось бы думать, что эти ребята новую войну не начнут...»

Кира еще раз оглянулась. Белокурый долговязый паренек помахал ей рукой. «У, фашист недобитый», — недобро подумала она и передернула плечами, показывая все свое отношение к этим правнукам врагов.

А на следующий день они приняли участие в Марше живых. Как объяснили Кире, назвали его так по ассоциации с маршем смерти, в который в январе перед освобождением лагеря эсэсовцы погнали изможденных людей за шестьдесят километров в свой тыл. Дошли далеко не все... Российская группа шла в общей колонне вдоль железнодорожной ramпы в Биркенау. Рядом с ними бодро вышагивали довольно пожилые женщины, о чем-то переговаривались на английском. «Where are you from?» — вдруг повернулась к Кире одна из них. Та слегка растерялась, но быстро сориентировалась: «We are from Russia» — «Oh, wonderful! And we are from America, California». Кира вежливо ей улыбнулась, хотела спросить, почему она здесь, но шустрая старушка уже догоняла свою группу.

И тут она снова увидела вчерашнего белокурого немца. Он был все в той же синей куртке, которую выдавали волонтерам, помогал катить коляску с каким-то пожилым мужчиной. Кира отвернулась, но паренек окликнул ее: «Стррррастуйте!» Произнес приветствие по-русски, довольно чисто, с раскатистым «р». «Привет!» — буркнула Кира. «И ауфвидерзеен», — добавила про себя. Но паренек остановился, протянул руку. «Фот, я хотель подарит. Тебье. Вам...» Кира посмот-

рела, что он ей протягивал. Что это? Какой-то кусочек стекла, но не острый, будто оплавленный... «Перите. Это мы нашель там, где всорвали крематориум, зондеркомmando, фосстание... На память». Кира машинально взяла желтоватый осколок. «Ты говоришь по-русски?» — «Йа. Да. Немношк. Но я буду училь!» Паренек махнул ей рукой и покатил коляску дальше, в сторону мемориала, где должно было состояться торжественное мероприятие. Кира хотела спросить, как его зовут, но не успела. Больше она мальчишку не встретила. Десять тысяч человек со всего мира собрались, шутка ли. Стеклышко, завернув в платок, положила в сумку. Да, на память. Если исчезнет наша память... Не хотелось бы даже думать, что тогда будет.

Разве она это не понимает?! Но почему тогда все вокруг словно отстранились от нее? Словно они видят что-то такое, что проходит мимо нее. Машка, лучшая подруга, видит, а Кира нет. Упрямство и желание во что бы то ни стало настоять на своем — мама всегда за это ее и упрекала. Да если бы она понимала, что неправа, разве бы так упиралась? Нет, конечно! Только ведь она права, права! Отмотать бы все назад, как кинолентку... Или заснуть, а проснуться — и нет никакой СВО, все живут мирно и счастливо. Эх...

Кира явно дожевала показавшуюся безвкусной курицу. Вернулась в свою комнату, подошла к книжному шкафу. Стеклышко лежало в коробке со всякими милыми сердцу вещичками: значками, маленькими сувенирами, привезенными из поездок, заколками и колечками. Кира покопалась в коробке, нашла стеклышко. Оно тускло блеснуло в свете лампы. Память... Но ведь это было так давно! Какое мы сегодня ко всему этому имеем отношение! У нас что, в соседней, когда-то братской республике снова нацизм возродился?! Нет, этого просто не может быть. Она бросила стеклышко в коробку и закрыла ее.

Кира недолго уговаривала отчима отвезти их в ближайший «Макдональдс» «прощаться». Степан, простой водитель-дальнобойщик, появился в их семье не так давно и изо всех сил старался понравиться падчерице. Она вежливо улыбалась на его шуточки, грубоватые, но не злые, на сближение не шла, держалась вежливо, но отстраненно. Кира мечтала только об одном: поступить в медицинский институт в Москве и уехать из дома, начать самостоятельную жизнь. Но баллов в Московский медицинский ей не хватило, пришлось срочно перебрасывать документы в свой областной — и то еле-еле прошла. Поэтому она старалась как можно меньше бывать дома, пропадала на своих студенческих тусовках вместе с Артемом и Машей.

Артем, скорее всего, понимал, что Кира влюблена в него по уши. Никак не получалось у нее это скрыть, как ни пыталась. Но он не делал никаких встречных шагов, подчеркнуто дружелюбно относился и к ней, и к ее подруге Маше. Ага, типа, друзья. Кира страдала, плакала Машке в жилетку, та утешала, говорила что-то о том, что Артем просто смазливый мальчишка, а по сути — так, пустышка, нарцисс. Ленка вон с ним в одном классе училась, рассказывала, что в голове у него одни тусовки и игрушки, с ним и поговорить-то не о чем! Зубрилка и подлизывала к тому же, а эту свою золотую медаль... Кира передергивала плечами и закрывала руками уши: ничего не хочу слышать! На него все наговаривают, а Ленка первая, она в Артема еще в школе втрескалась! Противно слушать!..

Кира вернулась домой уже далеко за полночь. Конечно, дядя Степан не отказал падчерице и ее друзьям в этой поездке. Ну чем бы дитя не тешилось... Ребята устроили «Макдональдсу» торжественные проводы, больше, правда, смеялись, чем действительно грустили. Но были и такие, что откровенно жалели эту фастфудную забегаловку, и некоторые девчонки даже всплакнули. Нет, ну это уж слишком, решила Кира.

Мама спала, ей завтра рано вставать, ехать к своим ученикам. Она преподавала в школе литературу. Кира включила свет в своей комнате и увидела на светлом покрывале кровати какую-то папку. Она взяла ее в руки, повертела. Обыкновенная старая картонная папка, в которой когда-то хранили всякие документы. Кира видела такие в архиве, когда занималась поиском документов о своем прадеде.

Бабушка положила? Когда успела, возвращалась, что ли, снова... Перевоспитывать ее теперь будет. Ну что здесь можно прочитать такого, чтобы думать обо всем, произошедшем в последние месяцы, по-другому? Кира вздохнула, переложила папку на стол. Завтра посмотрю, решила. Или когда время будет. И мгновенно уснула, забравшись под одеяло.

АННА ПЕТРОВНА

Она не возвращалась в квартиру дочери, некогда было. Но сказанное в запальчивости Кирой ее задело так, что Анна Петровна не могла успокоиться. Шла по улице и спрашивала саму себя: ну как, когда наши дети стали так думать, что мы сделали не так, где не рассказали, не объяснили совсем простые вещи?! Простые, да. Элементарные принципы человеческого бытия... Эти горькие мысли не давали покоя.

Что знали о той, Великой Отечественной, они, мальчишки и девчонки 60–70-х? Да не так и много. Перед Днем Победы обязательно в класс приходили ветераны, много увлекательно рассказывали о войне, и им казалось, что это какое-то нескончаемое приключение. Романтика! Десанты, разведчики, партизаны, подпольщики и диверсанты... Обратная сторона всей этой тяжелой военной работы была от них скрыта. Казалось, что уже и сами ветераны помнили только победные марши и забыли про кровь, пот и грязь окопной боевой жизни. Или их так просили рассказывать: дети все же, ну зачем их сейчас шокировать этой вашей правдой, ведь они такое больше никогда не увидят. А они увлеченно играли в «Зарницу», маршировали и кричали речевки, зачитывались книгами о войне, обожали фильмы, которые, за редким исключением, и правда, были больше приключенческими и далекими от действительности. Больше о войне им знать и не хотелось. Это же давно было. И никогда больше... Фашизм мы победили на всей Земле. Уверены были.

И Анна Петровна, как и многие ее сверстники, сокрушалась, что с распадом страны ушло в прошлое и патриотическое воспитание, пусть даже такое однобокое, больше идеологическое, чем действительно полезное и действенное. А если завтра война? Смогут ли нынешние молодые отстоять свою страну, не получив этой патриотической прививки, относясь ко всему родному с пренебрежением, поглядывая на Запад, подражая всему заграничному, а то и уезжая туда совсем? Она не могла ответить на этот вопрос. Но иллюзий не строила. Правда, был Афганистан, какая-то странная чужая война. Потом Чечня... Но воевавшие там вышли все же из того, советского «племени» пионеров и комсомольцев. Значит, вся эта «дешевая пропаганда», как пренебрежительно называли ее в либеральных СМИ, свою роль сыграла. И лучше так, чем совсем никак. Лучше!

О том, что случилось с семьей ее мамы, жившей до войны в украинском селе, она и сама узнала много позже. Мама рассказала ей все, когда Аня была взрослой. Аня уже училась в университете на филфаке, пробовала писать, начала публиковаться в студенческой газете. Сначала не могла поверить: мама, как, свои?! Это были свои же, украинцы? Мама тогда сказала: «Аня. Ничего не записывай. Все запомни. Когда-нибудь ты поймешь, что я рассказала тебе правду. Я очень боюсь, но когда-то эта бомба под нашим боком рванет». Она тогда рассмеялась: «Мам, ты что?! Украина?!» Любимая, родная, где такие милые хатки с мальвами в палисад-

никак, где добрые сердечные люди, односельчане отца, куда каждое лето Аню отправляли к бабушке на каникулы? Разве может быть какая-то угроза от соседского Толика или его «тато» дядьки Сашка, приносившего им свежесловленную в речке Раставичке рыбу и Анечке целую миску лесной земляники? Да такого не могло быть никогда, ерунда какая-то! Какая бомба, выдумки это, мам!

Анна Петровна тяжело вздохнула, поправила стоявшую на столе фотографию мамы. Ну что сказать... Что-то ты знала такое, мамочка моя дорогая, что-то ты понимала больше, чем мы все, замершие в своем неведении и неверии, как в анабиозе. Зато сейчас... Проснулись. Да, она, все же тайно записавшая мамин рассказ в тетрадь и хранившая ее в старом школьном портфеле, даже она не сразу поверила в происходящее. Она очень хорошо помнила конец 2013 года, когда вся эта беда подступила к ее родной Украине и страна не устояла на краю той пропасти, в которую ее так усиленно толкали. Рухнула. И погребла под своими обломками сотни и тысячи людей. Как ей было тогда страшно! Она не могла скрыть ни своего страха, ни слез. И только повторяла: все, это конец... Конец.

«Брось, мама, ну какой конец, — отмахивалась дочь, которая в то время как раз разводилась с мужем и ей было не до вселенских проблем, свои бы решить. — Выдумываете тоже. Перебесется, все как и раньше будет».

Нет, Танюша, не будет. Уже никогда не будет. Правда, когда началось СВО, Татьяна стала помогать собирать продукты, носки, белье и посерьезней снаряжение, плели сети в храме, куда они ходили всей семьей. Присылала своих учеников-волонтеров в приют, который строили при храме как прибежище для женщин с детьми, попавшими в сложную ситуацию, но теперь он выполнял другие функции. Здесь поселили беженцев. Да таких же, собственно, женщин с детьми. И ситуация их жизненная была не просто не самой легкой, а поистине чудовищной. Но Анне Петровне, которую уговорили после ухода на пенсию заняться обустройством быта здешних жильцов, все же казалось, что до молодых так до конца и не дошло, что же на самом деле случилось. И вот еще теперь Кира...

«Чего мы на эту Украину поперлись...» Брошенная внучкой фраза больно резанула. Говорить сейчас Кире, что это русская земля, что там гибнут такие же русские люди, дети, было бесполезно. Мозги умной нормальной девчонки сегодня загуманены «грустными» новостями о том, что из картины ее привычного мира вдруг кто-то стер знакомые с детства предметы, что привычный комфортный мир рухнул, и надеяться, что все будет по-прежнему, не приходится.

Она потеряла лоб. Но надо же что-то делать. Так не должно быть! Это же их уминица Кира. Это ее любимая внучка, которую называли в честь деда, ее мужа Кирилла Дмитриевича, участника ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, рано ушедшего из жизни и внучку не увидевшего. Это их Кира, которая тогда, четыре года назад, поблелдела, застыла перед памятником в Хатыни и так стояла, как вкопанная, и потом они с Зоей никак не могли вывести ее из ступора. Анна Петровна просто прижала внучку к себе и качала как маленькую. Как она себя потом ругала, наверное, слишком рано было все это на голову ребенку обрушивать. Поэтому и остерегалась рассказывать, что произошло с ее семьей, с ее маленькой мамой в 43-м, в украинском селе...

Что же случилось сейчас? Почему булка с непонятным куском картонной котлеты и очередная шмотка с лейблом вдруг заслонили человеческое?

Анна Петровна тяжело опустилась на диван. На кухне выкипал бульон, но она про него забыла. Не хотела рассказывать внучке об этом, думала, что маленькая еще, мол, пусть подрастет. А она вот и выросла, двадцать почти, на втором курсе мединститута. «Чего мы на эту Украину поперлись...» Она встала, решительно выдвинула ящик комода и достала оттуда простую картонную папку.

С минуту смотрела на нее, не решаясь открыть, потом медленно развязала за-

вязки. Давно она не видела эти документы. В висках застучало, сердце забилось тревожно, комок сжался у горла... Нет, Кира не должна это читать, девочка совсем. Стоп. Так, может, вот то, что мы их бережем как новогодние стеклянные игрушки, заворачивая в вату, это и привело к такому результату? И они теперь думают только о том, что будет с их комфортной жизнью, а не о том... Не о тех людях, которые восемь лет живут под обстрелами.

Она тяжело вздохнула, еще раз провела по папке ладонью и решительно засунула ее в сумку. Потом набрала номер дочери.

— Таня, у нас новая партия беженцев прибыла, а мне нужно Кире папку передать, она просила, какой-то доклад, что ли, ей задали написать. Я заеду к тебе в школу, ты ко мне выйди, папку эту забери. Только не забудь Кире отдать, вдруг ей срочно!

Анна Петровна вышла из дома и быстро зашагала в сторону остановки.

В папке были те самые воспоминания ее матери, жившей и работавшей в середине прошлого века на Западной Украине, те, что она тайком записывала в тетрадь, боясь забыть... И копии некоторых документов, найденных в сети и в архивах.

Анна Петровна часто ездила в Киев к двоюродным сестрам, они крепко дружили, еще с детства, собираясь летом у бабушки, матери отца, в селе на Украине. Маминых родителей не было в живых, подробностей их смерти Аня тогда не знала, мама отвечала просто: болели, умерли рано. Отец с фронта вернулся раненый, мама надорвалась на работе в тылу во время войны. Ане этих сведений было достаточно. Но оказалось, что все было намного хуже. Настолько хуже, что Аня, узнав правду, не сразу в это поверила. Только много позже она поняла, что это не выдумки.

Когда рано утром 24 февраля она увидела сообщение в сетях о начале СВО, в ленте появились слова «обстрел, бомбежка», у нее началась истерика. Она металась по своей квартире, хватала за чем-то какие-то вещи, пробовала звонить в Киев сестрам, приговаривая: «Это все ненадолго, это все быстро закончится, этого просто не может быть. Не должно быть... Как же так!» Дозвониться не получилось. Сидела, тупо глядя сквозь застилавшие глаза слезы на экран телефона и не видела, что пишут информагентства, с пулеметной скоростью менявшие новости в ленте.

И вот прошло уже три недели, как началась СВО, ей никто не звонил, и она сама не связывалась с родными. Не знала, что им говорить, — признавалась сама себе. Во ВКонтакте у Анны Петровны была в друзьях ее внучатая племянница Настя. Внучка умершего двоюродного брата, жившего в Киеве. И Настя ничего не писала, ни о чем не спрашивала все это время.

И вдруг Анна Петровна увидела во ВКонтакте сообщение от Насти. Обрадовалась. Та, не поздоровавшись, задавала вопрос, в котором уже изначально чувствовалось ее отношение к происходящему: «Ну и что вы обо всем этом думаете?»

Анна Петровна постаралась вежливо, но твердо обозначить свою позицию. Набрала в мессенджере: «Настя, ваш президент повел себя безобразно, он не выполнил ни одного предвыборного обещания, он не просто не остановил обстрелы донбасских городов, а увеличил их. А ведь громко заявлял во время своей предвыборной кампании, что для него главное — жизни людей, что он будет договариваться хоть с чертом лысым, но не допустит войны. Убедительно так говорил, я поверила. И не только я, получается. Вы все ему поверили. А что на деле? Не просто всех обманул, так еще и недоговороспособным оказался, если тебе известно это слово...»

Настя пошла в наступление, бросила пару резких обвинений и прислала какое-то видео, слепленное из кусков: искаженное лицо российского президента, горя-

щие дома, взрывы, раненые люди... Анна Петровна усмехнулась, ответила: «Ну, надо же, увидели. А что ж вы восемь лет не замечали, как ваши вояки убивали людей в собственной стране?!» Отправила ей ссылку на передачу известного режиссера, в которой он на протяжении всех этих лет разоблачал нацистскую сущность киевского режима. На что получила ответ: «Зачем нам бомбить Донецк?! Это же наш город!»

Так Анна Петровна узнала, что Донецк и Луганск бомбила Россия. И беженцев убивала. А беженцы из восточных регионов бегут только на Западную Украину, несмотря на то, что там им не рады и там они «ватники», «колорады», «террористы» и «сепары». Толпы людей, ринувшихся в Россию, — это фейк, российская пропаганда. Разорванные на части тела детей и взрослых — постановочные кадры. А на самом деле жители областей Украины, освобожденных от русских, радостно встречают своих освободителей. Наемников из Европы и Америки придумали российские СМИ...

Анна Петровна не выдержала. «Настя, стоп! Вы там что, действительно не понимаете, что у вас нацисты у власти?! Что все эти годы страну готовили к тому, чтобы пустить ее под нож, только бы с ее помощью уничтожить Россию?! О какой независимости вы все говорите? Украина насквозь пропитана лицемерием и страхом! Да откройте глаза, наконец! Вас используют, а потом выкинут как разорванную тряпку. Тогда, может, и поймете, да только поздно будет!»

Ответ пришел незамедлительно: «Никакого нацизма у нас нет. Факельные шествия с портретами Бандеры? А чо такова, он боролся за свободу Украины!»

«Настя, девочка моя, опомнись! За какую свободу?! Откройте историю, написанную не политическими конъюнктурщиками, а адекватными историками! Да казаки ваши всю жизнь жили по принципу “моя хата с краю”. И не одно столетие. Все эти казачьие восстания против Речи Посполитой — это не стремление к свободе и независимости. Казаки вовсе не хотели освобождения Малороссии из-под власти короля и шляхты: просто они сами хотели стать шляхтой. Государство Польша запорожцев полностью устраивало — не устраивало их только собственное место в нем. Они требовали увеличить реестр и признать за ними шляхетские права».

«Вы все врете сейчас! И я не ваша девочка! Россия — кроважидный агрессор и злобный террорист. А в украинских учебниках написана вся правда. Россия терзала весь мир и мешала жить нормальным людям. И вообще, человек произошел не от обезьяны, а от украинцев, а Россия пользуется плодами украинской цивилизации. И русский язык — это искореженный украинский в смеси с татарским. И да, Украина выиграла все войны, всегда побеждала Россию и...»

Анна Петровна смотрела на строчки в мессенджере, и они расплывались у нее перед глазами. Она понимала, что писать еще что-то, объяснять этой двадцатилетней девочке абсолютно бесполезно. Годы зомбирования сделали свое дело. Она тяжело вздохнула, хотела было написать в ответ, что она жалеет их всех, настолько замороченных многолетней целенаправленной пропагандой, что они уже не в состоянии отличать черное от белого, доброе от злого. Но не стала. Поняла, что здесь она уже ей ничем не поможет.

Горечь затопила ее сердце. Она то вскипала ненавистью к тем, кто довел соседнюю страну и людей до расчеловечивания, то застывала в ледяном опустошении и непонимании.

— Аня, пошли, они приехали! — В дверь ее кабинета заглянула сотрудница.

Анна Петровна подняла голову от бумаг, над которыми корпела уже битый час, составляя отчет для епархии по приюту. Она отложила в сторону исписанные странички, встала, зачем-то поправила волосы. Руки дрожали, она это отметила как-то вскользь. И вышла, осторожно прикрыв дверь.

Во двор приюта въезжал автобус. За ним — другой. В окнах она увидела лица людей, которые напряженно всматривались в группу стоящих на крыльце сотрудников. Никто не улыбался. Даже дети. Они прилипли к стеклу и молча смотрели, не издавая ни звука. «Привыкли», — так же бесстрастно констатировала Анна Петровна.

Первый автобус затормозил у крыльца. Двери открылись. Но никто не выходил. Директор приюта Анатолий Васильевич запрыгнул на подножку, прошел внутрь. Люди сидели и чего-то ждали.

— Здравствуйте! — произнес он, пожалуй, излишне бодрым голосом. — Добро пожаловать в Россию, в наш чудесный старинный город, где вы, я уверен...

Он не договорил. Страшно закричала, забилась женщина в первом ряду. Сидевший рядом с ней подросток пытался ее удержать, обнимал, что-то шепча на ухо.

— Катя, прекрати! — вдруг прозвучал откуда-то с задних рядов твердый голос.

И женщина действительно замолчала, как-то сникла и только тихо всхлипывала. Мальчик помог ей подняться. Закинул за спину свой рюкзачок и повел к выходу. Анатолий Васильевич попятился, уступая им дорогу, спрыгнул на землю, протянул руку, чтобы помочь женщине выйти. И замер, будто его пригвоздили к месту. Одна сторона лица женщины была обожжена, из-под косынки выбивались абсолютно белые волосы. Одета в домашний халат. И в тапочках.

Люди стали потихоньку выходить и из второго автобуса. Оттуда выгрузилось целое цыганское семейство со всем домашним скарбом. Из большого ящика донеслось... кудахтанье.

— А это у вас что? — спросила изумленная Анна Петровна.

— Как что? Куры наши. Утки вот. Спасли. Успели! — гордо ответил пожилой, когда-то черноволый смуглый мужчина в странных шароварах, как из театрального реквизита. — Ну, не бросать же живую тварь было... А, драгоценная?!

Анна Петровна не нашла, что ответить, и только беспомощно посмотрела на директора. Тот махнул рукой, мол, потом разберемся, пусть выгружаются.

Женщины-сотрудницы тайком утирали глаза, глядя на эту разношерстную, в прямом смысле, толпу. Последней из автобуса вышла худенькая девочка в огромном мужском пиджаке чуть не до земли. Она прижимала к груди футляр от скрипки.

Анну Петровну кто-то будто толкнул, она подошла к девочке, обняла за плечи.

— А твои вещи где?

— Здесь. — Девочка показала футляр. — Там... скрипка. И дневник.

— И все?

— И все.

— А ты с кем? Есть у тебя родные? — Девочка помотала головой и закрыла глаза. По ее щеке покатились слезинки. Анна Петровна прижала девочку к себе. Осторожно отвела от лица прядку волос, которая издалека показалась ей просто светлой. Прядка была седой.

— Как тебя зовут?

— Аня.

Поселили беженцев на третьем этаже. Через несколько дней к Анне Петровне подошел один из приехавших цыган, сказал, что зовут его Сергей. Он долго мялся, словно не решаясь что-то сказать или попросить. И все же выдал:

— Я так люблю голубей, я без них жить не могу. У меня было много голубей, пришлось их там всех оставить. Вчера позвонили, сказали, что все погибли. Я без них не могу. Не сплю, не ем, а если сплю, то их вижу. Двести шестьдесят было до войны. Люди говорят, на бульон их, есть нечего. Какой бульон... Поднимутся вверх и стоят такими точечками, по два-три часа летают. Рассаживал, выводил. С пуле-

мента вэсуэушники по ним стреляли. Я уезжал на заработки, раздал, пришел, голубь прилетел. Два года меня не было. Я своих голубей знаю, где-то увижу, знаю, что это мой голубь.

Анна Петровна сочувственно покачала головой.

— Вы простите, но я ничем не могу вам помочь, как бы ни хотела. Голубей, боюсь, нам здесь держать негде. Да и не разрешат...

Сергей постоял молча. В глазах его блеснули слезы. Потом он понуро повернулся и вышел. Жаль его, конечно. Но где они разместят здесь этих голубей?! Есть у них живой уголок, клетки для попугайчиков, но ведь голубям нужны совсем другие клетки, а еще лучше — просторные голубятни. Она вздохнула и снова углубилась в бумаги.

Прошло дня три. Не успела Анна Петровна прийти на работу, как к ней в кабинет вошла взволнованная сотрудница.

— Выручайте, там наш цыган купил пять голубей, посадил их в ящик и засунул под кровать. Они там «гуль-гуль», он откроет, посмотрит, закроет.

Анна Петровна поднялась на третий этаж, нашла комнату цыган, постучалась и вошла. Сергей сидел над открытым ящиком, в котором, и правда, мирно гулили сизари. Он испуганно вздрогнул, попытался запихнуть ящик под кровать. Анна Петровна вздохнула.

— Ну, пошли. И голубей своих возьми. — Они спустились в живой уголок, попугайчиков пересадили в клетку поменьше, а сизарей в ту, что попросторней.

— Я таких чистых душой людей давно не встречала, — рассказывала Анна Петровна потом дочери. — Он неграмотный совершенно, ни читать, ни писать не может, в школу не ходил. Руки золотые, жена, четверо детей, еще его мать. Прошла неделя. Прихожу, у него уже десять голубей. Голуби красивые, голову запрокидывают, с павлиньими хвостами. Он сидит, не сводит с них глаз. Спасибо, мать, говорит. Каждый день приходит, смотрит на них.

— Насколько люди хватаются за любую частичку, напоминающую о доме, — вздохнула Татьяна.

— Мы уже думали, как дальше с этими голубями быть, их же выпускать нужно. Решили, что отдадим ему тот небольшой сарайчик, что во дворе у нас. Все равно там уже куры их живут.

КИРА

Папку Кира на следующий день переложила на полку с книгами, а потом и вовсе забыла о ней: столько дел навалилось. Бабушка про эту папку не напоминала. И Кира выкинула из головы весь тот разговор с бабушкой. Она ездила на занятия, встречалась с друзьями, ходила в ночные клубы. Жизнь их никак не изменилась. Где-то там, далеко, что-то происходило, там стреляли, бомбили, там даже погибали люди, дети, наши молодые ребята. Но Кира гнала от себя грустные мысли, у мамы ничего не спрашивала, а та тоже избегала этой темы. Все словно замерло, погрузилось в анабиоз. Ну а что мы можем сделать, не на фронт же идти?

Но в конце семестра на паре по истории в аудиторию неожиданно вошел заместитель декана.

— Молодые люди, у меня для вас отличные новости! — Он обвел взглядом будущих врачей. — В стране объявлен Всероссийский конкурс студенческих проектов, награда победителям очень серьезная. Грант на реализацию проекта и поездка в молодежный центр «Альгаир» на учебу для молодых предпринимателей. Номинаций несколько, есть и для практических разработок, есть и теоретические. Для теоретиков — издание сборника с исследованиями. Так что вот, дерзайте. Удачи!

Он положил на стол преподавателя какие-то странички и вышел. Все ждали, что будет дальше.

— А подробности? — не удержавшись, спросил Стас по прозвищу Хирург. Все знали, что он поступил в вуз по результатам олимпиад, хирургия была еще его детской мечтой. Родители были врачами, и он с детства жил в ординаторской больницы, где они работали. Стас буквально грыз гранит науки с упорством человека, которому не все дается легко, но от поставленной задачи он не отступит ни при каких обстоятельствах. И уже давно придумывал какой-то новый бионический суперпротез. Наверное, тоже решил в конкурсе поучаствовать с этим проектом.

Преподаватель взял листки, просмотрел.

— Подробности здесь. Но можно и на сайт зайти.

Он повернулся к доске и написал название портала. Потом отряхнул руки от мела и неожиданно сказал:

— А вам, Савельева, я бы рекомендовал писать работу по истории. Но связанную с медициной. Вы же, кажется, были в музее Аушвица? Ну вот, поищите в интернете что-то на тему «Эксперименты нацистов над людьми». У вас наверняка и эксклюзивная информация есть.

Кира, услышав свою фамилию, удивленно пожала плечами.

— Я? Ну... не знаю. Да, я была... Книги привезла. Но еще не читала, если честно.

Кира уже принимала участие в нескольких конкурсах, занимала призовые места. Она с гордостью несла портрет прадеда на шествии «Бессмертного полка», писала сочинения о войне. Когда стала победителем регионального этапа конкурса «Правнуки Победы», ее учитель по истории был так рад, что пообещал пятерку до самого конца школы. Продолжила свои проекты и в институте, еще записалась в клуб реконструкторов. Иногда думала, что если б не медицина, которой увлеклась едва ли не с детского сада, спокойно бинтуя разбитые колени друзьям во дворе и зашивая лапу котенку, она бы стала историком. Поэтому сказала:

— Ну, если вы так просите, Павел Николаевич...

— Ой, а мне можно с тобой? — спросила Маша. Она уже вернулась на свое место рядом с Кирой через пару дней после ссоры, как ни в чем не бывало. — Тема, и ты давай с нами! — предложила она Артему.

И наступила Кире на ногу.

— Ну что ж, соавторство, насколько я понял из положения, не возбраняется, — ответил историк.

Артем удивленно посмотрел на Машу, потом на Киру и кивнул. Кира быстро черкнула в тетради: «Спасибо!» — и подвинула ее Маше. Та прочитала, сухо улыбнулась.

Кира не представляла, с чего им начать. Нужно составить план, продумать текст, свои впечатления добавить. Да, она помнила рассказы пани Марии, будто это было вчера. Из поездки в Польшу они привезли книги и альманахи, которые выпускались в музее, в том числе и на такую страшную тему. Но не читала. Жутковато было.

Вернувшись домой, Кира стала искать на книжной полке эту литературу. Ого, много всего?! Даже диски. На английском, на польском... На русском всего один журнал. Ну ничего, вот она и переведет эти сведения, о которых мало кому сегодня в России известно. С польского — бабушка поможет. С английского... Артем. Кира стала вытаскивать книги, зацепила косо лежавшую папку, она упала на пол, раскрылась, оттуда выпали страницы с напечатанным текстом, старая тетрадь. Это же папка, которую ей оставила бабушка несколько месяцев назад! Кира про нее и не вспомнила. Надо посмотреть, когда время будет. Бабушка ничего не спрашивает, ну, значит, и сама забыла. Один листок отлетел к двери,

она подняла его, машинально пробежала глазами... У нее перехватило дыхание. Что это?!

Кира села на диван и стала читать дальше. Какие-то документы, вернее, сканы или ксерокопии с подлинников. Она принялась перебирать их, вчитываясь в нечетко пропечатанные буквы. После первой же прочитанной страницы у нее в горле встал ком, Кира почувствовала, что задыхается, она медленно встала: дыши, дыши, подошла к окну, распахнула его настежь. Зачем бабушка ей это дала?! Для чего ей нужно об этом знать?!

Кира потеряла лоб, с ужасом посмотрела на папку. Потом набрала воздуха в грудь, словно перед тем, как глубоко нырнуть, и снова ее открыла. Читала, не замечая времени. Взглянула на часы, когда за окном стало светлеть. Начало четвертого, уже почти утро. Но заснуть, похоже, теперь вряд ли получится.

И тут звякнуло оповещение. Кира нехотя взяла телефон. Кто там еще в такое время... На экране светилось сообщение: «Ты, наивная, думаешь, что твоя драгоценная подруга верна идеалам дружбы? Дура, да она давно спит с Артемом, по которому ты сохнешь! Ты одна это не знаешь, ха-ха!»

Кира села в кровати. Провела рукой по лицу. Кто это написал?! Незнакомый номер... шутка? Не может быть... Она сейчас позвонит Машке, и они вместе пойдут над этой ерундой. Надо же, как у кого-то подгорает, что они дружат! Узнать бы у кого. Вот прямо сейчас она вызовет такси и поедет к подруге. И кстати, ее мама снова в больнице, ей же наверняка нужна помощь. Вот балда она, не догадалась, Машка какая-то хмурая ходит, но это ж она, похоже, от прошлой ссоры не отошла. Может, еще дуется на нее. Ну, вот и будет повод помириться окончательно.

Кира тихо выскользнула в коридор. Хорошо, что квартира большая, никто и не услышит, мама со Степаном спят давно, только богатырский храп отчима раздаётся. Кира вызвала такси и радостно плюхнулась на сиденье. Сюрприз, Маша!

Она нажала на кнопку звонка в квартире Маши уже несколько минут. Сейчас соседи начнут выглядывать, в полицию позвонят. Кира стукнула в дверь ногой.

— Машка, открой! Ну ты же дома — и уже проснулась сто раз! Дело есть!

Прошло еще пару минут, когда Кира услышала в коридоре какой-то шорох. Дверь скрипнула, приотворилась. На пороге стояла сонная Маша в наспех накинутом халате.

— Ты одурела? Я сплю давно...

Кира отодвинула подругу, прошла в коридор.

— Ну не могла я ждать до утра! Мне сейчас какой-то идиот такое прислал! Я тебе покажу, обхохочешься!

Кира вытащила телефон, стала пролистывать сообщения. И тут боковым зрением увидела обувь, аккуратно стоявшую под вешалкой. Эти красные кроссовки она очень хорошо знала. Их нельзя было спутать ни с какими другими. Да и размер — 45-й. Она опустила телефон.

— И давно ты носишь такой размер, а, Маш? — Она с размаху пнула кроссовки, и они с грохотом ударились о стену.

Маша поморщилась. Лицо ее окаменело, подбородок на глазах заострился, она судорожно облизала губы, прислонилась к стене.

— Только не устраивай здесь истерику, от соседей потом выслушивать... Тема, выйди, придурок, кроссы свои нужно было в шкаф ставить.

Дверь в комнату приоткрылась. В коридор вышел Артем. Лохматый, в одних трусах.

— Кирюш, ты не так поняла... ты не думай, просто ей так плохо было... А я...

— А ты пришел ее утешить и поэтому ходишь здесь в неглиже... Ну да, мы же друзья. — Кира провела пальцем по полке в коридоре. Пыль. Она нарисовала на

тальной поверхности сердечко, добавила вульгарную стрелку и еще более вульгарное Love. Все это время в коридоре стояла вязкая тишина.

На Машу она так и не посмотрела. Была у нее такая особенность: когда между ней и другим человеком проскакивала черная кошка, она не могла смотреть ему в глаза, даже если была не виновата. А тут... Не кошка, целый бегемот прошлепал, грязный, прямо из болота, и всех своей грязью забрызгал.

Кира повернулась, вышла из квартиры и аккуратно прикрыла за собой дверь.

Все, что она знала с детства, все, чему доверяла, крошилось в ее пальцах, как сухое печенье. Это была другая реальность, к которой она как-то не успела подготовиться. Не, а что, собственно, изменилось?

Ничего, по большому счету. И на белом свете, и в ее душе. Просто в ней сгорела какая-то плата. Или отошел какой-то контакт. И она не знала, как это можно починить и вообще можно ли.

Кира сидела на старой сломанной карусели, про которую все забыли и не увезли на свалку во время реконструкции парка. Она стояла за кустами жимолости, и там они часто прятались с Машкой и шушукались о своем, тайном. Ждала Машу. Она очень хотела с ней поговорить, просто по-дружески. По-бабьи, в конце концов. Они же подруги, сто лет вместе. Когда же порвалась эта прочная, как им верилось, нить, что их связывала? Почему она этого не заметила, не поняла... И Машка... Неужели ей пофиг на все эти годы, ради чего она все это затеяла? Сейчас она придет, они поговорят, и выяснится, что это шутка такая, прикол, ну поплачут вместе, а потом посмеются. И Машка снова... Кира вспомнила, как в детстве разбила мамину любимую вазу и, чтобы та не ругалась, пыталась склеить ее кусочки. Склеила. Но так криво и косо, что лучше бы и совсем этого не делала. В результате получила двойной нагоняй, вазу можно было бы отдать в руки доброго доктора Айболита, местного умельца дяди Васи, который собрал бы ее так, что и швы никто не заметил... А кто склеит их треснувшую дружбу, где этот дядя умелец?..

Волна отчаяния захлестнула Киру. Маша так не пришла, хотя бросила сухо, столкнувшись с ней у входа в институт: «Хорошо», — когда Кира предложила встретиться на их старом месте. Она смотрела в прямую спину уходившей Маши, ее силуэт в лучах жарившего совсем по-летнему солнца был похож... да, на ту разбитую в детстве вазу.

Кира приходила на занятия, слушала лекции, отвечала на семинарских, делала лабораторки. Какое-то дурацкое состояние у нее было: ни одной, даже самой захудалой мысли. Казалось, слишком жаркое для этих майских дней солнце расплавало весь мозг, до последней извилины и в черепной коробке болталось что-то жидко-тяжелое, как ртуть. И серыми тенями проносились равнодушные слова, образы, никак не связываясь в одно целое.

Маша и Артем в институте не показывались. «Ну идиоты, пропуски им же отрабатывать придется. Меня испугались, придурки?» — вяло думала Кира. Но по большому счету ей уже было все равно. Так ей казалось. Только однажды на практическом занятии, когда нужно было препарировать лягушку, ей вдруг стало плохо. Перед глазами заплясали синие сполохи, подступила темнота, она начала задыхаться. Кира отшвырнула лягушку с вскрытым брюшком и вывалившимися кишками и уронила на стол голову.

— Что с тобой, Савельева? — встревожилась преподаватель. — Тебе плохо?! Ну, а что же ты в прозекторской делать будешь?! Тут уж, милочка, нужно выбирать.

— Кира! — К ней подошел Стас. Кира давно ловила на себе его взгляд, который про себя окрестила взглядом беременной коровы, но она делала страшную рожу.

цу, и Стас, красная, опуская глаза. — Ты чего это? Эй, ну что ты, в первый раз, что ли? Джек-потрошитель, а я-то надеялся, что твой опыт поможет мне преодолеть ужас при виде крови, и мы, дружно взявшись за руки, войдем в прозекторскую и начнем резать ни в чем не повинные трупы.

Такой была его постоянная манера разговаривать. Всегда он кого-нибудь слегка пародировал: стандартную речь политиков, плохие романы или претенциозных героев из этих книг, иногда — того, с кем разговаривал или о ком шла речь. А часто и самого себя. И все легко, лениво и беззлобно, даже добродушно. Если даже и таилась в этом капелька превосходства, она была незаметна, и, главное, он сам это не осознавал.

Кира слабо улыбнулась, вытащила из стола сумку.

— Все okay, не волнуйтесь вы так, — сказала она и вышла из аудитории.

Она шла по улице, и навстречу ей плыли не люди с обычными лицами, а какие-то искаженные рожи, они двоились и троились, они заглядывали ей в лицо и о чем-то спрашивали. Она шарахалась от них, рискуя выскочить на проезжую часть, пока кто-то не схватил ее за рукав и не оттащил на тротуар. Кто это был, она не поняла. Так она еще шла куда-то, пока не увидела, что оказалась на вокзале. Вошла в здание, заметила свободное место в самом углу зала ожидания, устало села и закрыла глаза.

Вокзал всегда ассоциировался у нее не столько с путешествиями, сколько со встречами и разлуками. Почему так? На вокзале мы всегда слегка не в себе. Теряемся и спешим вместе со всеми. Именно здесь всегда случаются разговоры по душам. Здесь торгуют всякой всячиной. Здесь спешат, несутся, опаздывают, нервничают. Здесь воруют, попрошайничают, смеются и плачут. Здесь ярче проявления любви. И возможно, ненависти. Только здесь ты вдыхаешь тот особый запах дальней дороги, который будоражит кровь, заставляя пульсировать артерию самой жизни...

Вдруг рядом с ней что-то плюхнулось. Она открыла глаза. Увидела небритого парня, возле нее он бросил рюкзак.

— Посторожи, красавица. — Мотнул головой куда-то в сторону. — Без паспорта я, со справкой, пойду решать.

Кира не успела сказать ни слова, как тот испарился. Вернулся через полчаса, сел рядом. И заговорил с ней так, будто продолжил начатый ранее разговор, или отвечал на незаданный вопрос.

— Я на войну. Я ж вообще сержант запаса. И это... отсидел я, ударил одно-го. — Кира скинула голову. — Да не. Живой он, гад. Упал неудачно, башкой о бордюр. Не мог я смотреть, как он над девчонкой измывался. А получил по заслугам. Только разве докажешь? Как доказать, что чел — сволочь? — Кира молчала. — Вот то-то же... а сейчас решил — пойду добровольцем. Вот домой уехать надо, маму повидать, а потом туда. С полицией договорился, помогут билет купить. Только денег на билет нет...

Спокойный такой. Улыбается во весь рот.

— Федором меня зовут. Но это... я без карточки. Если я тебе переведу попозже, можешь наличкой?

Кира неожиданно сама для себя кивнула.

— Надо же... — удивился и Федор. Кира достала кошелек. Отсчитала нужную сумму. Подумав, добавила еще немного.

— И куда ты потом, сразу туда?

— Ну да, если что, я и автомат не забыл, как держать. — Он махнул рукой. — А ты знаешь, я рад. Что у меня здесь? Я в своей жизни здорово запутался. А так смысл появился. *Это для меня возможность начать жизнь заново.* Новый мир строим. Справедливый.

— Ты уверен? — Кира скептически оглядела парня.

Тот повернулся, посмотрел на нее... оценивающе, что ли. Потом будто проткнул ее взглядом, как коллекционное насекомое булавкой, и неожиданно широко улыбнулся.

— Был я в центре города, захотелось по улицам походить, три года нормальных людей не видел. Стоял на переходе, впереди парочка, девчонка и пацан. Слышу, та говорит, мол, такой прекрасный у нас город, все так классно, но только портит всю картину вот это. И показывает на билборд, где фото погибшего героя. «Зачем это здесь? Это можно куда-то убрать?» — Федор помолчал. — Знаешь, что пацан ей ответил? «Просто не обращай внимания». Нет, я не к тому, что война должна быть везде, как раз таки здесь ее не должно быть. Упаси Бог. Но Москва, Питер или вот ваш город не должны делать вид, что ее нет. Для вас же войны нет, так? — Кира отвернулась, уставилась в окно. — Да, так... Она где-то далеко. Зачем это надо, наверное, спрашиваете, можно было бы по-другому. Весь мир против нас. Куда мы полезли, кто мы такие?! Ведь против нас все!

Кира уставилась на этого странного Федора. Он что, телепат, мысли читает? Только недавно она все это бабушке выкрикивала, возмущалась, протестовала...

— Убивают людей. Молодых ребят. Вы этого все хотите?! Нам недостаточно было жертв тогда, на той войне?!

— Знаешь, в чем главная проблема любой войны? Вера в то, что ты делаешь правильно. — Сидевший только что рядом с ней простоватый парень вдруг словно подтянулся. Простота растворилась в жестком прищуре глаз, ставших прозрачно-ледяными. Кира даже поежилась. — Россия никогда не побеждала благодаря, всегда — вопреки. Никто с нами не собирается договариваться. Мы никому в этом мире не нужны, кроме нас самих. И пока каждый это не поймет... А всего-то нужно избавиться от нытья. Мы должны найти свою цель и смысл. Когда мы поймем, что готовы отдать за свою цель, наша жизнь наполнится смыслом. Высокие слова, думаешь? — Кира пожала плечами. Да, именно так она и подумала. — А я не знаю, как по-другому сказать. У меня в голове вот так все сложилось. И вот еще что. Всем нам что-то придется потерять и отказаться от чего-то привычного. Думаешь, не знаю, что вы все, студенты, школьники, а есть кто и постарше, сейчас обсуждаете? Братец у меня в девятом классе... Не, ребята, жертвовать чем-то придется, и это нормально. Это нужно и необходимо. И тогда победим. Никто не начинает военные операции просто так, особенно когда международные последствия... такие. Значит, причины были о-о-очень серьезные, поверь.

— Ты кто? У тебя диплом Гарварда? Сколько же тебе лет? — Кира изумленно уставилась на Федора.

— Ну... хватила. В армии служил, там у нас капитан был, историей увлекался. И меня увлек. Вернулся, стал готовиться, хотел поступать на исторический, да. Только вот такая беда со мной приключилась, и все в тартарары... А там, где я был, своя школа. Почтище Гарварда. И лет мне немного, поистерепался только чуть.

— А теперь? В смысле учебы?

— А теперь... Как Бог даст.

Кира молчала, она не знала, что ему говорить. А он снова улыбнулся:

— Бывай, красавица. Все будет хорошо. И знаешь, мне тебя Бог послал...

И пошел за билетом.

Кира встала. Нет, Федор, это мне тебя Бог послал.

Она вышла из здания вокзала. У первого же встречного молодого мужчины спросила:

— Вы не знаете, где здесь военкомат?

Он удивленно оглядел ее с головы до пят и махнул рукой куда-то вправо.

— Вот до перекрестка, а потом налево. Там сразу поймешь...

Кира зашалага к перекрестку, не оглядываясь. Впрочем, даже если бы она обернулась, вряд ли увидела того, не следовал за ней буквально по пятам. Так хорошо он маскировался.

Очередь в регистратуру поликлиники, как всегда, вилась до самого входа. Татьяна Кирилловна вздохнула и пристроилась в конец. Тяжелые думы одолевали, толклись в голове не хуже этой очереди, вяло переругивались, освобождали место другим, еще более горьким и тягостным. Ну почему, почему все это именно с ними должно было случиться?! Почему она ничего не знала о своей дочери, где, когда она упустила тот момент, когда Кира перестала ей доверять? Она не хотела признаться себе, что Кира очень изменилась, когда Татьяне Кирилловне пришлось развестись с ее отцом. Кира стала закрытой. На вопросы не отвечала, бывшие разговоры по душам и вовсе прекратились. А уж когда Степан появился... Татьяна тяжело вздохнула. Нет, а что ей, тридцатилетней молодой женщине, одной нужно было век куковать?! Эгоизм это, одним словом.

А сегодня чужие люди сообщили... Хорошо, что в военкомате работал ее бывший ученик, нашел номер, позвонил. Кира молчала, Татьяна Кирилловна пыталась узнать, что случилось, у Кириной лучшей подруги Маши, но та сбрасывала звонки, на сообщения не ответила. Так и получается, все чужих учила, о нравственности и морали рассуждала, на примерах великой литературы. И выучила на свою голову. И мама тоже со своими убеждениями! Вот уж от кого не ожидала, Кира ее единственная внучка! У Татьяны Кирилловны было странное ощущение, что жизнь размахнулась и дала ей в зубы, послав в нокаут. Да, так и выходит...

Кира постояла перед зеркалом шкафа, стянула через ноги юбку. Вспомнила, как мама твердила: настоящая женщина снимает и надевает юбку только через голову. Кстати, о голове. Где-то она читала, не помнит, что оружие у биологического вида «человек» только одно. Голова. Причем это оружие с отложенным действием. Можно донести его смысл через эмоции, к примеру. Или через прикосновение. Или укусь. Ладно, это если у кого голова еще на месте. У нее, похоже, не совсем. Хотя... Это как посмотреть. Пусть думают, что у нее крыша поехала. Правда, сообщать кому-либо о своем решении она не собиралась. И маму попросит. Да, мама...

Когда-то давно они с мамой отдыхали на море. В тот день тоже искупались и выходили из воды, взявшись за руки. Небольшие волны лениво катались туда-сюда, мягко подталкивая в спину. И вдруг сзади откуда ни возьмись на них обрушилась тонна воды, ударила, поволокла по песку, закрутила... Но они не разомкнули рук. Это их спасло, не разметало в разные стороны. Кира запомнила ужас, когда цеплялась за плывущий сквозь пальцы песок, как откашливала противную соленую воду на берегу, куда их быстро вытащили находившиеся невдалеке люди. Тот ужас она сейчас почувствовала снова. Волна снова обрушилась на нее, смяла и поволокла в бездну. Только за руку ее уже никто не держит. Мама... Нет, сейчас ей придется выгребать самой.

Она стянула водолазку, машинально поправила бретельки лифчика. Посмотрела на себя в зеркало. Вздохнула, взяла со спинки стула старую растянутую майку, влезла в нее. Потом открыла шкаф, начала вынимать оттуда вещи, одну за другой, прикладывала к себе, критически осматривала, откладывала. Рядом валялся рюкзак.

В дверь стукнула и заглянула мама. Вошла, постояла молча, наблюдая за манипуляциями Киры со шмотками.

— Еда на столе, — сказала наконец.

— Спасибо, я не голодная. — Кира шмыгнула носом. На маму она не смотрела, не могла. Хотя мама-то как раз ни в чем не виновата.

Татьяна Кирилловна медленно пошла к двери.

— Скажи, а ты вообще мне собиралась рассказать? — спросила она и повернулась, словно боялась, что, стоя к дочери спиной, не услышит ее ответа. — Или я для тебя так, пустое место?

— Что конкретно рассказать, мам? Про военкомат или про то, как я застала свою лучшую подругу в постели с человеком, которого люблю? — Кира прошла мимо Татьяны Кирилловны, подхватив рюкзак.

— Стой! Не смей уходить, пока я с тобой разговариваю! — Татьяна Кирилловна на секунду ошелась, услышав слова Киры, но тут же включила свой учительский голос. И методику, наработанную годами практики: подавить, закричать, показать, кто здесь главный, а кто так, не пришей кобыле хвост. Всегда срабатывало. Но не в этот раз. И не с собственной дочерью.

Татьяна Кирилловна выбежала вслед за Кирой.

— Мам, я не твоя ученица, вот когда ты это поймешь, мы, наверное, сможем нормально общаться. — Кира давно раскусила все ее методические приемы и не обращала на них ни малейшего внимания. Она захлопнула дверь в ванную прямо перед носом Татьяны Кирилловны.

Кира вышла из ванной, направилась в прихожую. Одета она была в старые джинсы, растянутый свитер, на ноги стала натягивать высокие ботинки на толстой подошве. Летом?!

— Ты с ума сошла! — Татьяна Кирилловна с ужасом смотрела на Киру, которая молча слушала ее крики. — Ты понимаешь, что собираешься сделать?! Кто тебя надоумил, отвечай! Я никуда тебя не пущу, так и знай!

— Ты забываешь, мама, что я совершеннолетняя, — спокойно ответила Кира, продолжая шнуровать ботинки.

— Ну и что?! Я спрячу твой паспорт, без него тебя никуда не выпустят! — Татьяна Кирилловна с грехотом выдвинула ящик комода, где хранились документы, стала лихорадочно рыться в коробке.

Кира спокойно наблюдала за ней: паспорт оттуда она давно забрала. Мама с покрасневшим от гнева лицом повернулась, волосы растрепались, выбилась прядь из всегда аккуратной учительской прически. Она нервно заправила ее за ухо.

— Да ты же сплюшка-сова, ты же спишь часов по десять, не добудисься. А там, возможно, вообще спать не придется! Ты же не выдержишь, прибежишь назад через неделю! Кровати там твоей не будет и мамы с блинами к завтраку!!! — Татьяна Кирилловна еще пыталась привести совсем, по мнению Киры, смешные и незначительные аргументы. Она улыбнулась, хотя хотелось захохотать в голос. Вот как, значит, родная мать ее воспринимает.

— Кира... ты у меня одна, — Татьяна Кирилловна внезапно сменила тон. Села на стул, обхватила ладонями голову.

— Мама... Ты меня хоронишь? Я же не в атаку пойду, я буду работать в госпитале, там не хватает медсестер, — объяснила Кира спокойно.

— Но там каждый день стреляют! Там гибнут люди! Это тебе не пикник в лесу с друзьями и не поход в ночной клуб!

— Ты удивилась, но я это понимаю. И еду туда не для того, чтобы написать сочинение «Как я провела лето», — ответила Кира, прямо глядя матери в глаза. Ей на мгновение стало жаль маму, но менять свое решение она не собиралась.

— Пусть тогда Степан тебе расскажет, что такое война. Вот вернется вечером...

— Мама, меня внизу ждет машина. Я уезжаю.

— Как ты могла... — Мама заплакала.

Кира подошла к ней, взяла в ладони мокрое от слез лицо, поцеловала.

— Мама, я вернусь. Обещаю. Считай, что это летняя практика.

Кира подняла собранный загодя рюкзак и быстро вышла из квартиры. Долгие

проводы — лишние слезы. Выбежала из подъезда, обернулась на свое окно. Ей уже нетерпеливо сигналили из подъехавшей «буханки». Кира забралась внутрь, весело поздоровалась со всеми, села на свободное место у окна. Телефон пикнул. Кира увидела мигнувший значок ватсапа. От бабушки. Она открыла сообщение. «Кира, это псалом “Живый в помощи”... Читай в любую свободную минуту. Он во время ВОВ многих спас». Кира вздохнула и выключила телефон.

— А вот ватсап придется удалить, — не оборачиваясь, сказал водитель, здоровенный бородачатый мужчина в камуфляже. И добавил: — На время.

Кира снова включила телефон, увидела новое сообщение. От Маши. «Кира, ты где, куда пропала? Мне нужно тебе все объяснить! Прости, прости, я так не могу!» Ответила коротко: «Срочно уехала к заболевшей тете в деревню. Какое-то время буду без связи». И удалила ватсап.

Мчали до Ростова. Оттуда до передовой в общей сложности добирались часов пять. Хотя в мирное время там совсем рядом. Где-то ехали в обход. Повсюду были блокпосты. Но, видимо, там уже сопровождающих знали. Когда останавливали, они говорили: «Мы медиков возем», — и их сразу пропускали.

Проехали границу, хотя она уже и условной стала, и где-то через час езды уже все было понятно: разбитые дороги, разрушенные дома. Ни одного человека на улицах. Как в фильме ужасов.

Кира не могла отделаться от ощущения нереальности происходящего. Ехала и думала: «Господи, куда я вообще еду? Неужели это с нами происходит? Дома по телевизору все это видеть — одно, в реальности — совсем другое...» Дорога была длинной, и в какой-то момент ребята попросили водителя сделать остановку. Его ответ для Киры был первым шоком: «Без вопросов. Только от машины дальше чем на два шага не отходить, потому что там могут быть мины». Ей впервые стало страшно. Сказала: «Ребят, я глаза закрываю, только вообще не отходите никуда...» Приехали в небольшой поселок. Он был практически пустой, редко-редко какие-то бабулечки встречались.

Это был передовой медицинский пункт воздушно-десантных войск. Здесь называли раненых братишками. В медпункт их доставляли с линии боевого соприкосновения на БМП, бронетранспортерах, на любой подходящей технике, которая только что была в бою. Казалось, что линия фронта проходила и здесь, вэс-ушники выпускали по медпункту снаряд за снарядом. Все тряслось от взрывов, а медики ставили капельницы, останавливали кровотечение. Ранения в основном осколочные. Пулевых почти не было. Когда они уже смогут приступить к работе? Кира хотела спросить об этом хоть у кого-нибудь, но боялась оторвать людей от дела. Наконец, новобранцев собрали в низковатом просторном блиндаже.

— У каждого военного медика должно быть минимум две аптечки. Ампулы с промедолом и другими протившоковыми могут разбиться. Я все укладывал в поршень от шприца или тубусы от разрезанных маркеров...

Инструктаж для новичков проводил тот самый бородач, который вез их в «буханке» и которого звали Юрием Сергеевичем. Кира потом узнала, что он воюет уже больше восьми лет, с самого начала. Что на гражданке был водителем «скорой», а значит, решили бойцы, будет медиком. Он им и стал. Все здесь так и звали его — Скорый. Это был позывной.

— Следите за целостностью аптечек у личного состава. В нее влезают две гранаты или четыре пачки сигарет.

Кто-то сзади Киры нервно хихикнул. Скорый кашлянул и поднял вверх палец.

— Помощь оказывать не своей, а чужой аптечкой, понятно? В медицинских перчатках телефон можно защитить от сырости. В подвалах и убежищах должна быть медицинская сумка — сколько подвалов у медиков, столько и сумок. Запас

воды обязательно и паек. Свечи. Лопата. Два карабина хороших. Один на груди, другой на спине. Блестящие карабины замотать. Должен быть обязательно нож. Приезжая в госпитали, будьте обязательно наглее и просите у начальника аптеки лекарства и другое имущество, список должен быть заранее. Старайтесь, если тишина, побригадно, по очереди спать больше днем. Слушайте небо и что вокруг. Никаких включений телефонов и наушников. Никаких громких разговоров и смеха. У семидесяти процентов трехсотых находили наушники.

— Юрий... э-э-э... товарищ Скорый, а что такое «трехсотые»? — раздался опять же позади Киры чей-то робкий голос. Кто-то на него громко шикнул: «Да раненые!» Юрий Сергеич помолчал, никак не прокомментировал. Но добавил:

— Подсказывайте друг другу и учите друг друга, не ухмыляясь: «Если ты врач, то сам его лечи» или «Ты опытнее, ты из столицы». Водителям больше давать спать ночью. Скачайте карту оффлайн мапс, помогает искать дорогу на этапах медэвакуации. Когда услышите бой, сразу же начинайте готовить всю неотложку, особенно ампулы с противошоковым. Когда раздаете аптечки на подразделения, то объясняйте каждому, зачем они и как этим пользоваться. И еще. Отправить в госпиталь раненого для оказания медпомощи нужно в течение так называемого «золотого часа». В медпунктах одна задача — стабилизировать состояние. Все понятно?

У Киры гудела голова, она почти ничего из сказанного не запомнила. Но решила не переспрашивать, не дурочка, в процессе разберется. Есть же какие-то навыки уже, значит, прорвемся. И она двинулась следом за колонной.

Однако Киру определили в госпиталь, операционной сестрой. Раненых с поля боя выносить не пришлось, как в кино про Великую Отечественную. Их было пятеро. Кроме Киры, врач-анестезиолог из Москвы, молодой совсем, лет двадцать семь, не больше. С ним работать было одно удовольствие: хваткий, умный, толковый. Были еще три хирурга из Саратова, постарше.

Раненые поступали из окопов — все перепачканы, в земле, грязные. В медпунктах у передовой их, действительно, только немного стабилизировали. Часто снять одежду было нельзя, ее приходилось разрезать. После этого ребят надо же было во что-то одеть. Все, что привезли с собой медики, мгновенно разлетелось.

Их в первый же день бомбили. Бомбежки до этого Кира видела только в художественных фильмах... Человеческий мозг, видимо, так устроен. Страх отключается, когда надо профессионально выполнить работу. Кира знала только одно: прямо сейчас нужно спасти человека и просто делала свое дело. Через неделю непрерывный грохот за окном вызывал уже не страх, а раздражение: «Блин, ну сколько можно, тут операция идет!» Был в госпитале подвал. И когда бомбили сильно, туда прибегали мирные жители. Они знали, что в больнице можно укрыться. Но мирные все же погибали. Их тоже пытались спасти, как и военных. И тоже получалось не всегда. Другое дело, что постоянно эти обстрелы. Стекла дрожат, бомбят, а на столе лежит мальчишка, которому делают операцию, осколок из живота достают. Что нужно сделать? Бежать вниз?

Потом они просто включали музыку на всю катушку. Совсем скоро Кира стала по звуку понимать, когда мы бомбим, нас бомбят или работает ПВО.

Письмо бабушке Кира стала писать, когда им сказали, что заработала фельдшерская почтовая связь. Получалось по паре предложений. Решила, что будет писать именно бабушке, просто та ведь все равно принесет его маме и Степану.

«Бабуля, привет! Надеюсь, что тебя я своим решением отправиться на фронт не так шокировала, как маму. Буду тебе писать хотя бы изредка. Получается, даже не каждый день.

Живем мы прямо в больнице. Выходить нельзя из-за постоянных обстрелов. Комната небольшая, стоят только койки, возле каждой по тумбочке. Окна

заложены мешками с песком, как и в операционной. В мирной жизни эта комната, наверное, была послеоперационной палатой.

С водой беда. Ее просто нет. Изредка привозят воду, заливают в огромные цистерны. Оттуда течет тонюсенькая струйка. Целиком помыться невозможно. Голову — только из ковшика. Когда вижу, что прямо сейчас моя помощь не нужна, говорю анестезиологу: быстренько сбегаю, голову помою. Только быстренько не получается. Пока в ковш эта струйка накапает... Так что до тела уже не доходит. Это уже влажными салфетками. Главное, чтобы у нас руки были чистые. Это само собой, в любых обстоятельствах.

Дежурств у нас нет, работаем практически беспрерывно. Если чувствую, что все, край, говорю: ребят, я ушла спать. Иду в нашу комнату, сплю два-три часа и назад в операционную. Но сутки без сна могу продержаться вполне. Вспоминала мамино «сплюшка-сова». Видела бы она меня сейчас...»

Кира не стала писать, что когда ложилась, все время прислушивалась, если не смертельно уставала. Двери беспрерывно хлопали — отдых заканчивался, вставала и шла в операционную, потому что понимала: ребят много привезли. С врачом, с которым работала в паре, была договоренность: они друг друга сменяли, если в операционной все более-менее было в порядке. Тяжело было видеть жуткие раны бойцов. Когда Кира впервые увидела ранение в голову, аж обмерла, спросила: «А это что?» Опытные врачи ответили: «Снайпер работает». — «Боже мой... Я думала, что здесь снайперов нет». — «Ну да. Еще как есть!»

«...Два дня не писала, бабуль. На чем я остановилась? Про сон. Ну да бог с ним. За каждого бойца бьемся до остервенения, так наш начмед говорит. Не все выживают, это понятно. Но многих спасаем. Я не знаю, как дальше складывается их судьба, потому что их потом в тыл отправляют. Хочется каждому уделить время, чтобы попытаться выдернуть из панического состояния, чтобы врач мог с ними работать. Иногда человека просто за руку нужно взять. Говорить что угодно, нести все, что в голову придет, но, главное, смотреть в глаза, главное, чувствовать обратную связь, чтобы его вернуть к жизни. Внушить желание жить. Если он потерял конечность, у него уже в голове потеря жизни. А тебе его нужно вернуть каким-то образом, чтобы он собрал свой организм в кучку. Иначе его не получится вытащить, доктор потом его может не спасти, он жить не захочет.

Раненых бойцов очень много, рук не хватает, хочется скорее помочь, успеть. Одно оперируешь и не знаешь, что с теми, кого только что подвезли. Если нужна кровь, машина едет на передовую, привозит оттуда семь-восемь человек. Тут же определяем группу и переливаем кровь. Ребята все проверенные. Но тут уже выбора нет... Парни все очень отзывчивые. После сдачи крови нужно выпить горячий чай и четыре-пять часов поспать, есть для этого специальное место. Они говорят: «Да вы что?! Давайте сладкий чай и все, везите нас обратно, там наши». Бабуль, они какие-то невероятно терпеливые...»

Кира таких никогда не видела. И где бы ей их было увидеть? Возможно, у них происходит какая-то переоценка... всего. Не было ни одной истерики, как это бывает в мирной жизни. Небольшие ранения они просили «просто перевязать» и возвращались на передовую. Если бы кто-то Кире рассказал об этом раньше, в той ее жизни, которая сейчас была неимоверно далеко, она бы отмахнулась: такого быть не может, это все выдуманные истории.

«Бабуль, я про эту твою папку иногда думаю. Ты почему мне раньше про это не рассказала? А теперь мне стыдно... За истерику ту. Наверное, ты боялась, что опять мне плохо станет, как тогда в Хатыни... Стало, да. Ну и пережила... А ты вспомни, как я всегда за справедливость была, сколько получала за это! Думаешь, я изменилась? Да с чего бы! Нет, конечно, жить мы стали

хорошо, привыкли к этому, что-то в нашей жизни началось такое... Самой иногда было противно. Ведь я все понимала. И не только я. Ты не думай, что мы такие толстокожие, равнодушные. Нет! Я вот тебе написала про ребят, молодых совсем... И ты знаешь, вот когда я вернусь...

Бабушка, ты в храм ходишь и меня в детстве водила. Объясни ты мне: как все это Бог допускает, а?! Да-да, я знаю, ты скажешь, что святые отцы и все прочее. А ты, вот ты сама, что ты об этом думаешь? Или с таким вопросом только к священнику можно? Я схожу. Потому что мучает он меня сильно... Ой, говорят, почта приехала, письма собирают. Целую вас всех, маму обними, Степана тоже. Все будет хорошо, я точно знаю!»

Кира быстро сложила письмо, вставила в узкий конверт. Вспомнились фронтовые треугольники. Сейчас нужды в них нет. Конвертов хватает, но... суть-то одна, получается. Хотя нет. Здесь наши. И там, с той стороны линии боевого соприкосновения, тоже... наши? Вэсэушники к ним в госпиталь попадали. И они их тоже старались спасти. Потому что только здесь по-настоящему понимаешь, что тут нужна просто твоя помощь. Без рассуждений. Разбираться будем потом. А сейчас... Она вдруг вспомнила Федора. Где он сейчас? Жив ли...

Анна Петровна прочитала письмо Киры, отложила.

«Бога нет», — бормотала Кира, проходя по залу в Аушвице, в котором за стеклянными стенами лежали горы человеческих волос, чемоданов, обуви, предметов быта: ложек, чашек, протезов, часов... Анна Петровна это слышала, но молчала. Она шла следом за внучкой и повторяла про себя: «Он есть!»

— Он есть, — ответил немецкий пастор Дезелерс, почти тридцать лет живущий в Освенциме, которому Кира, захлебываясь слезами, задала этот вопрос.

— Но люди же спрашивали: где ты, Боже?! Как ты мог...

Дезелерс шел и смотрел себе под ноги. Потом поднял голову и сказал:

— А Бог думал: как все это допустили вы, люди?! Бог тоже страдает из-за нас... Быть может, Он плакал.

Но Кира, вернувшись из Аушвица, в церковь ходить перестала. Не поверила. Почему сейчас снова спрашивает, что она там увидела? Или поняла... Как ответить? Анна Петровна села к столу, придвинула лист бумаги и начала писать.

— Кир, тебе письмо из дома! Пляши давай! — Анестезиолог, вышедший на минутку на улицу подышать воздухом, первым встретил почту. Он держал в руках конверт, но, увидев Кирино лицо, посеревшее после бессонной ночи, тихо добавил: — На, счастливая ты наша...

«Кирюш, я долго думала, что тебе написать... И все это было не то. И честно сказать, я и сама не знаю, что ответить на твой вопрос. Но вот что я знаю точно. Война — страшное зло. Даже если это освободительная война, она все равно оставляет печальный след: чтобы защитить свою землю, люди вынуждены убивать. Но и это убийство остается злом. Никто не заслуживает смерти. В этом заключается трагедия человечества: убивать неправильно, но и не убивать нельзя, особенно тех, кто причиняет зло. Даже если ты уничтожишь врага, зло не исчезнет, а будет только нарастать, отравляя мир. Но Бог не похож на полицейского, который мгновенно вмешивается и не дает злоупотребить силой. Почему Бог допускает страдания невинных и не предотвращает злодеяния заранее, мы, верующие, не всегда понимаем. Хотя... Как ты думаешь, с какого уровня зла Бог должен начать пресекать свободу созданного им человека? Ведь чтобы предотвратить убийство хотя бы одного ребенка, в том числе и нерожденного, Он должен был бы парализовать по меньшей мере

половину населения Земного шара. Мы наивно думаем, что если Бог существует, то останавливать Он должен кого-то другого, а не нас самих. Это убеждение в собственной непричастности к злу — самая страшная болезнь человечества, именно здесь кроются корни самых ужасных преступлений. Но мы можем доверять Ему. Бог действует через нас, вдохновляя нас на добрые поступки, — вот как мы противостоям злу. Ты сейчас ему противостояешь... А в храм все же сходи. Если получится».

— Принимайте! Осколком распорол живот. — Медбрат в маске вошел в дверь, на спине человек. — Кира рванулась к нему, но ее опередил кто-то из мужчин. Осторожно приняли парня на носилки и бегом в операционную.

— Я его на себе шесть километров нес с вывернутыми внутренностями. Эвакуационная машина вдребезги. Прилетел «Град», два пристрелочных, восемь по укреплениям. Мы рванули прямо по окопам, когда еще стреляло РСЗО, я вытянул вот его, замотал рану кое-как и прямым уж к вам. Живой хоть? — Парень устало стянул маску.

— Стас! — охнула Кира. — Ты откуда здесь?!

Перед ней стоял Хирург, ее однокурсник. Стас, довольный произведенным эффектом, улыбнулся.

— Странный вопрос. Я тебе тоже хотел задать такой же. Парень-то жив?

— Живой, живой! Все, я в операционную, подожди, не уходи, я так рада тебя видеть!

У них было полчаса, не больше. Кира вглядывалась в лицо Стаса, что-то говорила, говорила. А он просто держал ее за руку.

— Тебе кто сказал, мама? Я же ее просила!

— Не ругайся, она ничего не сказала. Я сам... узнал. Ну, когда ты с лабораторки ушла, я за тобой пошел. Не мог же я тебя в таком состоянии одну отпустить. Ну и... Видел, куда ты отправилась, все просек. Тоже решил. Если девчонка туда собралась, то я что, лох, что ли? И вообще...

— Понятно. Это ты меня за шкуру с проезжей части оттащил...

— Что с тобой тогда произошло? Ты как вообще до такого додумалась, сюда приехать? И что за чувак с тобой на вокзале разговаривал?

— Это длинная история, я тебе как-нибудь обязательно расскажу. Ты давно из дома, как там наши, как... — Кира замялась.

— Не знаю. — Стас отвел глаза. — Никого не видел, все на каникулах, кто где.

Он помолчал и спросил:

— Ты давно в храме была?

— Ну... я не хожу туда. Была маленькой, бабушка водила, а сейчас...

— А ты сходи. Вот прям как можно раньше, не откладывай.

— Я не знала, что ты верующий... Вот и бабушка мне тоже советовала сходить.

— Ты обо мне еще много чего не знаешь. Как захочешь узнать, свистни. Я буду ждать...

Стас уехал. Она его провожала. Пока стояли возле машины, он ничего не говорил, только улыбался какой-то мягкой, немного беспомощной улыбкой. Куда-то делся весь его наигранный сарказм, плохая актерская игра уступила место жизненной силе и уверенности.

— Бывай, Кириш, держись тут. И себя береги. Увидимся в сентябре!

Он махнул ей рукой, потом, помедлив, наклонился, слегка коснулся ее губ своими губами. И неожиданно перекрестил. Потом вскочил в свой потрепанный броневилок, и тот, фыркая и отплевываясь, сразу рванул с места.

— До встречи, — прошептала Кира. И что-то непонятное, но колючее и болезненное шелохнулось где-то глубоко внутри.

28 февраля.

У нас снова война. Вернее, как. Она все время была. Просто бомбы прилетали, но не так часто. А сейчас постоянно взрывы, все гудит уже четвертый день. Очень страшно. Я не помню мирной жизни. Когда мне было пять лет, меня спас от смерти кот. Он спал у меня на груди, и в него попал осколок от украинского снаряда. Котик погиб, а я осталась жива.

4 марта.

Вчера выключили свет во всем городе. И вода пропала. Мама нервничает, плачет, хотя и пытается от меня скрывать. Но я же не маленькая, скоро тринадцать. На улицу выходить не разрешает. Говорят, снарядом убило на соседней улице девочку. Впервые за последние годы я не собираюсь в школу, не складываю учебники и тетради. Некуда торопиться, школа опустела, никого из знакомых людей там не осталось. Учителя ушли на фронт или эвакуировались. Буду читать и играть на скрипке.

6 марта.

Я когда-то читала, что вовремя блокады Ленинграда люди собирали снег и так получали воду. Сегодня я попробовала набрать снега в ведро. Когда он растаял, воды было на доньшке. Ходила несколько раз, пока не налила чайник. Хорошо, что снег чистый, только выпал. А если и его не будет?

12 марта.

Гудит и бухает все сильнее. Свет нам так и не включили. Мама сбегала в магазин, принесла немного еды. Деньги закончились. Очень плохо без света, заняться нечем, пишу при свечке. Но мы хотя бы дома. Соседка тетя Шура говорит, что нам всем скоро придется сидеть в подвале.

15 марта.

Мама днем куда-то ушла. Мне очень страшно, все время слышны взрывы. Ее не было долго, вернулась с полными сумками. Я спросила: откуда продукты, денег же нет? Она смутилась, но ответила: там магазин открыт и нет никого, вот... Все брали. И заплакала.

20 марта.

К нам во двор зашли бойцы ВСУ. Они зашли с молотами и ломami, объявили жителям: «У вас есть двадцать минут на сборы!» Они взламывали квартиры, которые были закрыты, сказали, что это стратегический объект, а жителям приказывали уходить. Некоторые жители, кто мог уехать, уехали, но многие — нет: все спустились в подвал в своих домах.

24 марта.

Готовили на костре, воды не было. Ходили к колодцу, но там постоянно стреляли из автоматов. Люди укрывались как могли. Некоторые укрыться не успели. Сосед утром сбегал за водой, а через пятнадцать минут прибежали люди и сказали, что там было прямое попадание: пять человек насмерть. Сегодня попали прямо в третий этаж. Соседка ранена была. Детей кидали с третьего этажа, с горящего балкона. Соседку нашу отвез мужчина на автомобиле в больницу. Говорят, там много раненых детей, женщин, мужчин.

25 марта.

Мы поймали украинское радио, по нему сказали, что пожарные обеспечивают людей водой, а военные продуктами питания, даже сказали — горячим питанием. Мы не видели, чтобы хоть кто-то как-то помогал. Когда готовили на костре, иногда прилетала пуля, как будто кто-то развлекался. Может, им нравилось смотреть, как все разбегаются. Мы уже тогда поняли: у нас через пять домов была школа, и они там поставили минометы и просто по домам стреляли без разбора. Они часто подъезжали на танках к домам, стреляли и уезжали.

26 марта.

Новости ужасные. Украинские военные завозят технику в жилые квартиры, где живут люди. Они ставят минометы на крышах домов, они прячутся за их спинами. Украинский танк выстрелил в квартиру, от мужчины не осталось ничего. Во Дворце спорта поставили генератор с водой, стали давать воду, начались прилеты туда. Семь человек сразу погибли. Похоронили их на школьном дворе.

30 марта.

Нас бомбят и обстреливают каждый день. Раньше этот ужас был только ночью, а теперь — все время, и днем. Люди уже почти не работают, боятся выходить из домов. И в домах боятся быть — вдруг разбомбят, поэтому сидят в подвалах. На улице холодно, в подвале тоже. Сидим в одежде, наваливаем на себя все, что смогли вытащить из квартиры. На скрипке играть не могу, сильно мерзнут руки. Говорят, началось наступление. Весь дом трясется, боимся, что нас засыплет в подвале, а идти нам некуда.

2 апреля.

Из четырех магазинов рядом с домом работает только один, и в нем почти нет продуктов. Как только слышим взрывы, сразу бежим в подвал. У меня там уже свой матрас, книжка, одежда, все как дома. А в квартире стоит собранная сумка со всем необходимым. Вчера вот разбомбили жилой дом, одна стена осталась. Но люди в подвале спрятались и не пострадали. Маленькая девочка все время спрашивает у мамы: «А это плохой самолет летит или хороший, пассажирский?»

5 апреля.

Дома очень холодно, всего восемь градусов, как на улице. Двигаем с мамой шкафы, придвигаем к окнам, мама сказала, чтобы осколки не разлетелись. Похоже, безопасней всего в коридоре. Перетащили туда кушетку, сидим на ней весь день, мама только иногда выходит за продуктами. Где она их берет, не знаю, но еда пока есть. Когда был газ, готовили дома, потом его отключили. Можно было хоть возле плиты погреться, теперь все. Соседи разжигают во дворе костер. Мама пошла пилить ветки у поваленных деревьев. Я носила ветки в кучу, нашли кирпичи, решетку от плиты, получилась печка.

8 апреля.

Теперь собираемся все возле костров на улице. Взрослые говорят, что нужно выбираться из города. Но как, мы не знаем, машины у нас нет. Соседка сказала, что всех, кто пытался выехать, убивали. Ходят какие-то люди в форме, предупреждают, что костры оставлять нельзя, и про подвалы, что туда тоже может бомба попасть. И что нам делать, где прятаться? Очень страшно, я плачу тайком от мамы, ей и так очень тяжело. Днем читаю про Гарри Поттера, вернее, перечитываю, отвлекает от жутких мыслей. Вечером играю на скрипке, это можно и без

света. Соседи сказали, что это какая-то нереальная картина: со стороны улицы если смотреть, все разрушено, темно, и раздается музыка из окна.

11 апреля.

Сегодня днем в наш дом попал снаряд. Верхние этажи разрушены, наша квартира тоже... Мы были у костра на улице, мама пыталась хоть что-то забрать из квартиры. Удалось взять совсем немного одежды. Нашла скрипку. Книжка моя сгорела. Теперь нам придется жить в подвале. Соседи из уцелевших квартир поделились кто чем мог.

15 апреля.

Стреляют все сильнее, гул снарядов непрерывный, где-то вдалеке все горит, на горизонте сплошной дым. Автоматные очереди, стреляют совсем близко. Люди не уходят со двора, готовят еду. И сегодня случилось страшное. Соседка тетя Катя жарила оладьи на костре, прилетел снаряд. Ее убило и посеколо осколками женщину, которая проходила мимо. Все кричали, мама сильно плакала, во двор меня не выпускает.

21 апреля.

Уже понимаю, где дальше бьет, где ближе, это не по нам, а это рядом. Различаю звуки снарядов и понимаю, когда нужно бежать со двора в подвал. Но убежать получается не всегда... Я все время думаю: за что они начали убивать людей, которые жили здесь спокойно, а они начали убивать, стрелять. За что? Мы хотим сказать украинским военным, что они очень плохие люди, они первые начали. Мне сны снятся только про войну, когда бомбят, что-то летит, мне страшно становится, я просыпаюсь.

24 апреля.

Говорят, в город вошли русские танки. Ночью горел соседний дом, мы боялись, что пожар начнется у нас и мы совсем останемся без жилья. Некоторые сегодня ночью и завтра весь день собираются сидеть в подвалах. Но наш дом уцелел, если не считать разбитых квартир. Мама как-то потихоньку проникает в нашу квартиру и что-то оттуда приносит.

26 апреля.

Старшая по дому устроила взвешивание. У подъезда стояли весы, все выходили и каждый день взвешивались. Каждый потерял по 10–15 кг. Сегодня старшая вышла, крикнула маме: «Выходи уже, свой порог убирай!» Мела веником у полностью разбитого дома. Мне стало страшно. Она так от этого ужаса спасается или... Говорят, в соседнем подъезде сошла с ума женщина. Она не вытерпела. Столько лет терпела и вот... А мы сегодня спали со светом в подвале, просили не гасить свечи, хотя их совсем мало. «Дайте я хоть на свет посмотрю», — сказал Дима.

29 апреля.

В наш подвал спустился российский солдат в форме, лицо у него закрыто. Сказал, что нам нужно эвакуироваться. Нужно немного потерпеть. Сейчас, во время боя, выходить нельзя, а потом нам помогут выехать. Пишу в тетрадке карандашом, военные оставили немного солярки и свечи в жестяных банках.

3 мая.

Снова пришли военные и объявили эвакуацию. Мы собрали свои вещи в две сумки и вышли из подвала. Но успели пройти совсем немного, как нам приказали

вернуться. Сказали, что автобусы с первыми людьми обстреляли ВСУ. Есть погибшие и раненые. Был желтый автобус с большой надписью «Дети». Стреляли прямо по нему, что с детьми, не знаем. Но часть людей все же добралась до пункта приема беженцев.

4 мая.

Мы снова в подвале. Еда закончилась. Мальчишки выбирают наружу и приносят немного воды. Тетя Люся предложила выйти во двор и вскипятить воду на нашем костре. У нее еще было немного макарон. Мама решила идти с ней. Я тоже выйду потихоньку, хотя она и не разрешает. Но я больше здесь не могу сидеть. Все, я пошла...

МАРК

Марк попытался сдвинуть стол с места, но тот словно прирос к полу. Черт, как его вообще сюда затащили, этого двухтумбового монстра из чистого дуба?! Он еще раз попытался столкнуть эту махину с места, но стол только скрипнул и не сдвинулся ни на миллиметр.

В комнату вошла мама.

— Марк! Не трогай, ну есть же специальные люди! Сейчас они приедут, все вынесут! — Она нервно всплеснула руками и снова вышла. Марк сел на пол, прислонившись к столу. Оглядел пустую комнату. После смерти деда из нее вынесли все вещи, а квартиру деда продали. Остался только этот стол. Может, там что-то завалилось? Он стал выдвигать ящики. Нет, все давно убрали, до последней бу-мажки.

Дед что только не хранил здесь, даже счета за коммунальные услуги чуть ли не с начала прошлого века. Мама сказала, что все это хлам. Фотографии она уже давно отсканировала — ну, где в нашей квартире хранить все эти альбомы?! А все остальное... После смерти деда никому это не было нужно. И мебель из его квартиры тоже увезут. Но не на свалку, нет. В магазин подержанных вещей, выставят на продажу.

В Германии деньги на ветер не выкидывают. И пусть они немцы только во втором поколении, но все правила немецкой ментальности его родители усвоили очень хорошо.

Его мысли прервали громкие голоса и топот ног каких-то людей, они вошли в комнату, опутали толстыми брезентовыми ремнями стол, сначала вынув все ящики и просто сложив их в стопку на пол. Стопка внезапно покосилась, ящики рассыпались по полу, Марк стал их подбирать, и вдруг... На дне одного из ящичков он увидел приклеенный скотчем конверт. Марк осторожно отклеил скотч. Конверт был довольно большой, больше обычного почтового. И довольно плотный. Он быстро сунул его за пазуху, под куртку. Дома посмотрит. Матери он не сказал о находке.

Марк с нетерпением ждал часа, когда он наконец сможет закрыться в своей комнате и посмотреть, что лежит в этом конверте. Он просто кожей чувствовал, что здесь явно какая-то тайна, иначе дед не прятал бы конверт. Он отсидел за семейным ужином, вежливо слушая болтовню мамино кузена дяди Вилли и так же вежливо отвечая на дурацкие вопросы, типа, мальчик, кем ты хочешь стать, когда вырастешь. Марк уже учился в Мюнхенском университете на факультете славянской филологии, но в семье не воспринимали это занятие всерьез. После долгих уговоров отучиться на фармацевта и продолжить дело деда, владевшего сетью аптек, от него отстали: переберется, сам поймет, что филологией этой на

жизнь не зарабатывать. А он читал любимого Достоевского в подлиннике и мечтал когда-нибудь поехать на его родину. В Россию.

Но в последние месяцы в мире творилось что-то невообразимое. Ни о каких поездках не могло быть и речи. Тут уж его родственники точно не поняли бы и не дали ни гроша. Своих денег у него было мало, от подработки в разных медиа удалось скопить совсем небольшую сумму, на такую поездку ее явно не хватило бы.

Наконец, тягостная процедура семейного ужина подошла к концу, и Марк с облегчением поднялся к себе в мансарду. Закрыл дверь, достал конверт из ящика стола, куда переложил его еще днем, осторожно распечатал. В конверте оказались какие-то письма. Старые, судя по бумаге. Кириллица? Но вроде не на русском. И еще выпала фотография.

Марк отложил письма. И стал разглядывать фотографию. Человек на снимке ему почему-то не понравился. Хотя кого-то смутно напоминал. Гладко выбритая физиономия. Какой-то странный френч. На голове шапка, полувоенная, где-то он такие уже видел. Марк перевернул фотографию. На обороте увидел надпись: «На добрую память от Юрка Федюка моей жене Руте. 1944 год».

Марк пока ничего не понимал. Георгий Дмитриевич — так звали его прадеда. «Георг» на немецкий манер. По скучным рассказам родственников, он знал, что прадед Георгий находился в нацистском лагере на территории Германии, был освобожден союзниками, но на родину не вернулся. Побоялся. Остался в Германии, в Мюнхене. Женился, у них с прабабушкой родились дети. Его умерший дед — это сын Георга, Марк, в его честь Марка и назвали. Есть еще и дочь, бабушка Марта, она жива. Конечно, он видел фотографии прадеда. Но если на этом снимке он, почему у него такой вид, бандитский, что ли... Почему он в какой-то странной форме? Ведь в это время он должен был находиться в концлагере... Непонятно. И Марк развернул пожелтевший листок. Четкий крупный почерк, слова знакомы, много русских, вперемешку, похоже, с украинскими. Суржик, вспомнил название такого языкового стиля Марк.

«Любый Юрко!

Ты обо мне не печалься, я справляюсь везде. Писать часто не могу. Бывают тут командиры, но через них передавать не буду. Мне очень интересно, где ты работаешь и какова участь, никто ли нас не предал. О себе ничего такого писать не буду. Потому что это не нужно знать. А на личные дела, конечно, мало обращаю внимания. Поздравь от меня всех моих бывших девчат и всех знакомых и хлопцев. Скажи, что я еще брожу по свету, скажи, что здесь еще лучше, чем там. Здесь меньше большевиков, нежели там, леса большие. Интересно мне еще про Маричку, что с ней? Мне тут хорошо не потому, что я хвалюсь, но на самом деле. Желаю здоровья всем знакомым. УПА жива! Твоя Рута».*

УПА*? Украинская повстанческая армия*? При чем здесь его прадед? Его прадед имел ко всему этому отношение?! Кто такая Рута? Насколько он помнил, его прабабушку звали Зося. Марк окончательно запутался. Он что-то слышал о Волынской резне, устроенной в середине сороковых годов на Западной Украине этой самой УПА*. Польские родственники отца, живущие в Германии, в разговорах на семейных праздниках всегда упоминали эту историю, пили не чокаясь. Но подробности Марк не знал.

Марк лихорадочно развернул еще одно письмо. Бумага была хрупкой от времени, письмо разорвалось. Марк чертыхнулся, осторожно соединил обе половинки.

«Любый Юрко! Жить нам вместе всегда и везде. Ты обещал забрать к себе в Германию, но все тяжелее выходить курверам на родные земли, все чаще прова-

*Здесь и далее по тексту этим знаком помечена организация, деятельность которой запрещена в РФ.

лы. Чекисты перехватывают каналы связи, посылают свои «пакеты» по действующим каналам. Недавно Стецько вскрыл такой пакет, и разорвало его на куски. Хотя и живу я под чужим именем, под теми документами, что ты из Мюнхена передал, только агенты КГБ меня выдали. Устроили чекисты во львовской квартире засаду, да добрые люди предупредили, и ушли мы с детками в лес.

К старым друзьям попала, в надежный схрон. Жду тебя. Либо с тобой здесь вместе погибнем, либо вдвоем будем счастливы в новой жизни. Если надо будет быть в крае долго, не один год, я согласна. Но только с тобой. Будем вместе мы и наши любимые дети Адриан и Улянка. Я молодая, успею родить тебе еще и сына, и дочь. Я так хочу».

В конверте что-то оставалось. Марк потряс его и оттуда выпал лоскут ткани, типа льняной или хлопчатобумажной. Марк повертел лоскут в руках. Хм, и что все это значит?

На следующий день он попробовал найти что-то по теме УПА* и Волынской резины в интернете. Нашел. Но больше пары-другой ссылок просмотреть не смог. Особенно потрясло польское издание «Na Rubieju» фонда «Волынь», где приводилось описание более ста способов пыток и зверств, которые вояки УПА* применяли к польскому мирному населению, в том числе детям.

Спросить у родителей? Или у бабушки Марты? Она же дочь этого Юрко Федюка. Или Георгия? Но здесь про какую-то Руту. И Уляну. Да и деда его звали не Адриан. И фамилия другая. Хотя здесь понятно, славянскую заменили на немецкую, Фогель. Он взял телефон, набрал номер.

— Слушаю! — бабуля откликнулась в ту же секунду.

— Ва. Это я, Марк... — Он замолчал, не зная, что говорить дальше. — Мне нужно тебя увидеть и кое-что показать...

Бабушка Марта осторожно взяла в руки хрупкие пожелтевшие листочки.

— Нашел... — прошептала чуть слышно. — Где?

— К днищу ящика дедова стола было прикреплено. Ты мне можешь объяснить, что все это значит?! Почему Юрко, что это за имя? Кто такая Рута, кто эти Адриан и Улянка?

— Ты точно хочешь это знать? — Марта вся словно подобралась, выпрямилась в своем кресле, взгляд ее стал жестким и колючим.

— Говори! — Марк придвинул стул ближе, сел, всем своим видом показывая, что никуда он отсюда не уйдет, пока не услышит правду.

— Твой прадед никогда не был в концлагере. Он был боевиком УПА, украинской повстанческой армии*...

Пока Марта говорила, он не задал ни единого вопроса, не произнес ни слова. Просто потому, что пока не понимал, как к этому относиться. Как ему, молодому человеку, живущему почти через сто лет после тех событий, абстрагироваться от этой информации? Как правнуку — понять и принять? А что конкретно он обо всем этом знает? Только общие представления. Но его прадед — это не страничка из учебника с неизвестными фамилиями давно умерших исторических деятелей. Это человек, который дал жизнь его деду. А значит, и ему. Ну и какие теперь у него перед этим Георгием-Юрком обязательства? Марк не мог ответить ни на один вопрос.

— Нашего отца звали Юрко Федюк, Юрий. У этого имени есть еще вариант, Георгий. Ну, а Георг — так проще и понятней для немцев. И фамилию... Тоже пришлось поменять.

— Он убивал? — спросил внезапно Марк.

Марта словно споткнулась, замолчала.

— Они все убивали. И их убивали. Это война.

— Но насколько я в курсе, их так называемые акции проходили и после войны, чуть ли не до середины пятидесятых.

— Все правильно. Только... это была освободительная борьба. Сначала с нацистами, потом с коммунистами. За свободу Украины. Тогда еще отец был уверен в благополучном исходе борьбы, которой посвятил свою жизнь. Он думал, что вот-вот начнется война между США с их союзниками и соцлагерем во главе с Советским Союзом. Вот тогда-то и забурлит вновь Западная Украина, люди, подготовленные ими, их организацией, обиженные и обездоленные советской властью. Возьмутся за оружие и они, оставшиеся в живых повстанцы, поведут народ за собой на борьбу за независимую и самостийную Украину. Они все еще надеялись на что-то во время так называемой холодной войны, когда Запад поддерживал их в вооруженном сопротивлении советской власти на Западной Украине после сорок пятого года. Они были готовы в случае войны помогать любым противникам советской власти, лишь бы отделить Украину от России, избавиться от ненавистой им Москвы.

— Ну, хорошо, предположим, я могу это понять. Свобода от коммунистов. А те несчастные поляки, которые погибли во время Волынской резни, и те жители деревень, которых сжигали заживо, они тоже были поголовно коммунистами? И дети? — Марк в упор смотрел на бабушку. — Не хочешь просто представить: вот вы, ваша семья, ваши односельчане. Вас вдруг останавливают среди привычных занятий и говорят: заходите все в хату. Быстрее! Заходите и ложитесь. Лицом вниз! Вас, ваших детей, вашу мать застрелят — вот сейчас, через минуту. Автоматы нацелены, только нажмет пальцем и...

Марта отвела взгляд, повернула голову к окну. На улице сгущались сумерки, зажигались окна соседних домов. В одном из них, через дорогу, семья садилась за стол, ужинать. Огромные незашторенные окна, освещенная столовая. Симпатичный темноволосый мужчина, рядом полноватая, похоже, беременная женщина, двое малышей, девочка постарше, парнишка лет трех.

— Что ты хочешь от меня услышать? — проговорила Марта еле слышно.

— Я просто пытаюсь понять! — Марк нервно заходил по комнате, наткнулся на стул, с грохотом отодвинул его. Развернул задом наперед, сел.

— Это понять сложно. Но...

— Нет уж, извини! — Он вскинул руки. — Это не поддается моему пониманию. И оправданию тоже. Устрашение? Так никогда в истории устрашение населения не приносило никаких плодов, тем более не приводило к покорности. И ты это прекрасно знаешь!

Марта грустно кивнула. И снова посмотрела в окно. Мужчина с женой стояли на веранде, он обнимал ее, что-то говорил, а она смеялась, запрокидывая голову. Детей, похоже, отправили спать. Обычные люди, обычная жизнь. Нет. Не совсем. Это их жизнь. И никто! Никто не имеет права ее отбирать!

Марк тряхнул головой.

— Хорошо, пока оставим эту тему. Но я к ней вернусь, возможно, уже с других позиций. Давай лучше подумаем, что это за клочок ткани. Ты знаешь? Пустой вроде...

Марк взял со стола конверт, вынул небольшой кусок пожелтевшего полотна. Протянул Марте. Та расправила ветошь, посмотрела на свет.

— Кажется, знаю. Вскипяти чайник.

Марк с удивлением посмотрел на Марту, однако пока не стал задавать вопросов, прошел на кухню, включил чайник. Тот через несколько минут закипел, наполнился пузырьками, отключился.

— Захвати глубокоую тарелку! — крикнула Марта из комнаты.

Марк пожал плечами, но просьбу бабушки выполнил. Вернулся в комнату с чайником и тарелкой.

— Поставь на стол.

Марта встала, подошла к столу, положила кусок материи в тарелку. И стала лить на нее кипяток из чайника. На ткани проступили какие-то буквы, пока плохо различимые. Марк хотел сунуть руку в кипяток и рассмотреть получше, но Марта стукнула его по руке, как когда-то в детстве, когда он втихомолку пальцами ковырял крем на торте, пока никто не видел.

— Кипяток! Сейчас, подожди. — Она взяла из стаканчика на столе карандаш, осторожно подцепила клочок и выложила его на стол. На ткани довольно отчетливо проступили слова: «Ищи короля в книге». Тайнопись?! Но откуда Марта это знала? Он не успел ее спросить, она опередила вопрос.

— Когда-то давно отец показал мне этот способ тайнописи, когда мы играли в шпионов. Текст печатают на машинке без ленты на куске ткани... Так, здесь упоминается книга. Про какого-то короля. И скорее всего, она находится в этих шкафах. Вся библиотека отца перешла мне по наследству. Собрано было немало, для нас, для внуков и правнуков, как повторял отец. Ну да, откуда он мог знать, что теперь вся вот такая библиотека помещается в небольшой плоской коробочке. Хотя... Букинистика снова в цене. Но, возможно, говоря о наследстве, он имел в виду что-то другое.

— Про короля... — Марк сразу подумал о своей любимой книге про короля Матиуша Первого, но засомневался, что прадед когда-либо слышал о такой книге. Это должно быть что-то другое, может быть, что-то классическое.

— Ты много знаешь о старых книгах. — Он с надеждой посмотрел на Марту. — Ты ничего не можешь придумать?

— Есть сотни книг о королях, сказки, короткие рассказы, драмы, даже исторические романы. Но, я думаю, мы можем их пропустить.

— Да. Я бы отказался от исторических романов. Насколько я знаю, это романы, где много героев и много сюжетов, а эта книга... это должно быть что-то конкретное, как король Лир. Хорошо было бы, чтобы слово «король» было прямо в названии книги.

— Давай подумаем об этом, — согласилась Марта.

— Какую книгу о короле мог прочитать твой отец? — Марк обвел глазами полки шкафов, плотно заставленные толстыми томами в коленкоровых обложках.

— Ты знаешь, я боюсь тебя огорчить, но мой отец не читал никаких книг. Скорее всего, он просто использовал эти тома для шифра. Только и всего. Думаю, эти книги для отвода глаз.

— «Ищи короля, ищи короля...» — бормотал Марк, просматривая названия книг на верхних полках. Ничего не приходило ему в голову.

Марта скользнула взглядом по полкам и вынула из плотного ряда книг том с пьесами Шекспира в красивой тканевой обложке.

— Давай посмотрим, что там, — Марк быстро пролистал страницы, но... на внутренней стороне задней обложки вдруг нащупал нечто особенное. Там было заметное утолщение.

— А что это такое? — Марк повернулся к Марте, с удивлением указывая на находку. Та взяла книгу и провела пальцами по обложке.

— Я не знаю, — призналась она, — никогда не обращала внимания. — Потом достала из комода маленький нож для бумаги, вероятно, из тех, которыми открывают письма, осторожно поддела кончик задней обложки и провела им до самого нижнего края. На пол выпал сложенный лист бумаги.

Марк поднял бумагу, развернул ее. Внутри был какой-то странный текст. Марта взяла у него из рук листок, прищурилась подслеповато.

— Думаю, это набор букв, какой-то шифр, здесь только одно слово понятно на немецком: links. И цифра два. Все.

Марк задумчиво смотрел на тайнопись. В том, что это именно зашифрованный текст, он не сомневался. Он почувствовал какой-то охотничий азарт, как гончая, идущая по следу. Так-так!

— Давай рассуждать логически. Если здесь понятно только одно слово и есть цифра, то, скорее всего, это ключ к расшифровке текста.

Он сел за стол, потер лоб ладонями, будто подгоняя мысли, уже шевелившиеся у него в голове в правильном, как он был уверен, направлении.

— Эврика! Есть такой шифр Цезаря, когда буквы в предложении заменяются другими, которые, скажем, стоят на две буквы левее или правее. Здесь по всей вероятности, левее, если links. Каждая третья буква... — Марк схватил ручку и блокнот, лежавший на столе. — А с какой буквы начинать?

— Давай попробуем от Р. Так звали его первую жену, ну или это был ее псевдоним, не важно. — Бабушка открыла ноутбук, набрала в поисковике: «немецкий алфавит». — Стоп. Вряд ли это немецкий, ведь в нем куча значков и букв, которых нет в других алфавитах. И русский вряд ли... Давай попробуем просто латинский, он универсальный.

— Марта, диктуй!

Она начала называть буквы, Марк быстро записывал. В итоге у них получилась вот такая абракадабра:

lesensiedasleideneinesjungenerwerthersbeimzweitengartnerstdrechsel.

— Что это?! — Марк разглядывал буквы на листке, поворачивая его по часовой стрелке. Надпись от этого понятней не становилась. — Бессмыслица какая-то.

— На первый взгляд, да. Но должен, должен здесь быть какой-то смысл! Если это прочитать с паузами, что получается?

— «Прочитайте jwg болезнь молодого Вертера у второго садовника искать st drechsel». И что это нам дает? Болезнь молодого Вертера, что-то в этом роде, не название ли это какой-то книги?

— Какой-то?! Вот она, современная молодежь, ни Шекспира они не читали, ни Гете. «Страдания юного Вертера», а jwg это инициалы. Иоганн Вольфганг Гете.

— Что бы я без тебя делал, Марта! — польстил Марк бабушке.

Она милостиво приняла эту лесть, закатив глаза.

Марк подошел к одному из книжных шкафов, достал оттуда книгу. «Страдания юного Вертера» Гете.

— А что там дальше, в тексте... Читай «Страдания юного Вертера» у второго садовника искать... — произнес он. — Что это может быть?!

— У второго садовника... — повторила Марта. — У второго... Точно! — Она хлопнула себя ладонью по лбу. — Четыре садовника — это старый народный праздник, из славянской мифологии, и, вероятно, перенятый у древних. В Польше их вообще-то называли хуторскими или полевыми братьями, в Германии ледяными святыми.

— Но какое отношение ко всему этому имеет какой-то второй садовник?

— Самое непосредственное! Это такая традиция, речь идет о четырех полевых братьях, их праздничные дни приходятся на 11, 12, 13 и 14 мая. Это именины Мамертуса, Панкратия, Серватия и Бонифация, а еще есть холодная Зоська, день 15 мая, после которого, по поверью, уже не должно быть никаких морозов. Коротко говоря, именно в эти дни начинается период теплой, без заморозков погоды, благоприятной для высадки рассады. Так вот, именины второго садовника Панкратия 12 мая. А теперь посмотри! — Марта раскрыла книгу. — «Страдания юного Вертера» разделены на две части, в которых текст сгруппирован по датам. Первая книга начинается с 4 мая 1771 года и заканчивается 21 июня.

— Значит, 12 мая будет в первой книге, — обрадовался Марк.

— Правильно. Давай посмотрим, что у нас там. — Марта пролистала несколько страниц, затем прочитала вслух:

«Не знаю, теплота ли фантазии моей небесной спутницы, или обаяние чарующих гениев обращают пепелище мое в какой-то рай? Этот соседний колодезь, например? Я прикован к нему, как Мелузина с сестрами. Спускаешься с небольшого холма и стоишь перед сводом, к сеньям которого ведут несколько ступеней. Тут, из каменистого утеса, бьет ключ чистой воды: повыше — невысокая стенка служит оградой; со всех сторон деревья, защита от ветра. Прохлада, журчанье струи — все это имеет нечто заманчивое, таинственное. Нет дня, чтоб я здесь часу не провел.

Городские девушки приходят сюда с кружками, для занятия самого простого, самого невинного и, как некогда царские дочери, запасаются здесь водой. Патриархальная жизнь олицетворяется: вот они, праотцы наши; они узнают суженых, знакомятся, сватаются — и благодетельные гении, покровители ключей и источников, осеняют их. Кому это чуждо здесь, тот никогда в знойный час, после долгого странствия, не знал упоений студеного ручья»¹.

Она закончила и посмотрела на Марка. Несколько минут они сидели в абсолютной тишине.

— Так. Нормальненько. Отличная шутка. Прадед был тот еще шутник. Все практически понятно. К тому же здесь в конце еще какое-то *st drexel*.

— А с этим как раз ничего сложного. Я же училась в школе при католическом монастыре, и нам, конечно же, рассказывали о святой Катерине Дрексель. И *st* — это и есть сокращение слова «святая».

— Ну и какое отношение имеет эта самая Дрексель ко всему здесь зашифрованному?

— Да, ты прав, жила она в Америке... Екатерина... Колодец... Родник... Должна быть какая-то связь! Колодец... — Марта приложила руку ко лбу и замерла. — Колодец! — через пару секунд крикнула она, так что Марк вздрогнул от неожиданности. — Родник старого Яна!

— Родник старого Яна? — переспросил Марк.

— Да, именно. На мой взгляд, он просто идеально подходит к описанию в «Страданиях юного Вертера». Я думаю, что отец мог бы спрятать там свой архив. Возможно, еще что-то. Даже деньги.

— И где находится этот родник?

— В местечке Любань, где вырос отец. На границе Украины и Польши. Возле монастыря святой Екатерины.

О том, что у него украинские корни, Марк, конечно же, знал. Но в их семье никакие подробности по истории этого рода со стороны его матери не обсуждались. Отец Марка был поляк, Кшиштоф Завадски. Марк носил его фамилию. Вот о польском роде говорили много и охотно. Из Варшавы в Мюнхен братья и сестры отца приезжали часто, много рассказывали про обычаи, пели польские песни, называли племяннику не забывать традиции и язык. Он и не забывал. Более того, как только польская молодежь Мюнхена решила организовать что-то вроде отрядов харцеров², он сразу же вступил в такое подразделение. Стал его активным участником.

Они изучали героическую историю молодежного движения Сопротивления во

¹ Перевод с немецкого Александра Струговщикова.

² Харцеры (*польск.*, единственное число *harcerz*), члены Союза польских харцеров (СПХ; *Związek harcerstwa Polskiego*) — добровольной массовой организации детей и молодежи.

время Второй мировой, ездил в лагерь, устраивали исторические реконструкции. Произносили у костра торжественную клятву «Серых шеренг», молодежной подпольной организации, члены которой погибли в борьбе против гитлеровских оккупантов. С группой харцеров несколько лет назад он ездил в Освенцим, работать волонтером в музее нацистского лагеря Аушвиц-Биркенау. Внимательно слушал все, что рассказывали сотрудники музея, задавал вопросы о Берген-Бельзене, где погиб, как он считал, его украинский прадед.

Друзья с уважением поглядывали на Марка. И он даже гордился таким вниманием сверстников. Его прадед был героем. В этом он ни минуты не сомневался. А сейчас, когда внук узнал о нем всю правду, он героем быть перестал? Марк окончательно запутался. Только сидел в интернете, на сайтах, где можно было бы что-то еще почитать по теме УПА*, Волынской резни, читал на трех языках и все больше понимал, что он не сможет самостоятельно в этом разобраться.

Спросить? У кого? Где она, правда, и сколько разновидностей ее существует в мире? У каждого — своя. Теперь он знал это точно. Но другое дело, спросить самого себя: чью сторону примет он. Почему-то ему было очень важно ответить именно на этот вопрос. Почему... Потому что он задавал его себе еще тогда, в Освенциме, когда они приехали туда с отрядом харцеров волонтерами. Работы там было много: и консервация документов, и реставрация, и составление описей, могилу советских военнопленных убрали, красили ограду. И тут эта группа из России. И рыжая девчонка с косичками. Она бы смогла на этот вопрос ответить? Теперь уже поздно, контактами они не обменялись. Он кожей почувствовал ее холод, льдинки, застывшие в прозрачных зеленоватых глазах. Но вот зацепила чем-то, тогда он ей это стеклышко отдал, что нашел у крематория. Ну что ж... Он же не сказал ей, что тоже славянин. Из Германии — и все, сразу девчонка посуровела. Интересно, русские когда-нибудь забудут всю эту историю восьмидесятилетней давности? Или хотя бы простят уже четвертое поколение немцев... Не факт.

— Сегодня мы начнем разговор об одном из самых тяжелых времен в истории Германии. — Лектор откашлялся, будто в горле что-то мешало ему говорить на эту тему. — Правление гитлеровской партии, нацизм.

— О, а у Марка дед сидел в концлагере! И вообще, он русский! — Пауль повернулся к Марку. — Помнишь, ты еще эссе писал на конкурс? Берген-Бельзен, как жетсы?

Марк поблел.

— Нет, не помню. И я не русский, а поляк, — ответил он слишком резко. Пауль удивленно отшатнулся. — Ну... Я просто не хочу сейчас о личном.

Марк постарался смягчить тон, чтобы не вызвать ненужных расспросов. Но это ему не удалось. На перемене Пауль и Эмма накинулись на него с вопросами. У него что-то случилось? Какая муха его укусила? Марк вяло отнекивался, друзья и отстали. Хотя было видно, что они ему не поверили.

Вечером позвонила Лаура. Они познакомились не так давно. И в месте, которое, по мнению Марка, может, и располагало к мимолетному знакомству, но уж точно не к продолжительным встречам и каким-то серьезным отношениям: в ночном клубе. Правда, они встречались уже почти полгода. Лаура была длинноногой блондинкой, словно с обложки журнала, но при первом же разговоре наголову разбила шаблонные представления Марка о девицах с такой внешностью. Она была необыкновенной во всем. Неброские тени для век, безупречные манеры, острый ум и мощная аура неминуемого успеха. Даже простые джинсы выглядели на ней шикарно.

Лаура училась в университете на физическом факультете. Этот факт Марка окончательно добил, и больше всего он боялся, чтобы случайно Лаура не узнала,

что дальше закона Ньютона он в физике не продвинулся. Причем, единственное, что из него помнил, — что-то связано с яблоком, вроде как упавшим ученому на макушку.

— Ты куда пропал? Мы же договаривались созвониться. Не хочешь меня видеть?

Марк напрягся. Рассказать ей? Никаких планов на развитие их отношений у Марка не было. Да, девица огонь, с ней неплохо было появляться в компании друзей, увидеть, как Пауль в очередной раз пощелкает языком, а Эмма закатит свои близорукие глаза за толстыми стеклами очков... Но ведь они знакомы всего ничего. Он замялся.

— Да... тут понимаешь, такое дело... Э-э-э... Мне нужен совет. Э-э-э... как бы это...

— Так тебе нужен совет или средство от заикания? — услышал он ее насмешливый голос.

— Да... то есть нет. Если ты не против, встретимся через полчаса.

Лаура была точна. Легенда про опоздания, которые прощаются красивым женщинам, к ней не относилась. Марк увидел, как она идет к нему в кафе, элегантно лавируя между столиками, и какие взгляды бросают ей вслед посетители-мужчины.

— Привет! — Она чмокнула его в щеку. — Выкладывай.

Марк начал свой рассказ. Она слушала внимательно, лицо ее было непроницаемо. Лишь изредка чуть заметно приподнималась правая бровь и снова, будто спохватившись, возвращалась на место. Это был признак глубочайшего удивления, не меньше. Сдержанная немецкая фрау.

— А зачем ты хочешь туда поехать? Цель? — Она окинула Марка цепким взглядом, когда он замолчал. — Ты же уже знаешь, кем был твой прадед. Что ты еще хочешь узнать? Что ты предполагаешь найти?

Как на допросе. Марк поежился.

— Вот когда ты ответишь сам себе на эти вопросы, ты поймешь, нужна тебе эта поездка или нет. Просто не спеши.

— О, ну, конечно, немецкий орднунг в действии! — Марк пренебрежительно фыркнул и сделал большой глоток «Хеннесси» из своего бокала.

— Ага, пытаюсь слегка охладить твою горячую славянскую голову. Вот послушай, я тебе сейчас расскажу одну историю. Никогда не рассказывала, но теперь можно. Я в детстве летом часто жила у бабушки в Баварии, в деревушке. Там было чудесное озеро в кувшинках, мы купались, ловили рыбу. И как-то раз старшие мальчишки показали нам, как стрекозы через отверстие в спине высвобождаются из личинки, как твердеют их крылья, как они начинают летать. Стрекоза делала это медленно, так было ей назначено природой. Или Богом, не суть. Но мне показалось тогда, что это почти невыносимо нудно. Однажды я не вытерпела, взяла одну личинку и через ее спину вытащила пальцами мокрую стрекозу.

Марк поморщился. Лаура засмеялась, увидев его кислую мину.

— Ну, вот такое детское нетерпение. Крылья у этой стрекозы потом высохли, но они были кривые и косые, и вся она получилась какая-то кривая, летать она не могла. Это было как... Как живое преступление против медленности и неправильности жизни, вот. Потом мы ее оставили на дороге и дождалась, пока воробей не склевал бедолагу. Тогда я и запомнила, что нельзя торопить жизнь, раз в ее медленности и неправильности лежит необходимость. Необходимость, Марк. Ты меня понимаешь?

— Угу... — Марк кивнул. — Как-то у тебя все слишком правильно. Но... думаю, теперь я знаю, зачем я туда хочу поехать... Я тебе тоже что-то расскажу. Есть такой русский писатель, Иван Гончаров. А у него роман «Обломов». Не са-

мый известный в Европе писатель, не самый известный роман. Но мы на филфаке читаем, да. Так вот, там главный герой говорит своему другу Штольцу, кстати, немцу по отцу, а мать у него была русская... И он ему говорит: «Все думают только о том — как жить, а зачем — никто не хочет думать».

— И ты хочешь понять — зачем?

— Возможно, возможно... — Марк рассеянно покатал по столу хлебный мякиш и больше ничего не сказал.

После этого разговора прошел еще почти месяц. Марк несколько раз ходил к Марте, им нужно было многое обсудить. Бабушка его поддержала, обещала дать денег на дорогу. С Лаурой к этой теме они больше не возвращались, но он часто ловил на себе ее будто вопрошающий взгляд. Она по-прежнему ничего не спрашивала. Марк решил, что скажет ей об отъезде в самый последний момент.

— Я уезжаю в Латвию, на практику, — бодро сообщил он маме как-то вечером, заталкивая в рюкзак вещи. — Сессию сдал досрочно.

— На практику? Разве после первого семестра она есть? — Мама недоверчиво на него посмотрела. — И почему именно в Латвию?

Марк не мог сказать маме, что едет он не в Латвию, а на Украину, где сейчас неспокойно. И зачем едет, тоже решил не сообщать.

— Ну да, а что тебя смущает? Нам предложили страну на выбор, все знают, что я неплохо владею русским. В Прибалтике, надеюсь, еще понимают этот язык? Ну и Влад обрадуется, мы сто лет не виделись.

Троюродный брат как раз и разрабатывал с Марком детали этой операции. И не выдаст его, в этом Марк был уверен. Лауре он отправил одно сообщение, на которое она ничего не ответила.

В маленькую деревушку Любань, по соседству с райцентром, Марк приехал на старом дребезжащем автобусе. В городке он остановился в гостинице, вполне приличной, немного погулял, чтобы осмотреться, нашел симпатичное кафе. Автобусы от автовокзала в село отходили редко, утром и вечером. Но назад, как заверили его, можно было вернуться и на такси. Местные подрабатывали.

Дорогу к монастырю святой Екатерины ему показали охотно, вообще местные были настроены вполне дружелюбно, хотя в соцсетях «знатоки» писали: на Западной Украине по-русски лучше не говорить. Ну, может, он говорил с акцентом, что сразу выдавало в нем иностранца, потому и «понимали». Но он не сомневался, что русский язык здесь прекрасно понимают все.

Марк вышел на окраину села, различил вдалеке сооружение, действительно, похожее на монастырь, быстро туда направился и двинулся вдоль высокой стены. Через полсотни метров стена повернула налево. Он пошел дальше и увидел деревянные ворота, а рядом с ними табличку с надписью «Монастырь святой Екатерины». Марк прошел еще несколько шагов, монастырская стена закончилась, и он оказался на лесной тропинке. Слева деревья росли редко, да и ветки их были пока голые, без листвы, и он увидел чуть вдали какой-то луг и, похоже, рукав реки. Справа стена леса была непроницаемой, чередовались бук и ель. Красиво, машинально отметил Марк. Он дошел до развилки тропы и задумался. Достал навигатор и повернул налево, здесь тропинка была значительно хуже. А буквально через несколько метров Марк понял, что она совсем заросла.

Пробираться сквозь сплетение ветвей было непросто, здесь, похоже, уже очень давно никто не ходил. Наконец он вышел к небольшому обрыву. Впереди был пологий спуск, внизу он увидел колодец, и все это начинало напоминать текст из «Страданий юного Вертера». Он представил, как, спустившись с небольшого холма, окажется перед склепом, куда ведут двадцать ступеней, а внизу чистейшая

вода вытекает из мраморных скал. Какая-то стена. И высокие деревья — такие же, как в тексте.

Марк побежал вниз по склону и увидел родник. Правда, это были не мраморные скалы, а обычный известняк, но высокие деревья вокруг этого места и весь остальной антураж подходили как нельзя лучше. Родник вытекал ручейком из-под белых скал, вода собиралась сначала в большом колодце, а затем текла по узкой долине, образуя бурный поток, убегавший в густой лес. Сзади родника была довольно высокая стена, покрытая мхом.

Марк обошел кругом весь родник старого Яна и обнаружил, что эта стена довольно толстая. Он подошел к колодцу, окунул обе руки в кристальную воду. Какая холодная! Марк набрал полную пригоршню и сделал несколько глотков, заломило зубы, но он зачерпнул еще и еще. Потом с удовольствием умылся. Дна колодца видно не было. А на его стене, метрах в полутора под водой виднелся какой-то люк. На крышке люка Марк заметил странный предмет. Он был похож на обод от колеса. Возможно, это какой-то рычаг... А если он попробует сдвинуть его? Хитрый старик не дал больше никаких указаний. Придется додумывать самому.

Марк еще раз обошел родник, но в голову ничего не приходило. Он заглянул в колодец, наклонил голову еще ниже, затем снял куртку и закатал правый рукав своего джемпера. Погрузил руку в воду, пытаюсь дотянуться до металлического колеса, которое уже немного заржавело. Ему это не удалось. Хм, так ничего не получится... Марк выпрямился и стал выжимать воду из намоченного рукава. Рука онемела от холода.

Ясно, что эта штука в колодце не просто так. Значит, ее нужно как-то достать или сдвинуть с места. Возможно, провернуть, как запорный рычаг на дверях в старинных замках. Только как?! А если попробовать с помощью ремня! Марк вытащил из джинсов форменный харцерский ремень. Пряжка на нем была металлическая и довольно широкая, можно попробовать просунуть ее в этот обруч и подтянуть... Он подошел к краю колодца, опустил ремень в воду и попытался зацепить пряжку за обод.

Вода была такой холодной, что кожаный ремень буквально через минуту затвердел. Пряжка на его конце блестела и непокорно отказывалась входить в отверстие металлической ручки. Марк наклонялся все ниже и уже погрузил руку до локтя, когда, наконец, пряжка коснулась обода, скользнула в круг и затем зафиксировалась. Он изо всей силы потянул ремень, обруч послушно подался. Он услышал, как сзади раздался какой-то щелчок. Вроде бы возле стены.

Что это могло быть? Марк поднялся, осторожно пробрался сквозь густую поросль плюща, который заплел своими ветвями всю стену. Поводил руками по ее поверхности, пока не остановился на одном месте и быстро начал отдирает ветви. Вскоре в середине стены он обнаружил углубление и что-то похожее на массивную дверь. Только у нее не было никакой внешней ручки. Марк толкнул эту дверь, и она на удивление легко приоткрылась. Похоже, засовом, ее закрывавшим, служил тот металлический обруч, который он повернул. Марк открыл дверь пошире, внутри была небольшая ниша, в которой лежало четыре ящика. Один из них он вытащил наружу.

Старые, почерневшие доски. Но ящик был вполне крепким, на нем хорошо различались какие-то немецкие надписи, а посередине — черная свастика. Он подцепил крышку ящика, внутри было, наверное, с десятков перевязанных папок. Марк открыл одну, ту, что лежала сверху. Какие-то документы, все, по крайней мере, в этой папке, на немецком. Штампы с немецким орлом и свастикой. То же самое обнаружилось и во втором ящике. Затем он вытащил два оставшихся. Открыл. Сел на траву, потер лицо руками. Куча денег! Ящики были заполнены до краев зелеными банкнотами, которые нельзя было спутать ни с какими другими. Американские доллары.

Деньги Марк переложил в рюкзак, взял еще одну папку с документами. Если будет необходимо, он за ними вернется. Когда и как наступит эта необходимость, он не знал, решил действовать по обстоятельствам.

Теперь с этим рюкзаком нужно было как-то пробраться через границу в Польшу. С рюкзаком, полным долларов?! Н-да, смешно. А если их положить в банк? Ну и как он объяснит их происхождение, тем более что деньги уже потеряли товарный вид, хотя и неплохо сохранились, пролежав столько лет в земле. И потом, кому какое дело, он иностранец, мало ли, наследство получил. Здесь, на Украине? Вроде какой-то налог требуется за наследства платить, что-то он слышал, нужно узнать подробнее.

Все, что ни приходило ему в голову, казалось каким-то несерьезным, несуществующим. Солидно выглядел только рюкзак с долларами. Но как с ним уехать на Запад, Марк так и не решил. В гостинице вечером он долго крутился в кровати, пытаясь заснуть, и сам не заметил, как провалился в сон, словно в колодезь. Точно, он ему и приснился, колодезь. Только был он гораздо глубже, чем тот, у которого он сегодня побывал. Во сне он цеплялся за его стенки, руками, коленями. Падал на дно, почему-то абсолютно сухое, больно ударялся спиной, снова лез наверх... Проснулся поздно, даже в это хмурое февральское утро было понятно, что солнце, хоть и скрытое за облаками, уже довольно высоко. Вспомнил сон. Выбрался он все же наверх или нет? Нет, забыл...

Провел по лицу руками. Взгляд его упал на рюкзак, который он кинул под стол. Встал, засунул его в шкаф, за одеяла, которыми не пользовался, пошел в ванную, встал под душ, смывая остатки сна.

Ну что ж, нужно сходить в город, в кафе, кофе попить, а потом уже снова думать. Марк спустился в вестибюль гостиницы. Никого. Странно. Он задумчиво покрутил на пальце ключ от номера и вышел на улицу. Конец февраля, здесь, на Западной Украине совсем тепло. Хотя и сумрачный день, но снега уже почти нет, птички щебечут. Марк пошел по центральной улице городка, народу на улице было мало, но стало почему-то больше машин, даже пробки образовались, что, похоже, для этого поселка было в новинку. Водители вели себя нервно, постоянно жали на гудки и высовывались из окон.

Марк подошел к тому кафе, которое облюбовал еще по приезде, и открыл дверь. Громко работал телевизор, висевший напротив стойки, немногочисленные посетители и официанты напряженно слушали то, о чем вещали с экрана. Марк остановился и услышал: «Президент Украины объявил в стране всеобщую мобилизацию. Марк нанесен ракетный удар по объектам военной инфраструктуры в Харькове, Киеве и Днепре. В Киеве в течение дня каждый час включали сирены гражданской обороны. За городской чертой слышны звуки взрывов. Жители на личных автомобилях покидают город. На выезде образовались пробки. Очереди на заправках и у банкоматов. Некоторые станции метро открыли для убежища. Президент заявил о разрыве дипломатических отношений с Россией, сообщил об ожесточенных боях под Херсоном и потерях с обеих сторон. В восточной части НАТО развернуты дополнительные силы блока. Президент обратился к Западу с просьбой о помощи и к россиянам, чтобы они требовали прекращения войны».

— Что здесь происходит? — громко спросил Марк.

Головы слушающих телевизора повернулись к нему. Люди молчали.

— Ты что, с неба свалился? — ответил бармен, который вчера дружелюбно расспрашивал, откуда он, услышав его акцент. — Война! На нас напала Россия!

Марк вышел из кафе на улицу. Бред какой-то! Небо уже расчистилось, было пронзительно синее, лишь кое-где расцветенное сиреневатыми пятнами облачков. Ярко светило солнце, в воздухе пахло весной. День был теплый, словно в апреле. Какая война?! Войну он, понятное дело, видел только в кино. В семье о ней гово-

рить изгабали, Марк понимал: судьба прадеда, концлагерь, воспоминания болезненны, зачем прошлое ворошить и тому подобное. Сейчас он уже знал, что никакого концлагеря не было. А что было? Чем именно занимался его прадед в этой УПА*, действовавшей на Украине во время войны и даже, насколько он успел узнать, и после? Вопросы, вопросы...

Невдалеке что-то ухнуло. Марк инстинктивно втянул голову в плечи. Что, уже бомбят? Он читал, что война СССР и Германии началась именно так, с бомбежки ничего не подозревающих людей, их городов и сел. Но все было спокойно, никто не бежал, не кричал «Воздух!», люди как шли по улице, так и продолжали идти. И это война?! Шутка, что ли, такая? Они что, рехнулись все? Он вернулся в кафе. По телевизору по-прежнему транслировали обращение украинского президента, мелькали кадры бомбежки, свистели снаряды, все взрывалось и горело. Что ему теперь делать, как выбираться?! И как он теперь попадет домой?! Хороший вопрос. Гражданин Германии вывозит из воюющей страны рюкзак с долларами. Положить в банк? Об этом он уже думал. Возникнут такие же вопросы... Н-да, задача.

Марк вернулся в свой номер. Так, деньги пока есть. Нужно просто переждать. Есть надежда, что это ненадолго. Война в центре Европы в XXI веке, да что они там думают?! Нет, сейчас вмешается мировое сообщество, выяснится, кто прав, кто виноват, и все закончится миром. Не то сейчас время, чтобы... Ну да, конечно, так и будет! Марк сам себя уговаривал, но получалось это у него не слишком убедительно. Какой-то червяк сомнения так и шевелился внутри.

Тем не менее, он решил пока заняться документами, что прихватил с собой. А через какое-то время, когда все устаканится, он придумает, как вывезти эти деньги. Есть же тут какие-то контрабандные тропы, он не раз об этом слышал. И наверняка местные за вознаграждение не откажутся ему помочь. Так что нужно просто успокоиться и заняться каким-то делом. Вот как раз и посмотрит, что в этой папке.

Марк открыл папку, начал читать. Он сначала с тревогой, а потом и с ужасом вглядывался в строчки рапортов и докладных немецких офицеров своему начальству о количестве убитых и замученных мирных людей. О карательных операциях, уничтоженных населенных пунктах, сожженных, утопленных в болотах, расстрелянных жителях. Сухие цифры. Сотни тысяч людей. Женщин, стариков, детей, которые никогда не держали в руках оружия, да и вообще вряд ли его видели. Но больше всего его поразило даже не это. Ведь, по большому счету, о жертвах той войны молодым немцам рассказывали. Да и Освенцим. Работа там не прошла для него бесследно.

Поразили документы, где так же сухо и бесстрастно перечислялось, как немцы привлекали к геноциду славян таких же славян, боевиков УПА*. Теперь он, наконец, нашел ответы на свои вопросы. Слишком скрупулезно составленные документы, видимо, копии отосланных рапортов, с сотнями фамилий и имен, подробные описания казней и пыток с участием в карательных акциях украинских националистов — все это хранилось в папках и спрятано было так, что найти случайно эти документы не представлялось возможным. Да и не случайно тоже. Марк вспомнил, как они с Мартой расширяли последние послания прадеда, как он ломал голову, что за обруч прикреплён к люку в стене колодца и как его достать. Он теперь отчетливо понимал, зачем сюда приехал. Оставшиеся документы нужно тоже как-то забрать. Впрочем, и те, что оказались у него в руках, — это страшные свидетельства преступлений, которые годами совершали украинские националисты вместе с немецкими нацистами на этой земле...

Село Копище, 13 июля 1943 года. В тот день специальное гитлеровское подразделение СС при поддержке с воздуха военными самолетами заживо сожгло в домах и оврагах 2887 местных жителей, среди которых было 1347 младенцев и де-

тей до 12 лет. Подробный рапорт об этом как раз попал ему в руки одним из первых в этой папке.

Причиной такого зверства стал, насколько он понял, тот факт, что нацисты получили данные о проведении в местных лесах совещания командиров партизанских соединений. Захватить врасплох партизанскую верхушку гитлеровцам не удалось, так что всю свою злость они выместили на беззащитных жителях деревни. Мало кому из них удалось скрыться в густых дубравах и непроходимых болотах. Оставшиеся в селе были согнаны и заперты в помещении и пристройки. Случайно уцелели единицы.

«Мой комиссар, докладываю, что порученная мне, заместителю командира штурмбатальона, боевая операция «Фрау Хельга», предусмотренная согласно плану «Припятъ-2», осуществлена успешно.

На карте «Копище-дорф» показано, как компактно расположен населенный пункт, а на самом деле он протяженностью в 7–8 километров. Когда я узнал это, то увеличил силы окружения и организовал охват села в форме «клещей».

Роты и взводы действовали слаженно, как и требовал план акции. Этому способствовало, что цель, для которой собирали туземцев, до последнего момента не была им известна. Чтобы их привлечь, были обещаны мыло, соль, иглы. До самого начала акции сохранялась тишина и покой. Мы отказались от команды могильщиков, чтобы эти ужасающие туземцы копали ямы своими лопатами. Для ликвидации тел после акции использовали деревянные постройки, как разовые крематории. Несколько бандитов бросились наутек, но их подсекли пулеметчики, выставленные заранее в окрестностях. В этот же момент в лес метнулась стая детей, часть которых поймана и расстреляна, а часть, рассеявшаяся по болотам, была обнаружена и ликвидирована до окончания дня.

Операция начата в 3 часа 15 минут и закончена в 14 часов 27 минут. Конфискация зерна и скота проведена также согласно плану. Для вывоза зерна привлечено достаточно подвод. Для сопровождения скота, которого оказалось: коров 1409, волов 385, телят 196, а еще 47 лошадей, свиней и поросят 540, овец 190, дополнительно вызван из Олевска взвод охранной полиции.

Потерь батальона не обнаружено, два вахмистра отправлены в госпиталь с расстройством желудка...»

Это был рапорт высшему начальству заместителя командира штурмового фашистского батальона Гюнфхера о выполнении операции «Фрау Хельга».

Еще один документ. Видимо, копия, перепечатанная через копирку. «Львов 22.04.1944 года. СЕКРЕТНО. В главное управление имперской безопасности группенфюреру СС Мюллеру (лично), Берлин. Начальнику полиции безопасности в генерал-губернаторстве оберфюреру СС генерал-майору полиции Биркману (лично), Краков.

Содержание. О контактах УПА (Украинская повстанческая армия)* с вермахтом, полицией и учреждениями гражданской администрации.

Как уже сообщалось, вермахт, и прежде всего Абвер, будет и впредь продолжать сотрудничество с УПА*. С целью информации об истинных намерениях контрразведки относительно УПА* 19.04 было проведено совещание руководителей трех отделов контрразведки группы армий Юг... Поступающие от УПА* разведматериалы военного характера чрезвычайно обширны (10–15 донесений ежедневно). Большая часть этих донесений представляет ценность с военной точки зрения и используется войсками. К этому можно прибавить, что в некоторых случаях подразделения украинских банд вели боевые действия вместе с германским вермахтом против Красной Армии и большевистских банд. Важность этого факта пока еще не нашла должной оценки... Абверкоманда 202,

совершаяя диверсии за линией фронта, может выполнить свою задачу лишь силами УПА. На оккупированных русскими территориях лишь УПА* представляет единственную враждебную силу. Ее усиление путем поставок оружия и обучения определенных кадров тоже в интересах вермахта... Согласие высших инстанций в Берлине получено. Связь поддерживается уже давно через одного связника с Шухевичем, уже завербовано несколько человек для предстоящего обучения... Командир...»*

Марк еще раз перечитал документ. Он все правильно понял?! Ну вроде немецкий ему родной. Все более чем понятно. То есть все теории насчет борьбы организации украинских националистов ОУН** и созданной позднее украинской повстанческой армии УПА* против нацистов, которые он нашел в интернете, — это детские сказки, которыми кормили и кормят доверчивых украинцев и сегодня? А на деле, получается, они были с немцами заодно, участвовали в карательных акциях чуть ли не активнее, чем гитлеровцы. И Волынская резня... Марк аж вспотел, вспомнив, что он нашел в сети, набрав эту фразу в поисковике.

«Нацизма на Украине нет!» А русские утверждают, что есть! Как же так, просмотрели, не подвергли так называемой денацификации, как в свое время это сделали в Германии? Марк читал, что в русской и французской зонах она проходила более мягко, что ли. Зато американцы устроили немцам жестокое испытание. Они их вывозили в те места, где были массовые захоронения. Для немцев такая «очная ставка» стала потрясением и шоком, они до сих пор испытывают вину за то, что молчаливо наблюдали за всеми этими преступлениями. Хорошая прививка, что и говорить.

А вот русские были более лояльны к немецкому населению. Так, может... Он внезапно понял. Тогда и к своим, родным украинцам, их отношение уж тем более нельзя было назвать жестким. Получается, что на Украине вся эта мина замедленного действия из недобитых бандеровцев, которым отменили смертную казнь, довольно быстро отпустили из лагерей, мало того, так еще и сняли судимости, она и взорвалась в 90-е, после развала СССР? Так, интернет работает вроде... Сейчас проверим. Марк набрал в поисковике: «Украинский национализм после войны в СССР». Хрущев, указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны...» Марк лихорадочно листал аналитическую статью известного политолога. Ничего себе нарывчик зрел все это время! И в Европе наверняка все это понимают, только делают вид, что ничего не знают об украинском неонацизме.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, как говорится на его славянской родине. Он не представлял, что ему с этим новым знанием делать. Решил посмотреть, что в папке есть еще. В самом низу увидел бумаги, написано по-украински. Вытащил, бегло проглядел.

Ага, прадед пишет о себе, как он, простой киномеханик в сельском клубе, оказался идейным боевиком УПА*. Сначала он выполнял работы по направлению от биржи труда. Чистил дороги от снега, к примеру. Посылали также на рытье окопов и ремонт мостов. Он подробно описывал жизнь и быт их деревни при немцах, расстрелы, казни, виселицы, с которых неделями не разрешалось снимать трупы. У его отца, оказывается, была своя мельница и маслобойня, у них квартировал немецкий унтер-офицер, который служил им щитом от облав и угона в Германию. Он показывал им свои семейные фотографии и рассказывал, насколько жизнь на Западе была лучше, чем здесь.

В январе сорок третьего всю молодежь отправили убирать снег и рыть окопы, зачислили их в трудовой батальон. К тому времени отношение к немцам как к

** Здесь и далее по тексту этим знаком помечена организация, деятельность которой запрещена в РФ.

освобождением от большевиков уже резко изменилось. Как раз в это время прадед познакомился с тремя украинскими националистами и проникся, как он писал, к ним симпатией. Ему показалось, что вот это и есть «свое», тогда как и Советы, и немцы выглядели чуждо и враждебно. Под влиянием немецкой оккупации на Украине стало усиливаться националистическое движение. На всей территории от Полесья до Поднепровья действовали отряды бульбовцев под руководством Тараса Боровца, взявшего себе псевдоним Бульба.

Прадед впервые повстречался с ними летом сорок третьего. Они вроде пытались противостоять германцам, призывали саботировать их приказы и укрываться от принудительной отправки на работу в Германию. Обмундирование их было похоже на немецкое, но они носили шестиугольную фуражку с национальным гербом. Марк вспомнил снимок прадеда. В такой фуражке он и был там запечатлен. С ними прадед пробыл, как понял Марк, недолго, они ушли в сторону Галиции, а прадед почему-то остался. Из-за женщины? Но в сорок четвертом его отправили туда же в составе рабочего батальона. Там ему удалось пообщаться с кем-то из украинских националистов. Ага, тут он пишет, что повстречал девушку, чей брат состоял в УПА*. Это та самая Рута? Но имени ее он не упоминает. Она и убила его сбежать от немцев, дала одежду. Сообщила ему и пароль, который он должен был назвать, отправившись в деревню. Когда немцы начали отступать, боевики не стали отходить вместе с ними. Тогда же прадеда приняли в члены УПА*. Когда пришли большевики, они и дальше скрывались в лесах. Прадед был радиотехником при штабе. Затем он получил задание пробираться в Чехословакию. Это уже в сорок шестом, когда против них были брошены регулярные части Красной Армии. Почему же Рута не ушла с ним? Из-за детей? Их, как он понял, было уже двое. А он обещал ей, что обязательно вернется. И она ждала...

А что стало с детьми, Адрианом и Ульяной? Если они остались живы... Это значит, что где-то могут жить их потомки, его родственники. Марк тяжело вздохнул и отложил бумаги. Он так и не решил пока, как ко всей этой информации, обрушившейся на его голову в последние месяцы, нужно относиться. И сейчас у него есть другая задача. Поглавнее. Но решить ее быстро не получилось.

...Прошел месяц. За это время война не только не закончилась, она разгорелась так серьезно, что представить это еще каких-то три недели назад было невозможно. И пока не было на горизонте сил, которые взялись бы разнимать воюющие стороны. Надежды на то, что все это скоро завершится, рухнули. Нужно было как-то выбираться домой, в Европу. И использовать для этого какие-то «неформальные» каналы. Других вариантов не было.

Марк наконец принял решение. На следующий день утром он снова пришел в кафе, где впервые услышал о начале СВО, как говорили русские, и обратился к бармену.

— Слушай, друг! Мне нужно в Польшу выехать, но... как бы это... Короче, не совсем легально. Вы тут на границе живете, наверняка знаете все ходы-выходы. Я заплачу, — добавил Марк поспешно, увидев лицо бармена. Тот почесал затылок.

— Что ты вывозишь, наркотики? Это будет стоить дорого.

— Нет-нет, какие наркотики! — Марк поднял вверх раскрытые ладони. — Что ты, друг!

— Пан... Пан Анджей, — сухо ответил бармен.

— Да, конечно, простите. Там у меня... ну как бы это... небольшое наследство, прадед завещал, я вот за ним приехал. А тут такое...

Анджей недоверчиво помотал головой: рассказывай сказки кому-то другому.

— Пока не скажешь, что вывозишь, не помогу.

Марк сдался.

— Там доллары в рюкзаке, много. В схроне лежали.

Он понимал, что другого выхода нет. Ну заплатит, в конце концов. Положение у него патовое.

— Хорошо, — кивнул Анджей. — Вечером сюда приходи с грузом, я договорюсь.

Марк с облегчением вздохнул. И поспешил в свой номер, не увидев, как жестко блеснули глаза бармена.

Весь день он провалился на кровати, перешелкивая каналы. Интернет уже зависал, так что видел он только то, что показывало телевидение Украины. А показывало оно страшные кадры, которые в сознание не укладывались. Летящие бомбы, изрыгающие огонь пушки, бегущие люди. Какая-то безумная нарезка. Это сегодня, сейчас происходит?! Это не хроника восьмидесятилетней давности?! И хотя Марк, немного имевший дело с медиа, понимал, что всю эту информацию нужно делить еще минимум на сто, все же кадры производили впечатление даже на него, человека подготовленного, что ли. А что уж говорить о простых жителях Украины... Около шести часов вечера Марк поднялся, выпил воды из графина, стоявшего на столике, взял рюкзак, проверил документы и вышел из номера. Бармен был на месте, окинул быстрым взглядом рюкзак Марка.

— Посиди здесь, пусть немного стемнеет. Потом подъедет пикап, расплатишься с водителем. Пять тысяч долларов.

Марк хмыкнул, но все же кивнул, кинул рюкзак под ноги у ближайшего столика, сел. Через полчаса бармен подал ему знак, показав на выход. Марк встал, закинул рюкзак на плечо, вышел на улицу. Там стоял только старый пикап. Марк растерянно огляделся. Раздался свист. Он подошел к пикапу, за рулем которого сидел бородатый мужик.

— Тебя, что ли, везти? Садись!

Марк сел на сиденье рядом с водителем, попытался дружелюбно улыбнуться и протянул руку:

— Марк.

Тот никак не отреагировал ни на протянутую ладонь, ни на имя клиента. Только буркнул:

— Когда через пограничный пост проезжать будем, сиди тихо, я говорить буду.

Ехали пару часов, молча. Когда подъехали к польской границе со стороны Украины, Марк увидел длинную очередь из желающих ее пересечь.

— Надолго? — спросил он бородача.

— Как пойдет. Часа на три.

Марк прикрыл глаза и откинулся на сиденье. Что бы хорошего вспомнить? Лауру? Не уверен... Та русская девчонка, которую встретил в Освенциме, когда там был волонтером. Рыжая, с веснушками. Красивая? Ну... Ладная, как сказала бы русская бабушка. Он даже не знает, как ее звали. Она все время хмурилась, и он постеснялся спросить. Только подарил ей оплавленное стеклышко из крематория. Да что там, разве можно ее сейчас отыскать, ерунда какая-то, забыть и успокоиться. И Марк задремал.

Проснулся от толчка в бок.

— Просыпайся! Мы уже близко. Документы приготовь.

Марк встрепенулся, пошарил рукой под ногами.

— А где мой рюкзак?

— Где-где... В Караганде. Думаешь, что рюкзак, полный долларов, я оставлю в кабине, а?

Марк провел руками по лицу, словно придавая ему приветливое выражение, и приготовился для встречи с таможенниками.

— Что в кузове? — лениво спросил пограничник, подсвечивая фонариком.

— Пустой, пан начальник, — ответил бородач. — Разгрузился, домой возвращаюсь, в... Жешув.

— А пассажир?

— Так гражданин Германии, гостил у родственников, тоже хотел бы вернуться.

— Все хотят вернуться... — процедил пограничник, продолжая досмотр. — А кто и сбежать, бросить родину на произвол судьбы.

— Я гражданин Германии, — попытался встрять Марк.

— Проверим, — отозвался пограничник.

Марк достал паспорт, протянул ему. Тот взял в руки, полистал.

— Шенген на месте, это хорошо. — Но заканчивать досмотр не спешил. Обменявшись с водителем быстрыми взглядами, которые Марк не заметил, он наклонился, подлез под машину, постучал там чем-то и вылез с... рюкзаком Марка в руках.

— А это что, панове?

Марк очнулся в каком-то просторном помещении, на бетонном полу. Попробовал пошевелиться. По телу полоснула резкая боль. Он непроизвольно застыл. Нет, повернуться вряд ли удастся. И все же нужно было попытаться хотя бы сесть и оценить обстановку. Что с ним произошло? Пропускной пункт через границу, он едет в машине с каким-то угрюмым бородачом, проверяют документы, досматривают машину... И все. Дальше провал. А где его рюкзак?! Да, он вез в рюкзаке деньги, которые нашел в схроне прадеда. Американские доллары, много. Его обещали преправить через границу. И что дальше?!

Марк попытался упереться ладонями в пол, ему это удалось, он привалился к стене, осмотрелся. Какой-то ангар с техникой, склад, что-ли. Как он здесь оказался? Здесь есть кто-то живой? Словно в ответ на его вопрос дверь отворилась, и в помещении вошли несколько крепких мужчин в камуфляжной форме.

— Да он отживел, гля, крепкий парень! — услышал Марк. Чьи-то жесткие руки подхватили его подмышки и усадили у стены. — Ну что, красавя, рассказывать будешь, откуда у тебя такие бабки?

У Марка гудело в голове, он прислонил ладонь к затылку и почувствовал что-то мокрое. Кровь. Марк поморщился.

— Это вы... меня? За что? Я гражданин Германии... — Язык ворочался с трудом.

— Да хоть из Мадагаскара! — захохотал здоровенный мужик, поднявший его с пола. Стоявшие рядом тоже заржали. — Ты вообще в курсе, что по нашим законам грозит тому, кто нелегально перевозит через границу валюту, да еще в таком количестве?

— Это мое... это наследство...

— Насле-е-дство? — насмешливо протянул военный. — А где у тебя на него документы? Где декларация, а? Молчишь. Так вот, за такое преступление тебе по нашим законам полагается лет десять тюрьмы.

Марк снова попытался возразить.

— Я гражданин Германии, я... Просто отпустите, я уеду домой! — он вдруг вспомнил. — А где мой паспорт?!

Военные переглянулись. Один из них помотал головой. Марк понял этот жест.

— Я никому не расскажу, слово харцера!

— Кого-кого? — Военный наклонился к нему поближе. — Это еще кто такие?

— Ну, это такой союз молодежи, вообще польский, но у меня и польские корни тоже. В Германии есть отделения, я туда входил, мы много чем занимались, как с оружием обращаться, лагеря летние, стрелять учились, волонтерство вот... в Освенцим ездили, учились, как дронами управлять...

— Стоп! Вот с этого места подробнее! — Военный поднял его с пола. — Стоять можешь?

Марк кивнул, хотя голова кружилась и болела рука. Он глянул мельком: просто содрана кожа.

— Слушай сюда! Сейчас мы отвезем тебя в центр вербовки, будешь в международном легионе служить. Нам такие спецы нужны! — Вояка радостно хлопнул Марка по плечу, отчего тот чуть снова не упал.

— Ка... Какой легион? — прохрипел Марк. — Я же не военный...

— Ничего, научим, — заверил его еще один дядька в камуфляже, до этого молчавший. — Или на нары? К стати, деньги мы у тебя конфискуем в фонд поддержки вооруженных сил Украины. Если подпишешь бумагу, то отслужишь свои полгода в иностранном легионе, а потом домой, к маме, а если нет, то заводим на тебя уголовное дело.

— Нет, — замотал головой Марк. — Я не хочу... на нары. Я вам пригожусь, честное слово. У меня с русскими свои счеты, — добавил для правдоподобности. Он решил согласиться, выхода другого не было. Ну а там посмотрим, как дело пойдет, на рожон он точно лезть не собирался. О том, что это война и стрелять будешь не только ты, но и в тебя, он старался не думать. Вот и пригодилось то, чему их учили в харцерском отряде. А тогда ведь считал все это ерундой, не понимал, зачем им эта наука...

В центре вербовки его определили в так называемый военно-спортивный лагерь. Там ветераны из США, Израиля, Эстонии и Великобритании пытались научить гражданских основным солдатским навыкам. Связался с Владом, попросил, чтобы тот позвонил родителям, сообщил, что ему, Марку, предложили стажировку в Рижском университете. Чтобы говорил это как можно убедительней, а лучше пусть напишет. Со своей учебой он потом разберется. Если он теперь вообще к ней вернется.

В лагерь прибывали новые инструкторы. В том, что это толпа отъявленных головорезов, Марк убедился с первых дней. К тому же неонацисты приезжали на Украину со всего мира, чтобы научиться обращению с оружием, с ракетами, а потом у себя в стране примкнуть к террористическим группам. Приезжали, чтобы получить боевой опыт, и не скрывали этого. Были и те, кто уже воевал. Они особенно охотно делились своими «знаниями». «Чем больше русских мы убьем, тем свободнее станет Украина», — таким был их лозунг.

Ннадо отсюда уносить ноги. Марк понял это практически сразу. Но как? И куда бежать? Про русских рассказывают тоже ужасные вещи. Даже если эту пропаганду не принимать всерьез... А потом ему недвусмысленно намекнули, что перебежчиков держат на мушке снайперы. Видимо, что-то заподозрили.

Он решил не торопиться и собрать данные об украинских солдатах, оружии и расположении частей, чтобы однажды передать информацию российским войскам. Может, тогда они оставят его в живых. Для этого пришлось смешаться с этой безумной толпой, топтать российские флаги и выкрикивать нацистские лозунги. Он научился вести себя как типичный боевик украинского нацбата. Ему приказали обучать этот сброд, собранный со всего мира, управлению дронами, он это делал тоже. И терпел. И ждал.

Он должен выдержать. Марк постоянно повторял это как мантру. Должен слиться с толпой. Но с каждым днем делать вид, что ты свой, было все труднее. Особенно после тех видео, которые заставляли смотреть якобы для поднятия боевого духа. Видео с расстрелами и пытками российских военнопленных. Расчеловечивание. Марк уже слышал это слово. Расчеловечивание было настолько широко распространено на Украине — и среди военных, и среди жителей, что не укладывалось в

голосе: стоп, люди, вы такие же славяне! Откуда у вас эта нечеловеческая злоба к вашим извечным соседям? Разглядывая в соцсетях радостные лица бывших «братьев» — так называли их русские, и до сих пор, похоже, так считали — разрезавших торты с лицами погибших российских солдат, фотографировавшихся на фоне марок со взорванным мостом, выпускавших «консервы» «Мясо сепара», Марк физически чувствовал подступающую к горлу тошноту. Раз не выдержал, прокомментировал, что только безмозглые идиоты могут такое вытворять, у русских он такого не видел. Ржавшие рядом «однополчане» замолчали, тот, что держал в руках телефон, недобро на него покосился.

— Я имею в виду, надоел этот туизм, уже что-нибудь бы поинтересней придумали, что ли! — спохватился Марк. Но про себя решил, что такие выходы могут ему дорого обойтись.

Ну, ладно, война на поле боя. Но зачем они убивали мирных людей? Из разговоров с ними Марк понял, что новоявленные вояки — сплошные неудачники по жизни, а сейчас им раздали оружие. И все. Они получили власть, они себя почувствовали этими Рэмбо, вершителями судеб, в чьих руках находилась жизнь других людей. Что-то это ему напоминало... Да, карательные отряды СС и отряды УПА*. Как ни горько это осознавать, но боевики напрямую им подражали и не скрывали этого. Но, пожалуй, от тех бандитов, времен Великой Отечественной, они ничем не отличались. Может, еще большей жестокостью.

Все его существо протестовало, не хотело воспринять этого, поверить. И не восприняло. Лучше умереть, но оставаться в этом бандитском коdle он не собирался. И вот за эту «незалежность» воевал его прадед?! И тогда Марк окончательно решил обдумывать план побега. Как это сделать, он не представлял. Перебежчиков расстреливают снайперы, это ему сразу сообщили. А если поймают...

— Было это в середине июня. Теплая южная ночь, в кои-то веки тишина, мы сидели с бойцами в лесочке в двух километрах от села, сидели и травили анекдоты. Лесок этот называли Питон, был он узкий и длинный, практически в нашем тылу, с украинского передка его было уже не достать. Ну это стрелковым если, а артой да, могло прилететь. — Старшина с шевроном на рукаве форменки «Я безбашенный, и не спрашивайте меня, почему» вынул из пачки еще одну сигарету, не спеша прикурил. Рассказывал он эту историю не впервые и каждый раз с новыми подробностями. А тут новички-добровольцы появились, слушали открытые рты. — Так вот, сидим мы, значит, никого не трогаем. Глядь, из ночи на нас выходит боец. Не пойдем, наш или вэсзушник. И держит что-то в руках. Я ему: «Стой! Кто такой?» И слышу: «Репьята, я сфой, я ставатя пришел».

Старшина очень похоже передразнил акцент перебежчика. Марк, который сидел тут же, кашлянул от смущения.

— Так, а в руках у него что было-то? — спросил кто-то из новеньких.

— В руках? А вот что. То есть, не что, а кто. Борька, поди сюда! — Старшина посвистел, и в тот же миг откуда-то вынырнуло лохматое существо с рожками, подбежало к нему, боднуло в бок: дескать, звал, тогда погладь, что ли!

Раздался хохот. А старшина продолжил:

— Мы у парня спрашиваем: ты откуда идешь-то? Он отвечает: да вот село тут рядом. Их батальон шел через него, а потом наша арта, все врассыпную, он в темноте откатился и в погреб залез, думал, мы село возьмем, он и вылезет. А нас все нет и нет. А по картам мы там должны были быть. Тогда он решил сам идти... Не, вы, братва, представляете: прошел минные поля, растяжки, его не расстрелял «секрет», так к нему еще и козленок прибился! Он забрал его и побрел на север, брел, пока не вышел на наши позиции. Мы его спиртом напоили, хоть и сопротивлялся. Но трясло его сильно, а так хоть чуть отпустило, обмяк, сел у дерева и зас-

нул. Козленка в руках держит, тот молчит, перепуганный, сам не рыпается. А Козмив узнал, что фланг у него оголен, тут же послал в село роту, сам и занял оборону.

— Выходит, что Господь и правда сберег его.

— Выходит, так. Но это было еще не все. Перебежчик-то наш оказался немцем.

— Ну, они и есть «немцы», мы их между собой так и зовем. Для краткости.

— Не-е, это настоящий немец, из Германии. Фриц, покажись!

Марк снова смущенно кашлянул. Ну, а как еще могли его здесь окрестить, услышав русский с акцентом и узнав, откуда он.

— Ну, что фы, товариш старшина, я...

— Давай, давай, не стесняйся, здесь все свои. Правда, пришлось ему и в камере посидеть, и проверку пройти. Давай, говорим, мы тебя домой отправим. Нет, говорит, я здесь хочу. Что-то он там такое фээсбэшникам рассказал, что они его недолго держали, разрешили встать в строй. Вот такой у нас теперь свой иностранный легион.

Снова раздался дружный хохот.

— Так он у нас еще и пленный взял. Штурмовали мы опорный пункт ВСУ, он подносил боекомплект товарищам и в ночи проскочил уже занятый пункт. И залез в опорник, где еще находились вэсэушники. И что вы думаете, он сделал? Говорит им на польском языке: «Пацаны, нужно бежать, сейчас будет штурм». Те удирать из опорника, только выскочили, он им командует лечь и отбросить оружие. Фриц, скажи, что ты им крикнул?

— *Chioraki, musicie uciekaż, teraz bkdzie atak.* По-украински почти так же...

— Какое самое главное оружие солдата против смерти? — Командир подразделения с позывным Тигр обвел добровольцев взглядом.

Позывной этот прилип к нему после того, как он с пренебрежением отозвался о зубных щетках в вещах бойцов: «Вы где-нибудь видели тигра, который чистит зубы?!»

— Автомат! — рявкнул кто-то над ухом Марка.

— Самое главное оружие солдата против смерти — лопата. — Тигр взял в руки саперную лопатку, поднял ее повыше, чтобы еще понятней было. — Именно ее нужно первой приводить к нормальному бою, проверить, как черенок прикреплен к рабочей части и насколько то и другое работоспособно. Семьдесят процентов потерь — не от прямого попадания или пули, а от осколков, летящих вверх и вдоль земли, и если вы ниже уровня почвы — они летят не в вас. Поэтому никогда не обманывайтесь тишиной и не пренебрегайте возможностью вырыть себе укрытие. Окапывайтесь даже в местах временного расположения подразделений. Остановились — окопайтесь. Маленький окоп — хорошее укрытие от осколков и ударной волны.

Тигр положил лопату, выпрямился, обвел новобранцев задумчивым взглядом.

— А теперь слушайте сюда. Среднестатистический рост мужчины... ну метр семьдесят. — Он покосился на двухметрового Марка. — Э-э-э... средний рост беру. Если противник будет в ста метрах от меня и сделает десять выстрелов, сколько в меня попадет, кто скажет?

— Девять, — нерешительно ответил кто-то из строя.

— Ну, не девять, пять, шесть, семь попадет. А если я буду стоять, изготовившись с колена, сколько в меня попадет? Три. А если я изготовлюсь для стрельбы лежа, сколько в меня попадет? — Тигр плюхнулся прямо в грязь. — Дай бог, если один. А если я изготовлюсь и перевернусь, и переползу еще куда-то в другое место? Мужики, стесняться ничего не надо. Я для чего все это делаю? Чтобы вы поняли меня правильно: я лучше своими руками пятьсот раз буду иметь возможность

умыть свое лицо, — грязными руками Тигр повозил себя по лицу, — но я вернусь к своей маме, которая подарила мне жизнь, к моей семье, моим детям и ради них я дойду здесь до конца. Я не вправе оставить себя здесь. Я вправе закончить с этой нечистью и идти вперед. Пусть я сегодня грязный. Пусть у меня не будет возможности сегодня постираться. Но я живой! Я живой! Берегите себя здесь каждый, мужики!..

После такого инструктажа, больше похожего на театр одного актера, Тигр махнул рукой: разойдись! Да, в таком исполнении эта информация запомнится на веки вечные, что и говорит. И именно сейчас бойцам стало понятно: здесь все всерьез. Парни молчали, никто не решался заговорить первым. Тем более что-то спросить. Марк присел на перевернутый ящик из-под патронов. Хотелось снять шлем, под ним жутко чесалась голова, броник весил уже не свои десять килограммов, а все сто. Ему казалось, что под ним сейчас просто начнет сползать кожа.

— Фриц, что, тяжела ноша? — Марк мотнул головой: «Норм». Попытался улыбнуться.

— Держись, брат. — Прокуренный насквозь, задубевший Тигр неожиданно мягко похлопал по его колену. Помолчал, встал и вдруг добавил, глуховато, но чтобы слышали все:

— Врага нельзя недооценивать. У него много оружия, много инструкторов, они много чего знают. А самое главное, что у нас есть — это воля к победе, священное чувство Родины. Сзади нас наша страна и мы защищаем нашу страну. Мы свой дом освобождаем, а они тут в гостях, они временщики...

Марк очень быстро понял, что место, где он оказался, — особенное. И особенность его такова, что люди здесь привыкли, как это не жутко звучит, жить в войне. Привыкли жить не просто рядом с линией фронта, а на линии фронта. И никакими силами невозможно заставить их отсюда уехать. Многим некуда было уезжать, а некоторые вроде и уехали вначале, а потом вернулись, потому что здесь они были как дома.

Когда можно было, бойцы ходили в ближайший наш прифронтовой поселок, почти напрочь разбитый. Но люди там оставались, можно было зайти в любой уцелевший дом с жильцами, где старались накормить даже, хотя приходилось отказывать радушным хозяевам, деливших последним куском хлеба. А вот помыться — это дело другое. На воротах одного из домов была надпись большими буквами: «Здесь живут люди, дети». Сюда Марк с однополчанами и зашли для короткой передышки. Их встретил мальчуган.

— А меня Михаил зовут! — представился важно и протянул ладонь.

— Здорово, Михаил! — уважительно сказал Тигр, пожал пацану руку, а потом не выдержал, погладил по вихрастой макушке. — Мамка твоя дома?

— Не, но она придет скоро, вы ее подождите.

Бойцы присели возле дома на поваленное дерево. Марк с облегчением снял бронежилет, тяжелую каску. Было тихо, аж звенело в ушах. Тишина здесь очень обманчива, но все же хотелось верить, что выдали им ее хотя бы на полчаса.

Во двор вошла худенькая невысокая женщина. Остановилась, всплеснула руками.

— Ой, Мишка, ты хоть прибежал бы, сказал, какие гости ждут!

— Мам, ты что?! Сама же приказала — со двора ни шагу! Я же приказ должен выполнять! — возразил Миша.

Женщина засмеялась, прижала голову сынишки к груди. Потом ласково подтолкнула: беги, играй, только недалеко. И мальчишка выбежал за ворота, успев еще лихо откозырять бойцам.

— Где ж тут у вас играть-то, разбито все, одни развалины... — сказал тихо Тигр.

— Да вы не представляете! Он себе блокпост соорудил игрушечный, повесил российский флаг, поставил «миномет», нацелил его на укрепления украинские. И никакими судьбами его оттуда не увести! Не брошу, говорит, и все. Я помогать должен нашим. И батя бы мне разрешил... — женщина замолчала. — Отца его убили при обстреле.

Во двор вбежала девочка. Остановилась у ворот, зашуршала пакетом.

— Мне Мишка сказал, бойцы у него. Вот, я вам тут принесла!

Девочка достала из пакета пару рисунков, какой-то кулечек и плюшевого мишку.

Тигр взял рисунки, разгладил.

— А игрушку и конфеты ты уж себе оставь.

— Нет! — Девочка даже ногой притопнула. — Это я вам, вам!

— Возьмите, все равно не переупрямите, — засмеялась Мишина мама. — Сестренка Мишкина двоюродная, еще и писать не умеет, рисует вот, всем, кто заходит к нам с передовой, дарит. Для нее наши военные — это родные, близкие люди. Так что уж не отказывайтесь.

Девочка подбежала к Марку, обняла его. У того остановилось дыхание. Разве знал он раньше, что это такое, когда тебя любят? А теперь знает... Он внезапно понял, что девочка — дитя войны, как ни страшно это осознавать. Она здесь родилась и другого, мирного времени, не представляла. Зачем они упорно остаются в этом поселке, ведь можно уехать!?

— А вы не хотели бы... эвакуироваться? — спросил он женщину, так и не отпустив прижавшуюся к нему девчущку.

Та помолчала.

— Некуда нам. В приюте для беженцев жить... У нас уже потише, фронт отходит дальше. И совсем отодвинется. Ведь так же? А здесь же нужно кому-то все заново начинать...

Она всматривалась в усталые лица бойцов, ожидая ответа на свой вопрос. Что ей было ответить? Тигр откашлялся.

— Да, все верно. Все правильно. Оставайтесь... покуда. — Он махнул рукой, женщина как-то облегченно улыбнулась и заспешила:

— Вам же помыться нужно, давайте, мои хорошие. Бочка с водой нагрелась, вон как солнце жарит...

Они уходили, а Мишка, его сестра и мама махали им у ворот. Господи, пусть они останутся живы!

Но из зоны боевых действий людей все же нужно было выводить. Вместе с морпехами во всех домах этого города на линии боевого соприкосновения подразделение Марка делало зачистку. И пока в подвалах находились люди, они не могли вести полноценные боевые действия. Поэтому и стояла перед ними такая задача — максимально освободить этот участок от мирного населения, которое фактически оказалось в заложниках.

Сначала в дом проникала саперная группа, осматривала помещение: нужно было понять, есть ли там взрывные устройства. Приходилось и в бой вступать с засевшим в домах противником. После этого бойцы спускались в подвалы и вытаскивали людей. Они были в состоянии шока, измученные, многие просто уже не могли передвигаться, долгое время находились без еды и воды в эпицентре боевых действий.

И дети... было очень много детей. Во всех этих домах находились дети. Они не могли сидеть на одном месте. Кругом шли бои, а они шныряли по окрестностям. Общались с солдатами. Выходили за едой и водой. И погибали. Задачу Марку и четверым его товарищам поставили непростую: нужно было проникнуть в подва-

лы и довести людей до пункта эвакуации. Дальше забота о них ложилась на плечи врачей и волонтеров.

Все осложнялось тем, что вэсэушники часто открывали огонь по эвакуационным группам, поэтому нашим бойцам приходилось закрывать своими телами мирных жителей. Люди бежали за ними, хватали только документы и бежали. Так спасали гражданских. И гибли сами. Как-то зашли в дом, было их с десятков бойцов, людей повели, а до пункта добрались четверо... Хорошо хоть «трехсотые», потом собрали их по темноте, вывезли. Это был снайпер, Марк понял сразу. Стрелять боевик начинал, когда они снова повели людей из подвалов. «Игрался» до тех пор, пока те не прятались обратно в укрытиях.

Возле одного из подвалов Марк увидел кучку угля. А возле нее... мину. Похоже, местные жители постоянно ходили сюда на свой страх и риск, чтобы набрать запасов. Враг стал использовать более коварные методы. Это было подло. Они скрыли здесь мину, потому что знали: жертвами станут не военные, а жители этого дома. Знали и этим наслаждались. Раньше Марк не видел смысла в этой войне. Теперь смысл появился.

Он рванул дверь в подвал полностью разрушенного дома. Забежал внутрь.

— Живые кто есть?

Какая-то женщина буквально бухнулась в ноги:

— Мальчики, мы свои! Я думала, Господи, или спаси и сохрани, или всех и сразу, чтобы не страдать.

И зарыдала. Марк крикнул:

— Уходить нужно! Давайте все в тот угол подвала, эту сторону мы сейчас будем подрывать, чтобы сделать вам проход!

Стали людей выводить из подвала. В углу лежал старик, попробовали его поднять, он застал: «Сынки, я не смогу, бросьте здесь!» Марк лихорадочно осмотрел подвал, нашел сломанную лестницу, на нее положили деда, понесли. Все это время продолжался ужасный обстрел. До позиций ВСУ была буквально какая-то сотня метров. Дом стоял как раз на линии разграничения.

Деда несли на лестнице. Если начинался шквальный обстрел, прятались в разрушенные дома: до пункта эвакуации было далеко. Бежали по кирпичам, по стеклам, по гвоздям, по шиферу.

Каким-то образом Марк определял паузы в минометном обстреле. По его команде они выбегали из подвала. Бежали от одного разрушенного дома до другого. Обстановка жуткая, и частный сектор, и многоэтажки, все горело. Снова падали мины. Прямо туда, где они только что были. Звук 120-миллиметровый мины самый мерзкий, с ума можно сойти, пока она летит. Они бежали зигзагами. Через сто метров можно было выдохнуть, оператор коптера выбирал уже другую цель.

Особенно страшно было выносить детей. Улица постоянно простреливалась снайпером, и чтобы ее пересечь, нужно было бежать с ребенком на руках. В полном боекомплекте это было сделать невозможно. Кто-то посоветовал сделать рюкзаки из одежды, простыней. Кладешь ребенка, несешь за спиной, а трое его прикрывают. В такой рюкзак Марк посадил девочку в розовой пижаме, найденную в одном из подвалов. В руках у нее был футляр от скрипки.

— Брось! — кричал Марк и протянул руку к футляру.

— Нет! — Девочка заплакала и крепче прижала футляр к груди.

— Давай сюда! — Он схватил футляр. — Прикрывайте! — И бросился бежать до следующих развалин.

В пункте эвакуации уже собралось много народу, нужно было срочно всех увозить. Выезжали как попало, в грузовых автомобилях, на БТРах. Просто грузили не глядя, под завязку, лишь бы вывезти.

— Мама, ты говорила, что скоро придет Ангел и спасет нас. — Малыш жадно

набрисился на кусок хлеба, который раздавали волонтеры. Женщина плакала, а мальчик говорил: — Мамочка, а гуманитарки всем хватит? А если она закончится, мы умрем?.. А я его видел, Ангела... Это был дядя в каске... с крыльями за спиной. У него большой БТР, и он увозит на нем детей...

— Не плачьте, я ела позавчера. — Девочка в розовой пижаме, так же прижимая к себе скрипичный футляр, тронула Марка за рукав. Он не плакал. Он вообще здесь еще ни разу не заплакал. Это были не слезы. Пот катился градом по его лицу. Он вытер его краем простыни-рюкзака.

— Тебя зовут-то как?

— Аня.

— Есть с тобой родные?

— Была... мама. Мы в подвале прятались. А потом стало тихо, и мы вышли, чтобы воду вскипятить. У тети Люси еще оставались макароны. И тут опять бахнуло... Мы забежали в подъезд, мама, и соседи еще. И мне показалось, что пищит котенок, я побежала наверх, а в это время в подъезд упал снаряд. И всех убило...

Девочка говорила каким-то замороженным голосом. Она тоже не плакала. Только все крепче прижимала к себе футляр со скрипкой.

— Самое главное — не бойтесь, Бог с нами, мы выживем, и победа будет всегда за нами, так было испокон веков, — обращаясь ко всем сразу, говорил дед, лежавший на сломанной лестнице.

С Богом у Марка отношения были сложные. Марк видел у бойцов иконки, даже молитвенники, маленькие книжечки карманного Евангелия. Как пел известный русский рок-певец, не бывает атеистов в окопах под огнем. Ну, Марк скорее верил в Бога как просто в какую-то абстрактную сущность и верил в удачу. У тебя есть удача, предначертана судьба, и есть Господь Бог, который все это знает.

Но главная задача ежедневно видающего смерть — не пустить ее к жителям, к своим товарищам, не пустить эту тварь пожирать людей, удержать ее, не дать пройти. И ты ее не пропускаешь, насколько хватает сил. Но она тебя всегда может переиграть. Арсенал у смерти пошире твоего, человеческого. Она его использует на полную катушку... Так он думал, когда видел погибших. Каждый день. Но привыкнуть к этому было невозможно.

Вот к чему привык, так это к военному быту. Кроме понятных опасностей, передовая — это особые условия фронтового быта. Отличается он от домашнего сильно. Нужно мужчинам самостоятельно думать, что и как приготовить поесть, и нормально поспать, помыться и не заболеть. Бойцы оборудовали свои блиндажи спальными местами, сделали кухню. Продукты им привозили, а готовили сами на газовой горелке. Проблем с едой не было. Только мыши достали, постоянно пытались в припасы залезть. Соседи завели себе кота, в подразделении Марка жил лишь козленок Борька, но мыши его не боялись.

Было только одно неудобство — его почти два метра роста. Это вызывало серьезные проблемы: чтобы пройти, нужно было сильно нагнуться, а в таком положении что-то штурмовать уже очень сложно. Лучше всего для войны будет метр шестьдесят — метр семьдесят роста. Хорошо быть маленьким, крепеньким, чуть-чуть выше — вообще самое то. «Таким, как я, только и остается, что бороться за права высоких. Да, буду во все инстанции писать, чтобы рыли окопы два метра». Марк пробирался по ходам и бурчал, чем нередко вызывал гомерический хохот ребят.

Несколько раз ему точно было страшно, безумно страшно. Но именно в моменты. Пока же лежал в блиндаже, ждал выезда, была только тревожность, вышли в «поле» — наступало полное спокойствие. Начинался какой-то замес — там уже мог быть страх, все люди, все бояться, все хочет жить.

Этого мужчину они впервые увидели в освобожденном квартале. Пожилой че-

ловек в шапочке и очках спокойно сидел рядом с разрушенным домом и читал книгу. Взрывы раздавались по всей округе, а он невозмутимо перелистывал страницы. Марк понял: в этом сумасшествии войны книга стала его опорой, она словно помогала этому человеку понять все происходящее и справиться с ужасом и бесчеловечностью того, что творилось вокруг в эти минуты. Просто другого варианта этого поступка придумать не мог.

На войне с людьми быстро устанавливается какая-то связь. Но Марк так и не сумел переключиться с ним хоть одним словом. Спросил Тигр.

— Отец, тут сейчас кругом война, рвутся снаряды, а ты сидишь читаешь книгу. Что за книга?

Тот повернул книгу обложкой вверх. Валентин Пикуль, «Господа, прошу к барьеру!»

— Да ничего, мы привыкли, не обращаем внимания. Будем жить.

Они уходили. И Марк еще долго оглядывался на этого Человека с Книгой, так и сидевшего среди хаоса войны.

...Беспилотник появился внезапно, словно ниоткуда. Недалеко от наших позиций взвился в небо белый дым.

— Черт, пристрелка! Щас в вилку захватит! Все в укрытие! — Кто-то толкнул Марка в плечо. Марк вскочил. Он уже знал, что такое «вилка»: парные разрывы снарядов у наших позиций, один с перелетом, другой с недолетом. А на середине вилки — огонь на поражение. Прием такой для захвата цели.

Никакой беготни и паники, передвигаться ползком. Но и на месте не стоять, чтобы... Все произошло быстро. Мины взрывались впереди, сзади, где-то в стороне и тут, совсем рядом. Марк чувствовал, как колыхнулась под ним вздыбленная взрывами земля. Затем голову и плечи засыпало пылью и комьями, и только после этого с каким-то мягким урчанием начали падать вокруг горячие градины металлических осколков. Вот и за ним пришла... Он не успел додумать мысль, ему обожгло ноги. Покачнулся горизонт, куда-то в сторону покатилося солнце и свет сразу стал желтеть, меркнуть и темнеть. Марк упал на землю, попытался двинуться к окопу, но ноги будто прибили к земле. Страх не было. Не было и ощущения собственного тела. Только почувствовал, что навалился на него кто-то сверху тяжелой. Потом все покрылось густым непроницаемым туманом.

Когда очнулся, было уже тихо. Он попробовал приподняться, но его уложили обратно, мол, не рыпайся, куда собрался!

— Что со мной? — Марк огляделся, увидел Тигра, лежащего поодаль, возле которого хлопотали бойцы. — А он... Убит?!

— Нет, слава Богу! — Парень, сидевший возле него, сдвинул каску на затылок. — Но посеколо его сильно. Тебя прикрыл... Щас медики придут, в медпункт вас вывезут, там окажут первую помощь, а оттуда уже в госпиталь. Жить будешь!

КИРА И МАРК

Вновь прибывшие в госпиталь были с разными ранениями — в основном, осколочными. Один, похоже, тяжелый, другие полегче. А этого паренька Кира почему-то выделила сразу. Он прохрипел: «Спасыпо», когда она стала разрезать ему штаны. Кира хмыкнула: за что спасибо, пока еще ничего не сделала. И говорит как-то смешно, по-русски вроде, но с акцентом. Кира набрала в шприц протившоковое, сделала парню укол. Было ему дико больно, но он молчал, только дышал тяжело.

— Где Тигр? — спросил вдруг раненый.

— Какой тигр? Тигра не видела, а вот котов тут много, только успеваем тушеной делиться, — улыбнулась она. — Потерпи, миленький!

Эту фразу Кира помнила еще из военных киношек, которые смотрела с бабушкой. Там всегда медсестры так говорили раненым.

Парень уснул. Подошел хирург, посмотрел ноги.

— Этот подождет, состояние более-менее. Перебинтуйте пока. И готовьте того, что постарше, там похуже дела.

Кира кивнула, посмотрела на мальчишку. Сколько ему, девятнадцать, двадцать? Откуда он? Но времени рассуждать уже не было, спросит потом. Операции по извлечению осколков здесь считались рядовыми. Когда счет шел на минуты, они делали и гораздо более сложные. Вот как у того тяжелораненого. Похоже, по ранам, собой он парнишку прикрыл. И Кира, поправив парню одеяло, вышла за хирургом.

Марк в который раз будто выплывал из какого-то тумана, а потом вдруг снова нырял в него, как в море. Он не слышал, как подходила Кира, как меняла послеоперационные повязки. Ему казалось, что он тонет, он махал руками, пытаясь плыть. Кира гладила его по голове, шептала какие-то слова, которые на уровне подсознания рождались в ее памяти. Наконец, парнишка очнулся, открыл глаза.

— Тигр... где? — снова спросил, лишь увидев ее.

Кира уже знала, кто это. Боец с позывным Тигр лежал рядом с Марком, через койку. Ранения тяжелые, но с ним работали быстро и четко, должны вытянуть. В сознание пока не приходил.

— Да здесь он, вон у стены, не волнуйся. Живой! Спасибо потом ему скажешь!

— Йа, скашу... А... Попит мощно... — попросил, будто стесняясь, Марк.

— Можно, конечно, тебе ж не полостную делали. — Она сдвинула в сторону металлическую кружку, в которой что-то звякнуло. — О, сейчас другую принесу, а то в кружку твою я, посмотри, что положила.

Она протянула Марку кружку. Он взял ее и осторожно заглянул. Та на трет была заполнена металлическими осколками.

— Что это? — Марк поднял глаза на Киру.

— Ну как же... Это то, что из твоих ног Сергей Владимирович достал. Вот, на память тебе.

— А я... — Марк хотел спросить, будет ли он вообще ходить, но не решился. Кира его поняла.

— Будешь ли ходить? Конечно! Вот только отсюда тебя эвакуируют на Большую землю. Придется лечиться.

— А... что это — Большая земля?

— Это мы так тыл называем. В тыл тебя увезут, понимаешь? Да ты вообще откуда, как звать тебя?

Марк посмотрел на девчонку. Рыжеватые волосы. Веснушки, зеленые глаза. Косичка торчит из-под пластиковой шапочки-берета. Смешная...

А синяки под глазами — будто кто-то тушью нарисовал. Ростом она была ему от силы по грудь. И такую ношу несет ежедневную. Марк уже понял это, когда увидел, что медсестра практически все время рядом с ними, ранеными. Как она выдерживает... откуда такая стойкость в этом хрупком полудетском облике?

— Меня звать Марк. Я из... — Марк запнулся. — Я из Кермании. Но у меня славянские корни. А тебя? Как зват тебя?

— Меня зовут Кира. — Девушка внимательно посмотрела на Марка. — Ты что, добровольно... сюда?

Марк не отвечал, смотрел на нее как-то... изучающе, что ли. Кира кивнула. Все понятно, доброволец. Только что ж его заставило из благополучной сытой Германии сюда, в это пекло, рвануть?

— Родители знают? — спросила она тихо.

— Нет... Они не поймут. Для них я в Латвии, у брата. И телефон там оставил. Брат пишет им, а иногда звонит, голоса у нас похожи.

— Конспиратор... — Кира хмыкнула. — Ну, ладно, мне пора, раненых много. Если что, ну, в туалет там, зови. Не стесняйся.

Марк похолодел. Ага, туалет. Встать он, похоже, не сможет. И что, эта девчонка будет из-под него... будет ему...

— А ты здесь одна? В смысле, может, медбрат есть какой? — Марк покраснел. Кира захохотала, но быстро прикрыла ладонью рот.

— Нет, ну вы его видели! Чуть не помер, а туда же, стесняться вздумал! Давай, спи. Через час поесть принесу, аника-воин!

И она вышла из палаты. Кто такой аника-воин, Марк не знал, но решил посмотреть в интернете. Потом.

В последние несколько месяцев Марку все время нужно было действовать, не отставать, идти вперед, и весь организм был мобилизован и нацелен на это. А теперь внутри словно бы закончился завод какой-то мощной пружины, ничто не требовало от него энергии, можно было совсем не двигаться, не действовать, только спать. И он спал, сам удивляясь, что может провалиться столько часов. Правда, сначала сон был словно нарезан на тысячу мелких пробуждений. Он просыпался, пытался вскочить, бежать по команде, которую явственно слышал. Но, задышавшись, снова падал на подушку, недоуменно оглядывался вокруг, мокрыми ладонями натягивал простыню, зябко ежилась, его знобило, а через минуты он истекал потом от жара, поднимавшегося изнутри... Да, он же в госпитале. Все, все, спокойно, никуда тебя никто не зовет.

— Ну что, герои, как дела?

Кира входила в палату, как всегда, с улыбкой, ее звонкий голосок заставлял раненых приподняться, они тоже начинали улыбаться, приподнимались на кроватях — те, кто мог. Старались дотронуться до нее, подержать за руку. Пичуга, так прозвали ее бойцы постарше. И правда, была она похожа на бойкую светленькую птичку, что своим щебетом будит на заре.

Марк вдруг понял, что ждет ее. А поняв, испугался. Ну, вот еще не хватало. Нет, ну что в ней такого особенного, в Пичуге этой? Дома в Мюнхене Лаура. Девушка с внешностью актрисы и умом ученого. Так что... Ох... Ну да, зацепила эта Кира его чем-то, ну себе-то он мог признаться. И внезапно напомнила ту, другую девчонку, которую он несколько лет назад встретил в Освенциме. Та тоже была пигалица пигалицей, но, наткнувшись на ее взгляд, Марк будто укололся. Что Пичуга с характером, он понял быстро. Она даже слушать не собиралась его возражений и отчаянных телодвижений, ловко перевязывала ноги от ступней до паха, ловко подставляла судно и без тени смущения протираала, переворачивала, делала уколы и ставила капельницы. И Марк смирился. А что ему еще в этой ситуации оставалось делать...

Как-то ночью она прибежала, услышав стон раненого. Сделала укол, дала воды. Подошла к Марку. Он не спал. И ждал, что подойдет.

— Не спишь? — Она поправила ему подушку.

— Не сплю. А ты когда-нибудь отдыхаешь вообще?

Кира вздохнула.

— Мне осенью к учебе возвращаться, хочу больше успеть, помочь... Я обещала маме вернуться.

— Ты не сказала мне, почему здесь...

— Но ты и не спрашивал. А разве нужна какая-то особая причина?

— Для меня — да.

Они смотрели друг на друга, ждали, кто начнет первым. И тогда Марк заговорил.

— Знаешь, на севере Японии в селах во многих местах на берегу стояли камни. На них очень давно кто-то написал, как вести себя во время цунами. А потом эти советы заросли мхом, их невозможно стало прочитать. Ну, их и забыли. И вот, когда пришла очередная большая волна, погибли тысячи человек. Лишь в одной маленькой деревне никто не погиб. Все знали, что написано на камнях. Об этом рассказывали даже детям в школе. Поэтому жители успели укрыться в горах.

— Память их спасла...

— Так вот, я не хочу, чтобы мы погрузились в беспамятство.

— Я тебя понимаю. Я раньше думала, как все: зачем мы все это начали, зачем влезли. А потом... Бабушка показала мне документы, которые получила в архиве. Ее родные жили в селе на Украине. Там озверевшие бандеровцы расстреляли и повесили почти всех людей в селе. Не только людей, всю скотину побили и телами людей и животных завалили несколько колодцев. Она мне раньше это не рассказывала. Очень скупо, что-то такое про бандеровцев, я толком и не знала, кто это такие. Ее мама чудом осталась жива. Я знала про Брестскую крепость, ездила туда к бабушкиной подруге, про Хатынь, про концлагеря, вот в Освенциме была, писала проекты по истории, а про это... Нам и не рассказывал никто. Я сама потом искала в сети, читала. Лучше бы я это не видела...

— В Освенциме? Когда, в каком году? — Марк даже привстал, так заволновался.

— Ну... года три-четыре назад. А ты... — Она взгляделась в его лицо. — Так это был ты?!

— Мне сразу показалось, что я тебя где-то видел... — Марк улыбнулся. — Нет, так не бывает, такое только в кино.

— Ну почему же? — не согласилась Кира. — Бывает еще и не такое.

Она пошарила в кармане камуфляжных штанов и протянула Марку на ладони что-то маленькое. Он осторожно взял... Стеклышко. Закопченный расплавленный кусочек стекла из сгоревшего крематория.

— Ну привет! Давай снова знакомиться. — Кира присела на край его кровати.

— Давай! Я очень... хочу с тобой познакомиться! — сказал Марк и страшно смутился.

— А у тебя тоже кто-то погиб? На той войне? — спросила вдруг Кира.

Марк побледнел так, что в темноте при тусклом свете фонаря Кира это заметила. Он не мог ей врать, Пичуге этой. Даже если... Даже если она...

— Мой прадед... Был на другой стороне. Он воевал в украинской повстанческой армии, УПА*. Был тем самым бандеровцем... — Слова падали словно камни и отдавались грохотом в ушах. — Я узнал об этом случайно, после смерти деда. Письма нашел. Спросил у бабушки Марты, она моя двоюродная бабка. И она рассказала... Что прадед бежал в сорок шестом в Западную Германию, но его жена оставалась в бандеровском подполье. Он собирался ее вывезти... Короче, она погибла, ее выдали. Прадед женился уже в Мюнхене, затаился, сменил имя. Был добропорядочным гражданином, но... Как сказала бабка, мечту о возвращении и мести лелеял до конца жизни. На американцев надеялся, что они войну с СССР затеют. Потом я стал искать информацию в сети, а еще нашел документы, которые прадед в тайнике хранил. И то, что я прочитал... Я понял, что моя жизнь больше не будет прежней. Вот...

Сказал, будто в прорубь сиганул.

Кира выключила фонарь. Потом снова включила. И опять выключила. Щелканье выключателя стегало по нервам, Марку хотелось крикнуть: «Перестань! Я и сам теперь себя ненавижу...» Он закрыл глаза, а когда открыл, Киры рядом уже не было.

Взрывы, ставшие и Кира уже привычными, заглушали церковный хор во время утренней службы в храме. Воскресенье, время причастия. Кира осторожно, будто кого-то стесняясь, вошла внутрь, поправила на голове непривычный платок. «Поспала бы!» — жалостливо ответила ей санитарка на вопрос, где здесь ближайший храм. Потом, она поспит потом. Ей это было очень нужно.

В очереди на исповедь стояли бойцы, побывавшие на фронте и пришедшие в храм во время передышки. Они хотели помолиться за души погибших товарищей и написать свои имена в записки «О здравии», чтобы дожить до победы. Небольшой группкой за ними — пожилые женщины, изнуренные войной. Бежали дети, не знавшие мирной жизни, их родители не уехали, остались на этой истерзанной земле.

Кира вдруг подумала, что весь этот регион сегодня, по сути, и есть один большой Храм. Почему ей именно это сравнение пришло в голову... и именно здесь. Но вот так представилось, четко и ясно.

Она знала, что многие прихожане потеряли своих близких на войне. Особенно горькая судьба выпала тем, чьи родные пропали без вести. Их жизнь превращалась в ад. Они жили в постоянном страхе и неуверенности, они даже не знали, ставить ли им свечи за упокой или молиться святителю Николаю о чуде. Он же у нас на Руси главный Чудотворец, он должен помочь! Беду этих людей невозможно описать словами. И лишь в храме они находили хоть какое-то успокоение, которое помогало им продержаться еще немного.

— Только возвращайтесь живыми... — Молодая женщина подошла к парням в камуфляже, всунула в руку стоявшему с краю что-то похожее на длинную темную ленту с буквами на ней. Пояс с молитвой, догадалась Кира.

Кира стояла в очереди на исповедь и пыталась сформулировать то, что собиралась говорить. Когда была маленькой, бойко подходила к священнику, тараторила про свои «грехи», которые сейчас смешно вспоминать, тот покрывал ее голову епитрахилью, она важно целовала крест, Евангелие и с чувством выполненного долга убегала к своим подружкам из детского хора при храме, куда водила ее бабушка. На исповедь мы исправно носим священникам одно и то же, словно налоги платим, так получается. Слово бухгалтеров, даем регулярный отчет о том, что будем делать снова и снова, едва выйдем из храма. Грех нам простится, ведь так же?

Она хотела спросить молодого симпатичного батюшку с дгартаньяновской бородкой совсем о другом. Но задала именно этот вопрос:

— Война, батюшка... зачем?! Разве Он этого хочет?!

Священник окинул ее пронизательным взглядом, словно насквозь просканировал.

— Война — это попустительство Божье. Человечество погрязло в грехе. Грех, как грязь, покрывает корой человека. А война — это скорбь. Скорбь пробивает кору греха. Человечество должно было когда-то проснуться.

— Такой страшной ценой... Дорого же человечество платит за эту науку.

— Да, такая цена. Что поделать, в наш век дешевле не получается. Поверьте, Ему это лучше знать. А вы знаете, что грех — это не провинность перед богом? — Кира удивленно помолота главоу. — Ну вот... Грех — это преступление против себя самого. Это болезнь. А первородный грех — это повреждение человеческой природы. Человек сам себя повредил. И это повреждение как генетический код передается по наследству. Как и духовная деградация. И с каждым поколением эта деградация, это повреждение усугубляется. Потому и посылаемые Богом испытания в виде войн, пандемий и прочего — это не наказание за наши преступления. Бог не может гневаться и наказывать, это не его сущность, его сущность — любовь, Он любовь в абсолютном своем проявлении. Это его природа. Это не наказания, а исцеление болезни, прерывание этой череды духовной деградации. Мы

не можем убить мышку, а другие с садистским удовольствием убивают людей. Это и есть наследственное повреждение. Оно усугубляется с каждым поколением, увы.

— А не получается ли так, батюшка, что во время войн эти садисты получают... некий карт-бланш?

— Читайте Евангелие, там все сказано. Последняя война будет предвещать пришествие антихриста. Это будет единственная неизцеляющая война.

— Страшно как... — Кира поежилась. — Что же делать?!

— Жить, — неожиданно ответил священник. — Но вы ведь меня не об этом хотели спросить?

Она посмотрела в его серьезные серые глаза. Помолчала.

— Да, не об этом. О предательстве. Но я ответ все равно получила. Я пока не умею прощать. Но я научусь.

— Люди предают, потому что слабые. Потому что живут в одиночестве. Без любви. Это совсем другой вопрос, почему они без любви. Может, для себя много хотят, распугивают людей, может, любить не умеют, боятся. Может, просто завидуют тем, у кого есть то, чего у них нет. Это гордыня. С этим жить непросто. Только с Божьей помощью преодолевается. Вот во время бомбежки молишься и чувствуешь присутствие Бога. Это пережить надо. Уповать на Бога всем сердцем, и тогда все получается. Еще обеты работают. Как способ спасения. Страшно когда, пообещай что-то Богу, и Он спасет. Когда нет своих сил, Он их добавит. От Себя оторвет, а тебе добавит...

Кира вышла из храма. На крыльце голубь, важно вышагивая, что-то рассказывал своей спутнице, семенившей рядом. Она слушала, смешно склонив голову набок. Увидев Киру, они тут же вспорхнули, поднялись в небо, взлетали все выше и выше...

Кира смотрела, запрокинув голову, пока птицы не превратились в точки. Она поняла: когда Господь отворачивается от детей своих или людям только так кажется, что Он отвернулся, Он, наоборот, незримый и всевидящий заглядывает в сердце, всматривается, ищет и ждет ответа. Какого ответа Ты ждешь, Боже всемогущий, от меня? В силах ли человеческих принять боль, принять смерть, соединить жизнь и смерть в правде Твоей... Молчишь... Прости, и я не знаю, что Тебе ответить.

У Марка странно сияли глаза. А Кира смотрела на него и говорила, говорила. Словно боялась не успеть. Да так и было. Боялась... И потерять боялась, как тогда, четыре года назад.

— Ты понимаешь, что происходит? — Марк спросил ее неожиданно.

— Только не смейся, но ведь ты мне понравился. Сразу. Но... Я думала, ты немец... — Марк скорчил смешную рожицу. — Ну, я ведь тогда не знала, а спрашивать... Ну вот представь: мальчик, а кто ты по национальности? Нелепо, да? — Кира и сама рассмеялась.

— А если бы немцем был, то... что?

— Да ничего! Ничего, поверь! Просто у меня тогда такое состояние было... Сам понимаешь. После всего, что мы увидели... Со мной истерика была. Бабушке говорили все: не нужно было девочку везти! Но пастор Дезелерс... Он просто взял меня за руку и повел... Там роща такая была, за город нужно было выйти. И мы пошли. И он мне что-то говорил, говорил, то по-немецки, то по-английски, я почти ничего не понимала, просто слушала его слова. Они были для меня как пластырь, правда... Кстати, а ведь он настоящий немец, как и ты, приехал однажды волонтером и остался, уже много лет живет в городе. Ох, чего он только не наслушался в свой адрес! Он сильный, а я... я слабая просто, вот и все.

— Это ты, что ли, слабая?! Н-да, самооценка явно занижена. Будем поднимать и...

Он вдруг замолчал и, когда она удивленно оглянулась, взял ее лицо в ладони, притянул к себе и закрыл своим ртом Кирины губы, на которых так и засыл невысказанный вопрос. А потом она забыла, что хотела спросить. Ничего не хотела. Только чтобы он снова вот так взял ее лицо в свои ладони и поцеловал. И еще. И еще...

Но он только наклонил голову набок, посмотрел на нее и спросил:

— Я тебе сейчас задам один вопрос. Ты можешь на него не отвечать. Но... Попробуй меня понять. Что произошло с семьей твоей бабушки во время той войны? Ты знаешь подробности?

Кира не ожидала такого вопроса. И ожидала одновременно. Нет, не сейчас, она не может...

— Да. Бабушка отдала мне папку с черновиками своей книги. Когда началась СВО, я... как бы... ну, не совсем поняла, зачем мы все это начали. Да и многие не поняли, особенно мои ровесники. Нам толком никто не рассказывал, что все эти годы происходило там, на Украине, а политикой мы не очень интересовались. Да и у вас, наверняка, тоже. — Марк кивнул. — Было непонятно: зачем, почему? Жили мы хорошо, просто здорово, просто работали, отдыхали, кто хотел зарабатывать — пожалуйста, все возможности есть. И вот... Было обидно, когда на нас обрушились с обвинениями, стали закрывать магазины, производства... Вот в один миг — раз! И все рухнуло. Ну, мы тогда так думали. Испугались, да. Потом оказалось, что ничего особенно и не изменилось. Только вот... Люди гибли. Мальчишки совсем. Я на одного писателя нашего была подписана, он почти каждый день фотки ребят вывешивал. Я не выдержала. Опять истерика... И тогда бабушка мне эту папку отдала. Она у меня в приюте работает, с беженцами.

— И ты ее прочитала?

— Не до конца. Не смогла. Там воспоминания людей, которые остались живы в уничтоженной деревне. Воспоминания прабабушки. А тут на лабораторке по анатомии мне стало плохо. Я вышла и пошла куда глаза глядят. На вокзале только очнулась. И там... встретила парня одного, он постарше нас, лет двадцать пять. И он вдруг стал мне говорить, будто на вопросы отвечал, которые меня мучили. И... еще одна история была, не хочу про это. Все вместе... — и я здесь.

Марк внимательно посмотрел на Киру. Нет, в спонтанность ее решения он не верил. Ох эта загадочная русская душа! На Киру словно пахло прохладным ветром.

— Забей! Я себе на новый айфон зарабатываю! — она хмыкнула и отвернулась.

— Ну да... А я знаю, что тебе в Освенциме пастор говорил. Врешь ты все. Он говорил по-русски, плохо, но понять можно. Гордился, что учит язык.

— Откуда ты...

— Это он мне тогда посоветовал тебе стеклышко подарить. И сказал, что знает, как с тобой связаться. Если я захочу. И пойму это. Но... Тогда у нас за плечами ничего не было. А сейчас оглянешься... Он и мне это же говорил, что и тебе. Чтобы мы не забыли все, что здесь видели. Что концлагерь Аушвиц — это учитель. Аушвиц показывает правду о нас, людях. Поэтому ты здесь. У каждого народа тоже есть травмы. Глубоко ошибается тот, кто считает, что забвение или молчание лечат.

— Когда ты сказал мне про своего прадеда, меня словно обухом по голове ударили. Мне хотелось крикнуть что-то обидное, ударить в ответ. На! Получи! Мое слово, моя травма, моя история сильнее твоей! Еле сдержалась. Хотя потом я поняла, что ты пытаешься что-нибудь сделать с этим страшным прошлым, хочешь во всем разобраться. Раньше я никогда не встречала людей, которые могли бы настолько открыто говорить о таких вещах. — Кира замолчала, вздохнула.

Марк заговорил не сразу:

— Я никогда не встречался со своим прадедом. Все, что осталось от него, — это несколько старых фотографий и документов. И все же я чувствую над собой тень этого человека. Все время думаю, как отнесется к тому, что я узнал, моя семья... Скорее всего, они не захотят это знать, потому что боятся этого знания и его влияния на их собственную жизнь. В конце концов, это непростая история, и требуется огромное мужество, чтобы расследовать ее. И все же я решил выяснить историю своего прадеда как можно подробнее. Даже если это знание может причинить боль... А твоя бабушка ездил... туда, в это село?

— Нет никакого села. Просто не существует. Даже братскую могилу сделали в другом месте. Рядом, в селе, которое уцелело...

Они долго молчали. Время, отведенное судьбой на эту короткую встречу, утекало как песок сквозь пальцы. Всего не переговоришь... Но главное сказано. Или...

— Смотри, звезда упала! — Марк ткнул пальцем в небо, где прочертила свой хрупкий тающий след небольшая звездочка.

— Нужно быстро загадать желание! — закричала Кира. — Давай, пока летит! Ой, я же про свою звезду забыла. Сто лет в небо не смотрела...

— Про свою звезду? Как это? Ее тоже зовут Кира?

— Нет, конечно, сейчас расскажу.

Она вспомнила далекое детство, поездки с бабушкой в гости в деревню, тихие заводи реки, августовский ночной звездопад и свою высокую звезду. Звезду, которую с тех пор каждый вечер искала в небе: не сорвалась ли со своего места, не исчезла ли навсегда, прочертив быстро тающий след над мглистым горизонтом.

Вечером они с подружками собирались у реки, чтобы смотреть на звезды. Каждый раз, когда видели падающую звезду, они радовались и начинали игру — кто первым заметит и посчитает больше всего упавших звезд. Толстухке Лариске всего больше всех, она насчитала их пятнадцать. Кира не успевала заметить звездочку первой, видела их позже остальных и, надувшись, решила больше не играть. Но тут вдруг увидела яркую звезду и решила, что будет смотреть на нее, не мигая, пока эта звездочка не сорвется с небосклона.

Но звезда эта сияла на своем месте, вовсе не собираясь ни срываться, ни падать куда-то. Она оказалась стойкой, словно прибитой гвоздями к небесному бархату. Тогда Кира решила каждый вечер смотреть на нее: «Пусть она будет моей!» Позже она узнала, что эта звезда называется Венерой.

Кира сидела, мечтательно глядя на звездное небо.

— А знаешь, что! — Кира внезапно вспомнила. — Есть такой старинный белорусский романс, называется «Зорка Венера», в переводе «Звезда Венера», там поется о расставании... О расставании влюбленных, — добавила она с безразличным видом. — И договариваются они в разлуке смотреть на звезду Венеру, каждый из того места, где в тот момент находится. По-белорусски это очень красиво, но я тебе перевод скажу: «Лишь посмотри на нее, в одночасье мы в небесах свои взгляды сольем. Чтоб хоть на миг воскресить наше счастье, ты посмотри на нее...»

— «Ты посмотри на нее...» — повторил Марк, осторожно притянул к себе Киру и снова поцеловал.

Они отстранились, глядя друг на друга расширенными обезоруженными глазами. «Это со мной сейчас происходит?», — подумала Кира и взяла Марка за руку.

— Ты...

Он приложил палец к губам: «Чш-ш-ш...» Кира удивленно посмотрела на него. Марк улыбался так, словно радость, внезапно свалившаяся на него, была такой непомерной величины, что нести ее одному было невозможно. И они прильнули друг к другу. Как потерянные дети. Страстно. И нежно.

А вокруг стояла такая тишина, будто бы мир был создан всего полчасика назад. Такая редкая гостья она была здесь, что хотелось эту тишину ухватить за подол и посадить в клетку на пожизненный срок. Сиди и не дергайся! Где-то за тысячу верст отсюда шелестели шины машин, где-то далеко, за тысячи лет, свистели какие-то пташки, беспечно хлопала крыльями бабочка, в траве маршировали неугомонные муравьи, капли колодезной воды стекали по запотевшему ведру и звонко падали вниз. Время уплотнилось и связало две души, встретившиеся после долгой дороги на перепутье.

Марк мог уже недолго стоять на костылях. Кира помогла собрать его вещички в рюкзак, делала это медленно, будто этим пыталась оттянуть неизбежное расставание. Но машина уже ждала, раненых вывозили в тыл. А Марк... Ему предстояло еще несколько операций, его ноги изрешетило осколками от ступней до паха. И брат его, узнав о ранении, испугался и все выложил родителям. Теперь через консульство его переправят в Германию. Там и долечивать будут. Ну и дальше... А что дальше, Кира не знала. Этот белобрысый «фриц» чем-то ее зацепил. Не внешнею точно. Словами.

— Я хочу сказать еще одну важную вещь. — Марк немного подумал и будто в прорубь шагнул, задержав дыхание. — История моего деда для меня уже закрыта. Все точки над «i» расставлены. Я теперь живу без вины, но у меня появилось чувство ответственности. Когда я смотрю на наш мир и то, что в нем сейчас происходит, понимаю, что мы живем в очень взрывоопасной среде. У людей остался последний шанс, чтобы остановить что-то очень плохое. Нельзя об этом забывать... Я позвоню тебе.

Последняя фраза вибрировала лишь мгновение, как натянутая струна. Ее отзвук унесся куда-то в открытое окно и потерялся в уличном шуме. Но Кира ее успела зафиксировать в сознании и впечатать в память: «Я позвоню тебе... Я позвоню тебе...»

Она наклонилась к тумбочке, спрятав свое пылающее лицо.

— Твою форму сохранить не удалось, она в лохмотья. И штаны разрезали... а вот шеврон твой я сохранила.

Кира протянула Марку шеврон, где была вышита обычная шапка и написано: «Заболеешь, домой не приходи!»

— Смешной... Почему ты такой выбрал?

— Помню, в детстве мама всегда ругала: «Почему шапку не надел? Больше на улицу не пойдешь». Ну вот, я такой нашел, мне он о маме напоминал... Эх, и упадет же мне!

Кира смотрела на молодого мужчину, побывавшего в самых серьезных переделках, после тяжелого ранения, и понимала, что он и вправду переживает, что мама будет его ругать.

— А знаешь, — вдруг сказал Марк, — оставь его себе. А мне свой отдай. У тебя же на нем какой-то святой?

— Да, — кивнула Кира. — Николай Чудотворец, его в России очень почитают. И он правда помогает тем, кто его просит. Но... Для тех, кто верит, такой шеврон — уже не просто украшение, а то же самое, что нательная икона или крестик. Это то, что нас бережет и помогает в трудные минуты.

— Я не могу сказать, верю я в Бога или нет. Это так сложно понять.

— Я и сама до конца не разобралась. Но, наверное, это и не нужно. Это само произойдет, станет понятным. Это... как молния.

Она сняла с рукава свой шеврон с ликом святителя и отдала Марку. Тот, будто вспомнив что-то, покопался в рюкзаке, вынул из него какую-то тетрадку и протянул Кире.

— Вот, почитай. Она мне это отдала.

Кира повертела в руках тетрадку, спохватившись, успела спросить: — Кто — она?

Но Марк уже шел к машине. Только оглянулся и послал ей воздушный поцелуй. Кира молча закусил губу. Как саперы ищут мины в очерченном круге, так и она провела в своей памяти круг, которым обозначила границы, куда ей нельзя заходить. Это было минное поле ее любви.

Кира посмотрела на тетрадь. На обложке было написано: «Дневник Ани».

Марк ехал по разбитому, искалеченному городу. Он должен об этом написать. Прямо сейчас он начнет свой репортаж. Разорванная в клочья жизнь, изувеченные дома и люди. Погибшие, стертые с лица земли по чьей-то безумной воле. Он застонал, высунул голову в окно, чтобы глотнуть воздуха. Они проезжали по улице, вдоль которой стояли разбитые легковушки. У заднего раскрошенного стекла одной он вдруг увидел блокнот. Чей-то блокнот с исписанными страницами и детскими рисунками. Ветер перебирал эти страницы, и Марку вдруг стало так страшно, как не было ни под снайперскими пулями, ни под бомбежкой.

Марк обхватил руками голову. Закрыв глаза. И снова увидел забытый блокнот. Он словно углубился в ледяную пещеру, пробитую в толще скалы. Ровный голос перечислял имена детей с Аллеи ангелов в Донецке. Тысячи свечей с трепещущими огоньками уходили вглубь бесконечным коридором. «Пусть каждый ребенок будет нам вручен. Пусть каждый из нас станет их общей могилой». Книжку Соржа Шаландона «Сын негодяя» он читал еще дома, но смысл этих фраз только сейчас дошел до него. Марк закрыл руками лицо и заплакал. Потому что уже мог терпеть.

Лежавший на носилках Тигр не видел, что так поразило Марка. Но шестым чувством понял, ничего не сказал. Ему самому хотелось заплакать. Просто слез давно не было.

КИРА

Кира сидела в вагоне поезда, когда из включенного телефона на нее обрушился шквал сообщений и пропущенных звонков. Она пробежала списком глазами: от кого? Родители, бабушка. Понятно, связь с ними была, но на уровне: жива, здорова. Сейчас они требовали, чтобы она написала, когда будет дома. Кира набрала сообщение. От Артема ничего. Ага, от Машки. «Кира, ну ты даешь!!! так пропасть! Ты же не знаешь ничего! Наш проект победил в конкурсе! Вы едете в молодежный центр, представляешь! Я не могу, ты же знаешь... Но я так за вас рада! Быстрее возвращайся!»

Кира улыбнулась. Она была так далека от всех этих проблем. Чувствовала себя старше лет на десять. Но новость понравилась.

Приедет, поздравит своих соавторов. Поедет ли сама... Это вряд ли. Какой-то молодежный центр с тусовкой и влюбленностями казался ей после того, что она видела на войне, детской игрой. Тем более, Артем и Маша... Кира вздохнула. А что Артем? Ну, нравился, да. А сейчас? Она не знала, как ответить на этот вопрос. Марк... Уехал в свою Германию и не вспомнит там про нее. И вообще... Она еще раз вздохнула, уперлась лбом в холодное оконное стекло вагона. За окном мелькали деревушки, рыжие от колосьев поля, какие-то мальчишки на велосипедах на переезде махали поезду вслед. Мир. Тишина. Ничего не взрывается, не трещат пулеметные очереди, не кричат раненые, не воют над убитыми родные. Это называется: почувствуйте разницу. Вернется ли она назад, если вся эта спецоперация затянется? Ну... она подумает.

Кира открыла дверь своим ключом. Дома было тихо, даже кот Мартин не вышел в коридор полюбопытствовать, кто пришел. Похоже, все на работе. Ну да, она же не предупредила, не сказала о точной дате приезда. Глянула на себя в большое зеркало в прихожей. Там и в маленькое зеркальце не смотрелась. Что ж, исхудала, и бледная как поганка. Но была как-то радостно напряжена. Чувствовала в груди постоянный жгучий и сладкий огонь, который никак не хотел улечься. Но так нельзя... Иначе будет очень больно. Марк и она... Они шли друг к другу навстречу так осторожно, словно по тонкому неокрепшему льду, каждую минуту боясь провалиться в невыносимую боль и холодное отчаяние. Но если ему будет нужна рука, она ее протянет. Как бы ни сложились обстоятельства.

Кира прошла в свою комнату, бросила на пол рюкзак. Все стирать. Вышла на кухню, на плите стояла сковородка с одиноким холодным оладушком. Она машинально взяла его, откусила, пожевала, не почувствовав вкуса. Через несколько дней отъезд в «Альтаир». Ехать или нет? Как ни странно, на этот вопрос она так и не смогла ответить определенно. Может, все же поехать? Отвлечься. Все равно же придется возвращаться к обычной жизни, почему бы не таким способом. Может, эта тусовка ей как раз сейчас и нужна.

«Ты норм?» — спросил у нее перед отъездом Марк. Она терпеть не могла этот вопрос. В вопросе таится ответ, который бессознательно ждет спрашивающий. Норм, конечно. Если не норм, то что? А радость, что эта беда не со мной. Еще и совет можно получить экспертный, как грамотно страдать. Целый учебник отчаяния, страницы которого вымокли от слез. Я норм. Слышите, я норм! Она обхватила голову руками и застонала.

Уши будто заложило ватой. А потом вдруг на нее со всех сторон обрушился шум: сигналили машины, протарахтел разболтанный грузовик, прозвенел велосипедный звонок, крикнул мальчишка, застучал отбойный молоток... асфальт чинят. Да, дыры нужно латать. С дырой жить не получится. В нее, в дыру эту, все улетит, она останется пустой. Только одна оболочка...

И тогда она заплакала. Без слез. Сухие рыдания спрятала под струей душа и сама спряталась, скорчилась на дне ванной. Она чувствовала себя такой обессиленной, что хотела только одного: свернуться в малюсенький клубочек и просочиться в сливное отверстие. И даже голову оттуда не высовывать в этот страшный беспощадный мир.

Все, она немного успокоилась. Что будет дальше, то и будет. Она еще вчера свой выбор сделала. Даже спала нормально, провалилась в сон, словно в колодец. Точно, он ей и приснился, колодец. Во сне она цеплялась за его стенки, руками, коленями. Падала на дно, почему-то абсолютно сухое, больно ударялась спиной, снова лезла вверх. Только вот не помнит, выбралась она все же вверх или нет...

Кира стала вынимать из рюкзака грязную одежду, оттуда зацепившись за рукав толстовки, выпала тетрадка. «Дневник Ани». Кира взяла ее в руки. Читать этот дневник было некогда. Когда работала — понятно, когда в поезде ехала... Спала как убитая. Отсыпалась за все недели недосыпа.

Вдвери повернулся ключ, вошла мама. Увидела ее ботинки в коридоре, вскрикнула: «Кира!» Кира положила тетрадь на кучу одежды, вышла из комнаты, мама бросилась к ней, они обнялись. Полотенце размоталось и упало с волос. И так стояли, пока Кира не поняла, что от маминых слез у нее сейчас промокнет вся одежда. Она тихонько отстранилась, посмотрела на маму.

— Ну мам! Я живая же! Что ты так плачешь?!

— Потому и плачу, что живая... Знаешь, сколько уже похоронок... И в школе у нас у завуча сын погиб.

— Не дождутся! — Кира засмеялась. — Помнишь нашу шутку: «Жизнь рушится? Пойду пока картошку пожарю!»

Эта их многолетняя шутка работала! Хотя можно и не воспринимать ее буквально. Не картошку жарить, а, например, кровати варить, шить юбку, идти за грибами, смотреть комедию, печь плюшки. Там, где что-то рушится, надо заниматься обычными земными делами, потому что именно обычные земные дела выводят нас из сумрака потрясения. Жизнь всегда будет стоять того, чтобы ее продолжать. И чтобы новые шансы приходили, их надо встретить занятыми делом. Отойти ото всех закрытых дверей. Перестать жалеть о невозвратном. И — «жарить картошку».

Татьяна Кирилловна, счастливо улыбаясь и бормоча: «Никуда больше не отпущу, где паспорт, вот спрячу сейчас, не найдет», — взялась пересматривать вещи Киры. Уф, все стираты! Тетрадка лежала сверху. Она подняла ее, прочитала «Дневник Ани». Открыла, прочла несколько страниц, села на край Кириной кровати...

Кира заглянула в комнату.

— Мам, знаешь...

Увидела маму, застывшую с тетрадкой в руке.

— Что с тобой?

— Кира, эта девочка, Аня... которая писала дневник... Похоже, это она сейчас в приюте у бабушки, с беженцами. Откуда у тебя эта тетрадь?

— Не может быть! Этот дневник мне отдал... один человек. Ну... раненый, мы ему осколки извлекли, что смогли, он у нас лежал, пока немного не окреп и его не увезли.

— А почему он именно тебе отдал этот дневник? — Мама внимательно посмотрела на Киру.

— Ну... не знаю. — Кира старательно вытирала голову, завесив лицо полотенцем. Но чуть дрогнувший голос ее выдал.

— Знаешь... — Татьяна Кирилловна не спрашивала, утверждала. — Впрочем, когда захочешь, расскажешь. Как его зовут хотя бы?

— Его... Э-э-э... Марк. Мам, там долгая история. Я тебе все-все расскажу, честное слово. А почему ты заволновалась так?

— Такое совпадение... Бабушка предложила нам удочерить Аню. Она сама хотела, но... возраст. Она меня просит.

Кира перестала тереть уже сухие волосы.

— А ты... согласилась?

— Я с тобой хотела посоветоваться.

— Считай, что посоветовалась. Или у тебя были насчет меня какие-то сомнения? Ну, мама... Пошли, что ли, картошку жарить.

Автобус, отправлявшийся с группой победителей всероссийского конкурса из их региона, уже почти заполнился говорливой студенческой толпой. Бабушка с мамой все же уговорили Киру поехать в «Альтаир». Она согласилась с трудом, только ради того, чтобы Анечка, недавно появившаяся в их семье, тихая, как мышонок, не слышала ссору, в которую Кира в другое время, отстаивая свою позицию, вступила бы не задумываясь. И победила бы. Но сейчас затевать препирательства у нее не было ни сил, ни желания. Да и здравый смысл возобладал. Почему бы и нет. Ну, поедет, отдохнет, море, студенческая тусовка, соберется молодежь со всех регионов. Она заслужила. Основная часть работы, выигравшей конкурс, была ее, как ни крути.

Кира увидела издалека Артема и Машу, радостно замахала рукой. Побежала к ним. Но... Они ее не замечали. Стояли обнявшись, как... как... ну, а что она хотела? Что, собственно, изменилось? Кира резко затормозила. Артем наклонился к Маше, поцеловал ее, вскочил в автобус. Маша ехать не могла, ее мама, как рассказала Татьяна Кирилловна, уже лежала в hospice.

Кира медленно подошла к Маше. Та обернулась, слегка изменилась в лице. Потом натянула на лицо улыбку, тряхнула кудрями.

— Привет! Дай я тебя обниму! — Сжала в объятиях продолжавшую стоять без движения Киру, будто не замечая ее ступора. — Ты куда пропала?! Мама твоя сказала, что заболела ее сестра, ты уезжала ей помогать. А почему без связи, что за таинственность?

Машка трещала без умолку, не обращая внимания на то, что Кира ей так ничего и не ответила. Вдруг у нее зазвонил телефон. Маша, все еще улыбаясь, посмотрела на экран. Нахмурилась, осторожно произнесла: «Да...»

Постепенно ее лицо превращалось в застывшую маску, это было так страшно, что Кира даже испугалась. Она тут же забыла про свое недоумение, затрясла опекавшую Машу за плечи.

— Машка, что?!

Та стояла, опустив руку с телефоном и молчала. Только по лицу катились слезы. Наконец, она подняла глаза и посмотрела на Киру.

— Мама... умерла...

Кира охнула, инстинктивно прижала Машину голову к груди. Потом будто что-то вспомнив, набрала номер Артема.

— Тема, выходи, у Маши умерла мама. Ты же не оставишь... — она запнулась. — Ты же не оставишь свою девушку в беде?

Артем смотрел на нее в окно, приложив телефон к уху. Потом он сделал скорбное лицо и... отвернулся.

— Артем! — закричала Кира.

— Савельева, ты собираешься заходить? Мы сейчас отправляемся! — Из дверей автобуса выглянул их руководитель. — Поторапливайся давай! Потом свои проблемы будешь решать!

Потом? А как же Машка?! Они что, вот так спокойно уедут, а здесь... А она... Кира тряхнула головой, закинула на плечо рюкзак.

— Андрей Петрович, я остаюсь!

Обняла рыдающую Машу за плечи и повела к остановке. По дороге набрала телефон отчима.

— Дядь Степ, срочно, остановка «Волгоградская», приезжай! Все объясню потом!

Первого сентября Кира пришла в институт. Все были на своих местах, шумно общались, обменивались летними впечатлениями. Словно и не происходило ничего совсем рядом, буквально в нескольких сотнях километров. Отдыхали кто где, в основном в Турции, Таиланде. Сетовали, что «пролетели» испанские курорты. Были и те, что летом работали в больницах, шутили, что ковидных стало совсем мало, ну, вы же знаете, кто ковид отменил. Кира молчала, на расспросы скупой роняла: ничего особенного, пришлось помогать маминой сестре после операции.

Маша после похорон хотела институт бросить, твердила, что это она ради мамы поступала. Но Кира ее уговорила именно в память о маме получить этот диплом. Да и все однокурсники подключились: кто пообещал делиться конспектами, кто тащил в кино, кто обнаружил тетушку-психолога, и та бесплатно провела с Машей несколько сеансов психотерапии. Кира не оставляла подругу практически ни на минуту. Артем вернулся из молодежного центра, там он произвел впечатление на организаторов, ему предложили перейти в московский вуз. Он собирался подумать.

Маша как-то призналась, что продолжает с ним встречаться. Кира пожалала плечами, мол, это твое дело. Но подруга заговорила жалобно, будто оправдываясь:

— Я оторвала ему башку. За то, что вел себя как придурок. И если я его люблю, это не значит, что не вижу, когда он козлит.

— Я запуталась. Он придурок или козел? — не удержалась Кира.

Маша с облегчением засмеялась. Кира шутит, значит, совсем простила.

— Честно говоря, он может совмещать.

И они захохотали уже вместе.

Не видела Кира только Стаса. Не было его и на следующий день. И через неделю. Никто ничего не знал. И только дней через десять после начала учебного года она, войдя в вестибюль института, сразу наткнулась взглядом на небольшой мемориал, устроенный прямо напротив входа. С фотографии с траурной лентой в уголке на нее смотрел Стас. «Студент лечебного факультета Станислав Лесковский геройски погиб, вынося с поля боя раненых бойцов. Награжден орденом Мужества. Посмертно. Вечная память герою!»

Она застыла у снимка, не в состоянии сделать ни шагу. Подошла Маша.

— Вот... Не сказал никому... Ты тоже не знала? Он вроде как тебе симпатизировал.

— Знала, — неожиданно ответила Кира. — Я знала. Я его встретила... там.

Маша охнула и прижала к груди руки.

— Ты?! Значит, никакая не тетя?! Я так и знала, я чувствовала! Но я никому не скажу!

— Ну почему... — Кира помотала головой, будто встряхивая спутавшиеся мысли. — Я не собираюсь скрывать. Просто никто не спрашивал, а сама я не рассказываю, чтобы не подумали, что выделываюсь, мол, я такая крутая, на войне была, а вы все тут сосунки, пороха не нюхали.

— Так, может, теперь расскажешь? Всем...

— Не знаю, пока вряд ли. Да и нечего особенно рассказывать. Кровь, много крови, крики, стоны, грязь, невозможно нормально выспаться, поесть, помыться... Словом, примерно так.

Маша обняла ее.

— Прости. Я... я такая дура...

— Брось, — Кира махнула рукой. — Ты думаешь, я прежняя, я что-то имею против тебя и Темы? Тогда ты ничего не поняла. Меня зовут только по-прежнему, а сама я... Я там осталась, а здесь... ну, видимость только.

Кира еще раз посмотрела на фотографию Стаса. Слез не было, они закипали где-то глубоко внутри, и на их пути вставала невидимая преграда. Она образовалась давно, и Кира даже не пыталась ее разрушить. Ей с этим теперь жить. Просто жить. Так надо. И нужно еще было сходить к маме Стаса.

Но сразу навестить ее не получилось. Потом Кира никак не могла дозвониться. А когда дозвонилась наконец и услышала в трубке суховатый голос Ольги Васильевны, едва сдержала рыдания. Но мама Стаса, врач в той самой больнице, где они с Машей работали санитарками, она же туда их и устроила, говорила спокойно. Кира как раз и боялась больше всего ее реакции, но та будто куда-то торопилась, отвечала быстро и отрывисто. Так и оказалось.

— Ольга Васильевна, я хотела зайти к вам... Мы хотели, я и Маша.

— Да, Кирюш, конечно, заходите. Только у меня вот сегодня один вечер и все, я уезжаю.

Кира сразу поняла.

— Туда?

— Да. Была в коротком отпуске и назад.

Ольга Васильевна держалась хорошо. Она всегда, сколько Кира ее знала, была довольно жесткой, иногда резковатой: ну когда у тебя гнойное отделение на плечах, особо сантименты разводить некогда. Еще и персонала не всегда хватает, спе-

цифка здесь, конечно, будь здоров. Не всякий выдержит. Она и говорила девчонкам: кто через наше отделение прошел, тот врачом будет.

Они зачем-то притащили торт, просто не знали, что принести, а с пустыми руками вроде как нехорошо. Но Ольга Васильевна поставила чайник, раскрыла коробку с тортом. Даже улыбалась, только руки немного дрожали. А потом достала из холодильника бутылку водки, плеснула прямо в чайные чашки.

— Помянем, девочки, Стасика.

Она назвала его детским именем, которое ему уже вряд ли подходило. Но для матери оно было уместным всегда.

Кира глотнула водки, поморщилась, но закусывать не стала, хотя на столе в блюде лежали колбаса и сыр кусочками.

— Ольга Васильевна, простите, если... Как он погиб?

Мама Стаса тоже выпила водку залпом, отставила чашку. Помолчала.

— Да все просто. На войне как на войне. Там БТР подбили, ранило двоих, водитель погиб. А вэсэушники садят по нему, не дают подобраться, чтобы людей забрать. Тогда Стасик вскочил в другой БТР, сам повел его, подъехал к нашим, закричал, чтобы быстро пересаживались. Они стали перелезать, эти видят такую картину, начали лупить, попали прямо в двигатель. Стас рванул, БТР едет, весь горит уже, но едет... — Ольга Васильевна покатила по столу невидимые крошки. — Ну... Вывез он мальчишек. А сам... Обгорел сильно. Гроб был закрытый. Вот и все.

Да, это все. Миг, короткая вспышка жизни, упавшая звезда. По имени Стас. «Очень любил я тебя, дорогая, только расстаться пора...»

Ольга Васильевна встала, девочки тоже вскочили.

— Вам собираться нужно, мы пойдем...

— Да. Минуту подождите. — Она выдвинула ящик письменного стола, достала оттуда конверт. — Это письмо пришло уже... потом. Стас просил отдать его тебе, Кира.

Она взяла письмо, развернула. Строчки расплзались перед глазами, которые застигали слезы: «Кирюш, любимая, прости. Я болван, урод... Это я тебе тогда послал то сообщение про Машу и Артема. Я тебя люблю...»

— Не плачь. — Ольга Васильевна обняла ее, поцеловала в мокрую щеку. — Лучше расскажи про Стаса однокурсникам. Чтобы помнили. Если помнят всех погибших на войне, они живы.

Кира кивнула, вытерла слезы ладонью и... зарыдала в голос, уткнувшись в плечо Ольги Васильевны.

Кира нагружала себя чем могла, возилась с Аней, ведь девочке требовалась несусыпное внимание, чтобы снова вернуть ее к жизни. Но вечерами, ложась спать и закрывая глаза, видела свой госпиталь, раненых, слышала звуки взрывов и свист снарядов. И Марка. Она не знала, что с ним, он пока ничего ей не написал. А она сама первой сделать это не решалась. Ну, что ж... Она и не рассчитывала ни на что. Но если небо было чистым, смотрела на Венеру.

Лекция была нудной и скучной, как и читавший этот предмет лектор, о котором студенты шутили: «Словно сам с собою он ведет беседу». Кира глянула на часы: еще минут пятнадцать. Вдруг пискнул телефон, пришло сообщение. Кира посмотрела на экран. От Марка?! Быстро открыла. Он писал: «Кира, привет! Прости, что не звонил тебе, мне тут пришлось нелегко, если честно. Восемь операций, все под общим, и еще предстоят, остались осколки в бедре. Но это ничего, я уже молодец, хожу сам, только с палочкой. Или, как ты говорила, аника-воин? Ты смотрела на Венеру? Смотрела, я знаю, я это чувствовал. Я что тебе пишу. Мы с бабушкой Мартой едем через месяц в Россию. Уже билеты взяли. Она на-

стояла. Только нужно, чтобы я еще окреп. Как думаешь, будут мои железки звенеть в аэропорту? Вот это концерт я им там устрою (веселый смайлик). И еще. Помнишь, я тебе про человека рассказывал, который читал книгу, когда рядом шел бой? Может, ты что-то знаешь о нем, ты же еще оставалась, когда я уехал. Напиши!»

«Привет, Марк! Человека с Книгой убил снайпер, когда он менял колесо на своей машине. Он был в гражданской одежде, выглядел обычным мирным жителем. Две пули, один выстрел контрольный — в голову... Прости, но ты спросил. Я буду тебя ждать. Очень».

Телефон пискнул. Ответ от Киры! Он сначала прочитал его, а потом только увидел аватарку. На ней была улыбающаяся Кира. С девочкой. Марк ахнул. Девочка со скрипкой!

Он уже давно понял: иногда, когда случается что-то неожиданное и необъяснимое, ты чувствуешь, как душа трепыхается, будто пойманная рыбка в руке. Ты можешь отпустить эту рыбку на волю. Вдруг она золотая? И исполнит все твои желания. Тогда ты услышишь тихие шаги судьбы. И будешь готов к встрече с ней.

ИЗ НЕНАПИСАННОЙ КНИГИ АННЫ ПЕТРОВНЫ

Толстомордый фашист собирал подстреленных голубей и бросал в мешок. Последний оказался жив. Белоснежный красавец неожиданно встрепенулся, выскользнул из руки палача, черкнул крыльями по его глазам и, не дав ошеломленному немцу опомниться, стрелой взмыл вверх.

Петька злорадно усмехнулся.

Немцы загалдели. Один, затем другой сорвали с плеч автоматы. Началась беспорядочная стрельба. А голубь круто поднялся ввысь.

Петька жадно, неотрывно следил за ним. Шептал взволнованно: «Промахнётся... Улетит...»

А голубь тем временем взвился так высоко, что казался совсем крохотным. На мгновение остановился, застыл на месте. Потом, блеснув серебром в лучах солнца, круто развернулся. Немцы беспорядочно палили в небо, но голубь, покружив на большой высоте, стремительно полетел на восток и скоро совсем скрылся из виду.

Петька облегченно вздохнул.

...С малых лет мой отец Петр Андреевич увлекался голубями. Разводил их, подбирая самых породистых. Его даже премировали поездкой в Москву на сельскохозяйственную выставку.

Поездка не состоялась. Началась война. Голубей уничтожили гитлеровцы. Петя сидел на завалинке, в отчаянии сжав голову ладонями. Его охватило чувство одиночества. В глазах застыла безысходная тоска. Тогда он решил искать партизан. Он их найдет и после освобождения родных мест уйдет с регулярными войсками на Запад. И ему еще повезет: в живых останется мать, моя бабушка, к которой я потом ездил на каникулы в украинское село.

Но он никогда не забудет... Многие сожженные и разрушенные деревни прошли бойцы, но эта деревушка его поразила особенно. Именно здесь впервые встретились мои родители. Вот кто-то начал строить новый дом. Возвели стены, прорубили окна, осталась крыша. Но на месте дома — обожженный сруб. Зияют черные дыры. Одна стена уже рухнула. Наверное, завалятся и другие.

В яме на краю села — убитые люди, они присыпаны сверху тонким слоем земли и ботвой. Он подошел к девочке лет десяти, которая тихо сидела на краю ямы. Возможно, она была старше, но выглядела совсем как малышка. Видимо, из-за

своей худобы. Повязанная белым платком, смуглая, темноглазая, она смотрела на него недоверчиво. В ее детских глазах полоскался страх.

— Как тебя зовут, девочка?

Она посмотрела на подошедших взрослых, словно ища у них поддержки и защиты.

— Что же ты молчишь? Где твоя мама?

И вдруг он заметил, как ее глаза налились безудержными слезами. Девочка отвернулась, прикрылась рукой.

— Что же ты плачешь? Может, меня боишься?

Он обнял ее за худенькие плечи и почувствовал, как они дрожат.

— Вы лучше нэ пытайтэ... — Пожилая женщина притянула девочку к себе. — Всегда так, если кто вспомнит, Наталка плачэ. Тато, сестру и мать вбыли немцы. То мой родычи были. В соседнем сэли. Она сюда к нам сама дойшла... Вы не смотрите, что малэнька, ей уже четырнадцатый годок...

Петр заметил на ее смуглой ноге рану, сочащуюся кровью.

— Это откуда у тебя, Наталочка?

— На пожаре обожгла. Большой пожар был. Воны всех пострелялы, тай подпалылы хаты... А вона за печкой ховалась...

Он достал индивидуальный пакет, сделал ей перевязку. Наталка смотрела на него уже доверчивее, но все же была по-прежнему молчаливой.

— Век не забуду тот день. Коровы еще были не доены, как они окружили село. Поднялась стрельба. Сбежались соседи. Брат мой выскочил из дома во двор, закричал: «Берите, женщины, детишек и бегите кто куда!» А немцы уже по дворам людей стреляют из автоматов. Все разбежались. Осталась в доме дочь брата Уляна и сынок Гаврилок. Три года ему еще не исполнилось.

— Убили их немцы? — нетерпеливо спросил Петр.

— Может, и забили бы, если бы не Улянка. Взяла она братишку за ручку и повела рожами. А ржи этим летом высокие, не заметили немцы малышей. Так и до леса дошли они. Забрались в болота, в кусты густые и сидели там пять дней. Отец их потом нашел под сосной. Мальчик еще был жив, а девочка умерла от голода...

Из ольшаника на тропу вышла еще одна крестьянка, высокая, худая, бедно одетая. На ней был выцветший платок, драная юбка, сильно поношенная кофта.

Несмело приблизилась она к нашим бойцам. Села рядом, заплакала. Слезы текли по ее исхудалому, морщинистому лицу. Вытирая их кончиком платка, рассказывала:

— Говорили нам: идите к коменданту, он что-то вам скажет. Да я ничего не знала. Я ведь не думала... Пришла, а там полно людей: и женщины, и детишки, и старики седые. Всех в хлев загнали. Начала я просить: зачем вы собрали нас? Отпустите домой. А он прикладом в грудь. Поняла я: будет нам такая, пожалуй, сказка, что пуля в лоб. По-моему и вышло. Снял автомат немец, рыжий такой и пьяный, направил его на людей. Женщины с детишками так и попадали на землю, как те листики. Потом еще немец подошел. Пожerkотали они между собой и начали мужчин отбирать. Пять душ взяли, отвели их в соседний хлев и убили там. «Спасайтесь! — закричала я тогда людям. — Побьют они всех нас!» Бросились мы к двери, а они закрыты. Слышим: идут немцы. Легла я тогда под стену, вижу — земля сдвинута. Кто-то яму копал. Начала я землю руками выгребать. Выбрались из хлева, слушаем: нет ли близко проклятых. Мы и поползли. Видим, немец стоит, кашляет, шагах в пятидесяти. Ну, не заметил нас. Осталась я жива. Ничего мне теперь не страшно, словно побывала на страшном суде. Дочь мою, Ганку, убили... Двадцать лет ей было.

Ярко светило всходящее на горизонте солнце. Петр задрал высоко голову, незаметно вытер рукавом глаза. Он не хотел, чтобы видели его, молодого бойца, сле-

зы. Небо голубело, как цветок льна. Медленно проплывали по нему одинокие тучки. На столетнем дубе, и то на самой его верхушке, едва дрожали уцелевшие листья. Петр надел фуражку, повернулся к женщинам.

— Живите за всех... — Он погладил Наталку по голове. — Я вернусь за тобой.

* * *

Эти двое — военный и гражданский в шляпе и длинном пальто — шли по вечернему парку, что-то оживленно обсуждая. Вдруг впереди на аллее мелькнули неясные фигуры, раздался стук сапог и тут же — пронзительный женский крик. Мужчины переглянулись, военный выхватил свой пистолет из кобуры и бросился к толпе людей, копошившихся впереди.

— Разойдись! — закричал он и выстрелил в воздух. Мужчина в длинном пальто и шляпе побежал следом. Пока они добежали, куча мала на аллее распалась, от нее отделились чьи-то тени и исчезли в кустах. На земле осталась лежать девушка, над ней склонился молодой лейтенантик. Вместе с подбежавшим военным они ее подняли, девушка стояла, шатаясь, по лицу струились слезы, а на скуле расплывалась багровая пятно. Лейтенант, видимо, ее спутник, нашел на земле свою фуражку, отряхнул. Потом увидел растегнутую кобуру, побледнел и тихо выругался.

— Что здесь произошло? Кто эти люди? — спросил военный у девушки.

— Я не знаю! — всхлипнула она. — Мы гуляли, а тут они! Налетели, стали бить! Ударили меня по лицу! За что?! Проклятые бандиты!

— А вы где были, товарищ лейтенант? — Военный повернулся к лейтенанту. Молодой, лет двадцати с небольшим. Тот ошарашенно молчал.

— Я не успел среагировать... Меня ударили по голове, товарищ майор, сбили с ног, — поморщившись, наконец пробормотал он. — Видимо, из-за Наталки. Мне говорили, что могут быть... проблемы. И, похоже, они вытащили мой револьвер, ублюдки!

Наталка уже вытирала лицо платком.

— Я не хотела тебе говорить... — Она снова заплакала. — Пришли вчера ко мне на работу двое, вроде как документы на подпись в бухгалтерию принесли с лесопилки. Я бумажки взяла, проверяю. А один из них наклонился ко мне и тихо так прошептал: еще раз увидим с краснопузым, пополам раздерем!

В парке раздался свистки, послышался топот, кто-то бежал по аллее. Майор настрожился, крепче сжал свой пистолет. Но, увидев людей в военных фуражках, переглянулся со своим спутником и облегченно выдохнул: «Свои, патруль».

— Документы! — приказал им мужчина в военной форме с погонами капитана, подбегая с пистолетом в руке. Лейтенант поспешно начал искать документы в карманах.

— Это вы стреляли? — светя фонариком на протянутое удостоверение, строго спросил капитан. Лейтенант помотал головой и вздохнул. За потерянный пистолет по головке не поглядят...

— Нет, это я стрелял, — ответил майор. — Этих двоих — лейтенанта и девушку — чуть не убили какие-то бандиты. Или пытались ограбить. Черт их знает. Но револьвер у лейтенанта стащили. Мы шли сзади, вовремя увидели, успели прийти на помощь. Плохо следите за порядком, капитан!

— Следим, товарищ майор, не всегда успеваем, безобразничают много. Спасибо за помощь, — сказал капитан. — Иванько! Осмотрите парк! А вы, лейтенант, немедленно идите в комендатуру, сообщите там об этом происшествии. И не забудьте про револьвер!

— Есть осмотреть парк! — ответил кто-то рядом, и луч фонаря прорезал темно-

ту, зашарил в кустах. Оттуда через мгновение раздался шум, и патруль вытащил на аллею какого-то парня. Тот испуганно оглядывался: «За что, гражданин начальник? Я ничего не сделал!»

— Это он! Он меня ударил и вырвал сумочку! — закричала Наталка.

— Ладно, забираем его с собой в комендатуру, там разберемся. — Капитан сунул пистолет в кобуру и быстрым шагом направился к выходу из парка, scomандовав: — Иванько, за мной!

— Стойте! — внезапно сказал мужчина в пальто. — Это мой сосед! Я знаю его с детства. Дмитро, ты что, решил грабителем заделаться?! Отпустите его, я сам с ним поговорю. — Он вынул из кармана какую-то бумагу, развернул, отдал капитану. Тот прочитал и с недоверием покачал головой.

— Товарищ Галан, я бы не рекомендовал...

Все остановились в недоумении. Наталка побледнела.

— Да он же бандюк, вы что, не видите?! Он напал на нас, может, он и стрелял в наших...

— Нет, думаю, пока что не стрелял. Но если мы будем равнодушно наблюдать, как настоящие бандиты дураят ему голову, да, он начнет убивать.

— Что вы можете сделать? Они зверствуют вокруг, каждый день в городе и окрестных селах находят трупы людей. — Лейтенант от возмущения поперхнулся, закашлял, схватился за грудь. — Простите, ранение... Они готовы на все, эти проклятые бандеровцы, а вы влезаете, хотите вытащить почти неизвестного вам мальчишку и зачем? Чтобы он потом пустил вам же пулю в затылок? Или вот Наталке моей?! Да вы хоть знаете, что ей пришлось в детстве от бандеровцев вынести! Всю ее семью вот такие вот «парнишки» вместе с фашистскими карателями уничтожили! — Он снова сильно закашлял. На губах показалась розоватая пена.

— Петя! — Девушка подскочила к лейтенанту, обняла, подала платок.

Но человек в пальто не собирался сдаваться.

— Да, я пробую вытащить таких, как он, потому что все мы люди. Он может ошибаться. И я могу ошибаться. Но если мы забудем то человеческое, что есть в нас... Вот тогда мы уже не будем людьми. Им же внушают, молодым: самостийность, любовь к неньке-витчизне! А потом заставят убивать и насиловать. И кому-то надо спасать хотя бы тех, кого спасти еще можно...

Это и была первая встреча моих родителей с Ярославом Галаном. Мою маму Наталью Семеновну в 1946 году после окончания техникума отправили работать во Львовскую область — в городок Дрогобыч на лесопилку бухгалтером. Там ее и нашел Петр, как и обещал. И она все время вспоминала встречи с этим известным журналистом и писателем, который тогда очень часто ездил и по селам, и по городам области, встречался с людьми, объяснял, рассказывал о зверствах бандеровцев. Сегодня про этого публициста уже почти забыли. А в те годы он был очень популярен. Она рассказывала мне, как плакала, когда узнала, что его убили. Поэтому я немного напишу о нем. Чтобы помнили.

Да, Галан тогда еще надеялся, что этих «заблудших» людей можно было переубедить, можно было им открыть глаза на то, что происходит на самом деле, на то, что их просто используют. Потому что в основном это были сельские, которых в те годы называли бандпособниками. Они были тесно связаны с «хлопцами из леса», тайно заготавливали провиант для подполья, снабжали повстанцев оружием и боеприпасами, найденными на послевоенных полях. Закупали для подполья медикаменты, типографские принадлежности, батареи питания для радиоприемников. Укрывали прячущихся бандеровцев в оборудованных с их помощью сходах на своих подворьях и в хатах.

Именно они вели разведку, были глазами и ушами боевиков. Работали курье-

рами на ОУНовских** линиях связи или испоьзовались подпольем как почтовые ящики. Бандпособникам были известны места укрытий бандитов в лесу, их базы, схроны, тайники с оружием и провиантом. Они ничем себя не выдавали, ходили с жителями по одним улицам, работали на предприятиях. Именно их Галан хотел вытянуть из страшного омута бандеровского подполья. Верил, что это ему удастся...

Сегодня, с высоты прошедшего времени и событий 90-х годов, я понимаю, насколько наивны были эти его попытки. Нет, безусловно, кто-то искренне раскаивался, хотел только одного: забыть ужасы происходившего на Украине во время войны. Но, увы, сегодня мы точно знаем: были и те, кто просто затаились, мечтали пересидеть, переждать и никогда своих убеждений не меняли. Так еще и следующим поколениям передали идеи бандеровщины, не дождавшись обещанной с Запада «свободы от москалей».

* * *

Там же, в Дрогобыче, моя мама столкнулась с убийцей свой семьи. Ее рассказ я тайком записала на старый кассетный магнитофон. Тайком, потому что она по-прежнему чего-то боялась. Запись некачественная, потом пришлось ее оцифровать. Слышно плохо, но я разбираю, ведь почти наизусть знаю эту историю. Только решила, что нужно еще и на бумаге ее сохранить. Так как-то привычной. И надежней.

«Когда въехали они в село, куры перелетали с места на место, скотина бродила по селу, дым из труб. Собака кинулась на машину, залаяла, норовила за колесо ухватить. Приехали в центр. Полицаи уже что-то копали. Немцы сосочили с машин, с ними бандеровцы. Достали пулеметы, ящики с патронами. Людей сгноили в центр села, кричали: на сходку всех, даже с грудными детьми. Те, кто не поверили, попытались бежать, их догоняли. Мама засунула меня в щель между печкой и стеной, я худенькая была, одна и поместилась, приказала молчать. Я ничего не видела. Слышала только, как маму, тато и брата убивали. Сидела за печкой сутки, тряслась...

В Дрогобыч меня послали после техникума. Этот человек принес накладные в бухгалтерию, я на него внимания не обратила. Дядька как дядька. Но когда он надо мной наклонился и сказал... я услышала голос. Я этот голос никогда не забуду. Голос их старшего я и слышала, когда за печкой сидела. Это был он. Но я никому не сказала. Очень испугалась. Оказалось, что Пете они тоже угрожали. Но он-то не испугался, сразу доложил куда нужно.

И ко мне пришли наши военные.

— Будем брать на живца гада. С нами поедешь, опознаешь. Мы его давно отслеживаем. Теперь нужно только опознать.

Я согласилась. Но чтобы Петя со мной был. Сели в машину. Поехали по дороге в сторону леса. Впереди увидели огни какого-то села, и вдруг что-то треснуло, машину закрутило и она встала поперек дороги. В свете фар было видно поле, по сторонам дороги шумели под ветром деревья, а впереди было, видимо, село, до которого мы не доехали. Стало тихо, я боялась даже дышать.

— Баллоны пробило, — сказал водитель и обернулся к нам. — Лейтенант, бери девушку, бегите вон за те деревья. Спрячьтесь там и не шевелитесь. Пока я вас сам не позову.

Мы вышли из машины, луна хотя и светила, но по краям дороги было очень темно. Наш водитель Саша быстро снял фуражку, открыл багажник, достал оттуда какое-то тряпье, нацепил на себя. Увидел, что мы еще стоим рядом, махнул рукой, показывая в сторону посадок. Мы взялись за руки и побежали, добежали

до ближайших деревьев и прижались к стволу самого большого и ветвистого. Было очень страшно. Я понимала, что произошло что-то непредвиденное и закончиться все может совсем плохо. Меня трясло, просто зуб на зуб не попадал. Петя обнял меня за плечи, прижал к себе и повторял: «Тихо, тихо, все будет хорошо...»

Мы стояли, прижавшись к стволу дерева, позади нас было поле, а за ним чернел лес. Водитель что-то делал у машины, до нас доносились слабые звуки. И все, только тишина. Со всех сторон тишина и темнота. Вдруг Петя дернулся ко мне, зажал мне рот рукой. Я успела заметить только каких-то людей, которые подходили к водителю. Откуда они взялись? Как из воздуха появились.

Сашу о чем-то спросили.

— Не, — ответил он, — начальника нет, остался в поселке.

Один из них полез в багажник, стал там копаться, нашел фуражку, напялил ее себе на голову. Раздался хохот. Они опять о чем-то заговорили, Саша громко ответил:

— Я тоже украинец

— Ни, — выкрикнул чей-то голос, — ты тепер москаль. Так шо молись.

Я не могла понять, что происходит, или, скорее всего, на меня напало какое-то спастическое оупение, которое наступает, когда человеческие нервы не могут вынести перенапряжения. Блеснул ствол автомата. Петя снова зажал мне рот ладонью. Господи, неужели опять повторится мой детский кошмар?!

Вдруг со стороны села послышался гул мотора. Те трое о чем-то быстро заговорили. Один побежал в поле, почти рядом с нами, остальные подошли к Саше. Что-то стали ему говорить, угрожающе держа автоматы.

— Да, хорошо, — ответил Саша громко.

Они отошли к обочине, постояли и бросились прямо в нашу сторону. Мне показалось, что мы уже просто слились с деревом и перестали дышать. И даже сердце замерло. Двое неизвестно кем легли прямо на землю, за кусты, что были чуть впереди от нашего дерева. Я услышала:

— Как он их остановит, стреляй в него, а я по машине.

— Хорошо, задержим минут на десять, а там и хлопцы подспеют.

Они были шагах в десяти впереди нас. Я перевела дух и чуть выглянула из-за дерева. Они лежали в кустах, в телогрейках, ноги раскинуты. Эх, пистолет бы!

В это время Петя стал шарить рукой по земле. Я вцепилась в его руку, но он сделал страшные глаза и показал мне на землю: сядь, мол, и тихо! Я опустилась на корточки, уткнула голову в колени. Если нам суждено умереть, то я хотя бы не буду это видеть. Вдруг Петя выпрямился, в руках у него был большой камень. Я все поняла, быстро стала грести руками землю возле себя, нагребла ком почвы с корнями. В это время гул мотора приблизился, и на дороге показалась машина. В свете фар было хорошо видно фигуру Саши, который вышел прямо на нее и поднял руку.

— Ребята, — закричал он, — это засада!

В это же мгновение Петя швырнул камень в голову одному из лежавших впереди нас бандитов. А я следом свой ком земли в другого. Раздался крик и сразу же — автоматная очередь. Петя накрыл меня своим телом, пули свистели совсем рядом, срезая ветки и листья. Я не знаю, сколько шла перестрелка. Мне показалось, что целую вечность. И вдруг все стихло. Зашуршали листья, к нам кто-то шел. Все, теперь точно все...

— Сашко, вот они, живые! Вставайте, целы!

— Да, — прохрипел Петя чужим голосом.

Мы, шатаясь, вышли к дороге. Я ничего не видела, просто переставляла ноги, держась за Петю. Целых три военных автомобиля стояли на дороге, светя фарами. По полю шла цепь из солдат.

— Сейчас мы его подтащим к свету, Наталья, и ты скажешь — он?

Они ухватили лежавшего в кустах бандита, в которого я попала комом земли, подтащили к свету фар. Меня бил такой озноб, что я не могла произнести ни слова.

— Эй, спирту дайте ей, Сергиенко, там, в бардачке, фляга.

Мне полился в рот жидкий огонь, я поперхнулась, закашлялась, оттолкнула рукой флягу.

— Он... — только и могла сказать. — Он мне угрожал. И это он был тогда в нашей хате.

— А другого кто-то каменюкой саданул, убить не убил, а секунду выиграл, — засмеялся Саша. Петр молча развел руками: револьвер-то свой он прошляпил. А то бы...»

* * *

Весна на Западной Украине всегда быстрая, бурная. Только вчера еще лежал плотный снег, а буквально за ночь он стал ноздреватым, грязные кучи осели, словно вросли в землю, которая принимала с благодарностью влагу, напитывалась ею досыта. Весна словно окрыляла его душу, ему казалось, что так же, как природа просыпается ото сна, так же проснется и запуганный бандитами народ его родины. Журналиста Ярослава Галана редко можно было застать дома. На попутных машинах, на подводах, пешком он ездил от села к селу, от одного поселка к другому, выступал, агитировал, объяснял крестьянам-западенцам, что им даст советская власть.

Однажды в одном из сел на них напали бандеровцы. Пришлось не выступать, а вступать в бой. Галана просили остаться в безопасном месте, но он настоял, что пойдет со всеми. Его взяли, только оружие не дали. Тогда он, высунувшись из укрытия, прокричал:

— Одумайтесь, пока не поздно! В обращении советского правительства сказано...

В него выстрелили, но председатель сельсовета, возглавивший оборону села, успел отпихнуть его за поленницу дров.

Но не везде можно было собрать людей на такие встречи: они боялись мести бандитов. Те налетали из своих схронов внезапно, жестоко убивали, жгли дома и так же внезапно исчезали. Обнаружить их убежища было непросто. Иногда они устраивались прямо под носом у энкаведэшников. Однажды при проверке сарая, фундамент которого был сложен из щебня, обнаружили, что четыре камня держатся слабо. Когда камни вытащили, под ними, прикрытый мешком с сеном, был обнаружен вход в схрон. Коридор длиной примерно шесть метров был с трех сторон застлан досками, вел в просторную землянку, в которой могло разместиться человек пятнадцать. Потолок был из бревен в три наката, все стены устланы досками, дверь двойная. В землянке были устроены нары с настеленной на них соломой и пирамида для оружия. Отдушины схрона вели под стог с сеном и были отделаны корой. Делалось это не наспех, на годы.

В одном из сел Галана встретил растерянный председатель.

— Это хорошо, что вы приехали поговорить с людьми. Крайне необходимо. Да вот только не знаю, соберу ли я людей. Бандеровцы наскочили, тех, кто пришел с повинной, поубивали, а хаты их спалили.

На встречу тогда пришли только двое мужчин. Один робко спросил:

— Пане товарищу, это правда, что не будут привлекать к суду тех хлопцев, что выйдут из лесу? А то говорят, кто выйдет — на поезд и в Сибирь.

— Не будут. Это слово государства.

— Если так, то хорошо. Много людей домой вернется.

Они долго ждали, но возвратившийся председатель только развел руками.

— Ничего не вышло, товарищи, все село обошел и напрасно. Боятся люди. Вот к соседям бандеры не сунутся. Бьют их соседи. И нам надо себя защищать.

На одной из встреч с читателями в Дрогобыче, где была и моя мама, Ярослав Александрович показал пачку исписанных листков.

— Вот это — тысячная доля писем, которые приходят в адрес советской власти. Написанные слезами и кровью, они кричат о помощи: помогите прекратить кровопролитную войну, не карайте заблудших. Это невозможно читать без содрогания: криницы, из которых веками черпали чистую воду, бандиты заполняют трупами людей. И мы обязаны, мы должны донести до каждого заблудшего смысл обращения советского правительства, тем самым мы сможем остановить кровопролитие среди народа, который и так пострадал от гитлеровского нашествия.

Задача Галана по разоблачению бандеровщины была не из легких. Дело в том, что в истории этой бандитской организации одна специально сфабрикованная ложь громоздилась на другую, и всему этому был придан, как писал Галан, «заманчивый привкус правды».

Ярослав Галан доказывал, что после разгрома гитлеровской Германии вожаки бандеровских шаяк укрылись в западных зонах оккупации Германии, что бандеровцы были связаны с военными кругами Америки и Англии еще в дни войны. Но его слова никто не принимал всерьез. Эйфория победы. Тогда на ее волне будущее казалось прекрасным, избавленным от нацистской нечисти навсегда. Увы, эта ошибка советской власти привела к ужасным последствиям через много лет.

Невозможно даже представить, что возрождение нацизма могло произойти в когда-то братской Украине. Или это была всего лишь иллюзия? Мне трудно ответить на этот вопрос. Но еще в семидесятые, приезжая в гости к родственникам своего отца в Киев, я слышала «шуточки» про москалей, а уж меня, кацапку, как они любили подчеркивать, и вовсе не считали «своей» за то, что давно живу в России. За то, что стала русской. Не по рождению. По духу.

Ярослава Галана убили 24 октября 1949 года. Убили подло, сначала втершись к нему в доверие. Ярослав Александрович многим помогал, выполнял самые разные просьбы, ибо человеком был очень известным. Бандиты воспользовались его доверчивостью и, прикинувшись студентами института, пришли к писателю с проблемой: якобы одного из них собирались отчислить за критику ректора, а сами набросились на Галана сзади, когда он на минуту отвернулся. Убивали, нанося удары топором...

Пишу о нем в память о своей маме, до конца жизни вспоминавшей встречи с этим удивительным человеком.

Где ты, та моя Украина?! Ты сегодня страшно, смертельно больна. Но не хочешь это признать. А как же больно нам, разодранным пополам украинцам, живущим в России, горячо любящим и ее, свою несчастную Украину, и ставшие родными российские города. И рана эта кровоточит уже долгие годы. Потому что часть наших сердец там, «за ленточкой».

В последний мой приезд на родину мне рассказали... Раньше в поле, где когда-то было село, люди слышали музыку. Однажды женщина задремала в перерыве между работой, лежала прямо на земле и слышала, будто под землей играл оркестр. Потом ее сосед, колхозный тракторист, тоже что-то слышал всякий раз, когда к этому пригорку подходил. Как будто кто-то на скрипке играл. И тогда украинцы на свои средства перезахоронили останки убитых там людей на местном кладбище. И как только кости собрали и перенесли, и все там вместе помолились, музыка прекратилась. В этом селе убили около двухсот поляков. Покаяние. Дорога к нему тяжела. Но ее придется пройти.

КИРА И ГОЛУБЬ

Кира смотрела на небо и гадала: не забыл ли он, ловит ли в это время мерцанье их звезды. Смотрела так долго, пока ей не начинало казаться, что и звезда будто разгорается ярче, мерцает сильнее, дрожит зеленовато-голубыми сполохами, подавая какие-то таинственные знаки...

Все-таки один голубь в пункте временного размещения прижился. Всех остальных Сережа забрал с собой, когда им дали другое временное жилье. А этот вдруг вернулся. Залетел в свою клетку, так и остался. Зачем он вернулся? Кто ж его голубиные мысли поймет. И как-то, полетав по окрестностям, возвратился не один, а с голубкой. И через какое-то время у них появилось потомство. Вернее, пока только два небольших яйца в гнезде.

Кира никогда не видела птенцов голубей. Странно, ведь в городе их всегда великое множество, а какие у голубей птенцы, никто не знает. Она даже залезла в Википедию, нашла там информацию, что птенцов, как правило, один-два, они, как и все новорожденные, крошечные и хилые. Но буквально недели через две становятся практически неотличимы от своих родителей.

Кира стояла у клетки. Голубь сидел на яйцах и энергично вертел головой. Будто сам с собой разговаривал. Она посмотрела на часы, вздохнула и было пошла к двери, но тут же передумала и вернулась. Почему-то она не могла оторваться от этого сизого красавца. Она просто смотрела на него и ни о чем не думала. Наверное, впервые за последние месяцы. Совсем ни о чем. Нет, думала о голубиной семье.

В это время прилетела голубка, и папаша тут же уступил ей законное место, которое занимал каждое утро, отпуская любимую полетать. Он просто вышел из открытой клетки. И сел Кире на плечо.

А потом улетел.

Да что уж там, о Марке она думала. О том, как они встретятся, совсем скоро. И она пошла на остановку, дождалась свою маршрутку. Удивительно, но больше в салоне пассажиров не было. Кира приоткрыла окошко и подставила лицо ветру. Водитель вдруг что-то сказал, но она не расслышала. Наверное, он говорил по телефону.

Тут звякнул и ее телефон. Сообщение... От Федора?! «Привет, красавица! Должок возвращаю. Будем жить!..»

